ISSN 2218-1644

16+

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

2020 №2(31)

Index П2454
podpiska. pochta.ru

ISSN 2218-1644

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES

Scientific journal
Periodical
Published quarterly
2020, № 2 (31)

JOURNAL INCLUDED IN
Database (European Database) of the European Citation Index in the Humanities (ERIH PLUS),
The list of Russian reviewed scientific journals in which should be published the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science

Founder
FSBIS Federal Research Centre "The Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences" (FRC YaSC SB RAS)

Editorial Board:

Efremov N.N., editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I*., deputy editor-in-chief, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Danilova N.I*., deputy editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Golomareva J.U.,* executive secretary (IHRISN SB RAS); *Antonov E.P*., Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A*., Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Burykin A.A.,* Doctor in Philology, Doctor in History, (ILS RAS, St. Petersburg); *Vasilieva N.M*., Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Vinokurova D.M.*, Candidate in Sociology (M.K. Ammosov NEFU); *Gabysheva L.L*., Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Dmitrieva E.N*., Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Ignatieva V.B*., Candidate in History (IHRISN SB RAS); *Illarionov V.V.,* Doctor in Philology, Doctor in History, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Larionova A.S*., Doctor of Arts (IHRISN SB RAS); *Melnichuk O.A*., Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU); *Petrov A.A.,* Doctor in Philology, Professor (A. Herzen RSPU, St. Petersburg); *Pokatilova N.V.,* Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Popova N.I.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N*., Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N*., Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Sivtseva S.I.,* Doctor in History (M.K. Ammosov NEFU); *Sivtseva-Maksimova P.V., Doctor in Philology, Professor* (M.K. Ammosov NEFU); *Struchkova N.A*., Candidate in History (M.K. Ammosov NEFU); *Filippov G.G*., Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU), *Khazankovich U.G*., Doctor in Philology (M.K. Ammosov NEFU).

© FRC YaSC SB RAS, 2020

Индекс П2454
podpiska. pochta.ru

ISSN 2218-1644

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2020, № 2 (31)

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В
Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
базу данных (БД) Европейского индекса цитирования в гуманитарных науках (ERIH PLUS),
Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук

Учредитель:
ФГБУН Федеральный исследовательский центр
«Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., гл. редактор, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. гл. редактора, д. и. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Данилова Н.И.*, зам. гл. редактора, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Голомарева Ю.Ю.*, отв. секретарь (ИГИиПМНС СО РАН); *Антонов Е.П.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Бурыкин А.А.,* д. ф. н., д. и. н. (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург); *Васильева Н.М.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Винокурова Д.М.*, к. социол. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Габышева Л.Л.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Дмитриева Е.Н.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Игнатьева В.Б.*, к. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Илларионов В.В.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Ларионова А.С.*, д. иск. (ИГИиПМНС СО РАН); *Мельничук О.А.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Петров А.А.,* д. ф. н., проф. (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Покатилова Н.В.*, д. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Попова Н.И.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д. и. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к. ф. н. (ИГИиПМНС СО РАН); *Сивцева С.И.,* д. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Сивцева-Максимова П.В.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Стручкова Н.А.*, к. и. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Филиппов Г.Г.*, д. ф. н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова); *Хазанкович Ю.Г.*, д. ф. н. (СВФУ им. М.К. Аммосова).

© ФИЦ ЯНЦ СО РАН, 2020

Editorial Council:

Alexeev A.N., Chairperson, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, Doctor in Philology, Professor, Academician of RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argounova-Low T.I.*, Doctor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, Doctor in Ethnology, Professor (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, Doctor in Philology, Professor (PFUR, Moscow); *Golovnev A.V.*, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of RAS (MAE (Kunstkamera) named after Peter the Great, St. Petersburg); *Derevyanko A.P.*, Doctor in History, Professor, Academician of RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, Doctor in Philology (Transbaikal SU, Chita); *Karoly L.*, Dr., Professor (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Kuzmina E.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Nevskaya I.A.*, Doctor in Philology (ITS, Frankfurt am Main, Germany); *Takakura H.*, Dr., Professor (University Tohoku, Japan); *Shirobokova N.N.*, Doctor in Philology, Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Shishkin V.I.*, Doctor in History, Professor (IH SB RAS, Novosibirsk).

Executive editor *S.I. Sivtseva*

Editors: *N.I. Degtyareva*
English text: *O.N. Kochmar*
Page-proofs: *A.N. Stepanova*

ISSN 2218-1644

Редакционный совет:

Алексеев А.Н., председатель, д. и. н., проф. (ИГИиПМНС СО РАН); *Аникин А.Е*, д. ф. н., проф., акад. РАН (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Д.Б.*, д-р, проф. (Институт этнологии Венгерской АН, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д. ф. н., проф. (РУДН, г. Москва); *Головнев А.В.*, д. и. н., проф., чл.-корр. РАН (МАиЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург); *Деревянко А.П.*, д. и. н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д. ф. н. (ЗабГУ, г. Чита); *Каролі Л.*, д-р, проф. (Университет им. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Кузьмина Е.Н.*, д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Невская И.А.*, д. ф. н. (Институт тюркологии, г. Франкфурт-на-Майне, Германия); *Такакура Х.,* д-р, проф. (Университет Тохоку, Япония); *Широбокова Н.Н.,* д. ф. н., проф. (ИФ СО РАН, г. Новосибирск); *Шишкин В.И.*, д. и. н., проф. (ИИ СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *С.И. Сивцева*

Редактор: *Н.И. Дегтярева*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*

© ФИЦ ЯНЦ СО РАН, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

История и археология

К 75-летию Великой Победы

Васильева Н.Д., Романова Л.Н., Григорьев С.А. Культура Якутии в годы Великой Отечественной войны 8

Винокуров А.Д., Винокурова О.Е. Обеспечение семей военнослужащих и инвалидов войны в Якутской АССР в 1941–1945 гг. 17

Боякова С.И. Вклад Ф.С. Донского в научное изучение традиционных отраслей хозяйства коренных малочисленных народов Севера 27

Артыкбаев Ж.О. О казахском племени сіргелі: проблемы происхождения 34

Саввинов А.И. Этнографическая коллекция ессейских саха в ЯГОМИиКНС им. Ем. Ярославского: особенности комплектования и опыт локальной атрибуции 40

Слепцов С.С., Слепцова С.С., Егорова А.Г., Алексеева З.Н. Развитие здравоохранения в Оймяконском районе Якутии в конце XIX – 30-е гг. XX вв. 48

Сулейманов А.А. Академия наук СССР и археологическое изучение арктических районов Якутии в 1980-е – 1991 гг. 55

Языкознание

Иванова Н.И. Тенденции и динамика развития двуязычия в РС(Я): этносоциопсихолингвистический аспект 67

Данилова Н.И. Семантические методы в изучении якутского языка 80

Стручков К.Н. Монгольские лексические заимствования в эвенкийском языке 88

Сундуева Е.В. Отражение лексики карточной игры в переводах повести «Пиковая дама» А.С. Пушкина на монгольские языки 95

Готовцева Л.М. Природа синонимии фразеологических единиц якутского языка 101

Литературоведение и фольклористика

Петрова В.А. Формы и особенности исполнения эвенского эпоса нимкан 111

Павлова Н.В. Инициальные (начальные) формулы в якутских народных сказках и олонхо ессейских якутов 117

Карманова (Ноева) С.Е. «Город на костях»: апокалиптические образы и мотивы Якутска в аспекте городского текста 122

Сведения об авторах 134

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник» 138

CONTENT

History and Archaeology

To the 75th anniversary of the Great Victory

Vasilieva N.D., Romanova L.N., Grigoriev S.A. Culture of Yakutia during the Great Patriotic War 8

Vinokurov A.D., Vinokurova O.E. Providing families of military personnel and war invalids in the Yakut ASSR in 1941–1945 17

Boyakova S.I. The Contribution of F.S. Donskoy to the Scientific Study of Traditional Household of the Indigenous Peoples of the North 27

Artykbaev Zh.O. About the Kazakh sirgeli tribe: problems of origin (Kaz. sirgeli, Sakha sergelah)..... 34

Savvinov A.I. Ethnographic collection of Yessey Sakha in the Yakut State United Museum of the History and Culture of the Peoples of the North named after E. Yaroslavsky 40

Sleptsov S.S., Sleptsova S.S., Egorova A.G., Alekseeva Z.N. Healthcare Development in Oymyakon District of Yakutia at the End of the XIX century – 1930s - XX century 48

Suleymanov A.A. Academy of Sciences of the USSR and the archaeological study of the arctic areas of Yakutia in 1980–1991-ies 55

Linguistic

Ivanova N.I. Trends and dynamics of bilingualism in the RS (Y): ethno-social psycholinguistic aspect 67

Danilova N.I. Semantic methods in the study of the Yakut language 80

Struchkov K.N. Mongolian lexical borrowings in the Evenk language 88

Sundueva E.V. Words of card game in translations of Alexander Pushkin's novel "The Queen of Spades" in the Mongolian languages 95

Gotovtseva L.M. Synonymy of phraseological units of the Yakut language 101

Literary Studies and Folklore Studies

Petrova V.A. Traditional performance of Even's epos Nimkan 111

Pavlova N.V. Initial formulas in the Yakut folk tales and the Yssey Yakuts' Olonkho 117

Karmanova (Noeva) S.E. Yakutsk as existential threshold in Yakut prose of the XX century 122

Information about authors 136

The manuscripts rules 138

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

К 75-летию Великой Победы

Н.Д. Васильева, Л.Н. Романова, С.А. Григорьев

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.001
УДК 94(571.56)″1941/1945″

Культура Якутии в годы Великой Отечественной войны

Авторами статьи сделана попытка представить виды культурной деятельности, которые в экстремальных условиях военного времени были наиболее востребованы и эффективны, как фактор воздействия на сознание людей и их моральное состояние, в частности, образование, физкультурное движение, театральная деятельность, изобразительное искуство и литература. Раскрываются основные направления перестройки работы Союза писателей Якутии, учреждений культуры, народного просвещения, физкультуры и спорта в годы Великой Отечественной войны. Подчеркивается, что, несмотря на все трудности (нехватку кадров, снижение финансирования, отсутствие необходимого оснащения и оборудования для учреждений сферы, тяжелые условия жизни), культурная жизнь республики не только не замедлилась, но и поднялась на новый, качественно иной уровень развития. Особое внимание уделено литературному процессу Якутии военного времени. Именно в эти годы начинается новый этап в истории литературы Якутии, когда без внутренней генетической опоры на классиков якутской литературы усилился интерес к фольклорной традиции. В то же время активизировалась борьба за наследие основоположников якутской литературы А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова и Н.Д. Неустроева, прорывом в которой стали работы Г.П. Башарина, сыгравшие выдающуюся роль в пробуждении национального самосознания народа саха.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, культура Якутии, образование, военно-спортивная подготовка, искусство, литература.

История Великой Отечественной войны и сегодня не теряет своей актуальности, привлекая заслуженное внимание исследователей. Это связано, прежде всего, с тем, что, несмотря на обилие публикаций, в осмыслении событий и процессов, происходивших в этот период, все еще осталось немало слабо изученных тем. И если ратный подвиг якутян, по мере открытия архивохранилищ Министерства обороны России, благодаря не только усилиям ученых, но и ряду государственных программ, общественным инициативам, в последние годы достаточно активно освещается, то воссоздание объективной картины жизни населения в глубоком тылу находится только на этапе своего становления. После известной монографии Д.Д. Петрова, раскрывшей трудовой героизм жителей Якутии в годы Великой Отечественной войны [Петров Д.Д, 1992], историография проблемы пополнилась трудами С.И. Сивцевой, посвященными социально-де-

© Васильева Н.Д., Романова Л.Н., Григорьев С.А., 2020

мографическим проблемам этого периода [Сивцева, 2000], а также рядом публикаций по повседневной жизни населения в условиях военного лихолетья: М.Э. Грязнухиной [2007], Н.Д. Васильевой [2015], начинающего исследователя А.Д. Винокурова [2015; 2017] и др. Некоторые аспекты образовательных процессов в Якутии освещены в монографии Ю.Д. Петрова [2005].

Еще менее изучены социокультурные процессы, происходившие в республике в годы войны. Кроме статьи И.А. Аргунова [1975] и ряда работ обобщающего характера [Потапов, 1960; Афанасьев, 1966; Кочнев, 1992; Крылова, 2004], в которых достаточно обзорно отражено развитие исследовавшихся авторами сфер (изобразительное искусство, образование, физическая культура и спорт, театральное искусство), здесь можно отметить лишь книгу Е.П. Антонова и М.Э. Грязнухиной, посвященную научным исследованиям в республике в 1941–1945 гг. [Антонов, Грязнухина, 2010].

Литературный процесс Якутии периода Великой Отечественной войны в основном представлен в работах якутских литературоведов. Достаточно обзорно об участии в военных сражениях писателей Якутии и специфике развития литературы в эти годы написано в «Очерках якутской советской литературы» (1955, 1956, 1970 гг.) и «Литературе Якутии XX века» (2005 г.). Существует множество научных и научно-популярных работ о жизни и творчестве отдельных писателей-фронтовиков: С.Р. Кулачикове-Элляе [Копырин, 1964], М.И. Кузьмине-Макар Хара [Винокуров Е.Г., 2015], П.Н. Тобурокове [Боескоров, 1981] и др., в которых немаловажное место занимают история участия писателей в войне и тема войны в их творчестве. Наиболее подробное представление об основных датах военного периода литературы Якутии дано в книге «Союз писателей Якутии», изданной к 75-летию Союза писателей Якутии в 2009 г. [Союз..., 2009]. Проблемно-тематическое поле якутской литературы военного периода исследовано литературоведами Н.З. Копыриным [Копырин, 1994], З.К. Башариной [Башарина, 1997; 2005] и др.

В этих работах создана определенная методологическая база исследования биографий писателей-фронтовиков и произведений на военную тематику. Однако целостной картины участия якутских литераторов в Великой Отечественной войне еще не было представлено. Весь материал по данной проблеме состоит из разрозненных материалов об отдельных писателях и единичных фактах истории.

Предлагаемая статья призвана в некоторой степени восполнить пробел, существующий в историографии темы: она посвящена деятельности учреждений культуры и образования, а также развитию литературы в рассматриваемый период. Задача публикации – показать эти процессы в их взаимосвязи и взаимообусловленности, что в конечном итоге должно представить целостную картину культурной жизни Якутии в годы Великой Отечественной войны. Известно, что рассматриваемые направления культуры всегда занимали важное место в формировании общественного сознания и морально-психологического климата в обществе. Анализ исторических фактов показывает, что культура в Якутии военного периода – это сложный, многоуровневый процесс, объединенный общей идеей противостояния врагу, подчиненный единой государственной программе, направленной на сохранение культурных ценностей республики и развитие всех направлений культуры в кризисный период.

Как известно, в эти годы, несмотря на военную обстановку, правительство уделяло особое внимание развитию культуры и образования. В этот трудный период необходимо было, прежде всего, сохранить и перестроить образовательный процесс. Только что наладившаяся система образования в Якутии в 1930-е гг. была вынуждена начать работать в новых военных условиях. По мере имеющихся возможностей постоянно увеличивалось финансирование просвещения, и в 1946 г. оно достигло 87 млн. руб. против 65 млн. руб. в довоенном 1940 г. Выросла сеть школ: с 499 в 1940/41 учебном году до 558 в 1944/45 учебном году. В республике были построены 16 новых школ на 2150 мест, увеличилось количество интернатов. К концу войны действовали 270 интернатов против 155 в довоенный период [Якутия за 50 лет…, 1967, с.135–167; Аргунов, 1975, с. 24]. Постоянно из года в год возрастал и процент охвата детей. В 1941/42 учебном году было охвачено 80% детей. В последующих годах картина выглядела так:

1942–1943 гг. – 82,2%, 1943–1944 гг. – 88,2% и в 1944–1945 гг. – 88,8% [Аргунов, 1975, с. 25–26].

Кроме того, в эти годы началось введение в сельских местностях семилетнего, в поселках и городах – всеобщего среднего образования. В годы войны продолжали свою работу два института, пять педагогических училищ, 11 техникумов и один педрабфак. Среди них рыбный, лесной, судостроительный, сельскохозяйственный, финансовый, автотранспортный, горный, речной, медицинский, связи, кооперативный техникумы. Благодаря этому многие отрасли народного хозяйства и культуры республики получали пополнение в лице специалистов средней и высшей квалификации [Аргунов, 1975, с. 24; Петров Д.Д., 1992, с.157–162].

Война внесла резкие изменения в формирование и расстановку педагогических кадров. Уже в 1941 г. на фронт ушла 1/3 всех учителей и вместо 2968 требуемых в 1941/42 учебном году в школах республики остались лишь 1793 педагога. В связи с этим были намечены досрочный выпуск студентов Якутского пединститута и педучилищ и привлечение к педагогической работе 581 учащегося 10-х классов. Были организованы ускоренные курсы для подготовки учителей начальных классов при средних школах, а также при Якутском институте усовершенствования учителей, которые за годы войны выпустили 420 учителей. Якутский педагогический институт подготовил 239, педагогические училища – 582 учителя.

Якутский пединститут в эти годы стал своеобразным центром образовательных ресурсов в республике. Он состоял из четырех факультетов: литературного, исторического, физико-математического и естественного. По справедливому утверждению Ю.Д. Петрова, во многом благодаря планомерной работе пединститута и педучилищ в городах и селах республики продолжали работать школы [Петров Ю.Д., 2005, с. 31]. Несмотря на тяжелые условия работы в Якутском пединституте не прекращалась научная деятельность. В годы войны были подготовлены и защищены кандидатские и докторские диссертации первых докторов наук Л.Н. Харитонова, А.Е. Мординова, Г.П. Башарина, И.М. Романова. Также пединститут в 1942 г. стал инициатором возобновления научных конференций по направлениям факультетов. Так, под общим названием «Участие Якутии в Великой Отечественной войне советского народа» в мае 1942 г. состоялась I научная конференция, которая, действительно, стала первым крупным научным мероприятием республиканского уровня. В ноябре этого же года была проведена II научная конференция, примечательная тем, что впервые за долгие годы Г.П. Башарин поднял вопрос о восстановлении исторической справедливости по отношению к литературному наследию основоположников якутской литературы.

Таким образом, в сфере образования государство не только не ослабило, но даже, наоборот, ощутимо расширило свою работу. При этом развитие образования происходило в весьма непростых условиях нехватки кадров, учебных пособий, письменных принадлежностей, трудностей с ремонтом и подготовкой школ к учебным занятиям. Помимо основной деятельности, как учащиеся, студенты, так и учителя, преподаватели работали на производстве и в сельском хозяйстве, проводили среди населения агитационно-массовую и культурно-просветительную работу.

В связи с военной обстановкой была значительно перестроена учебно-воспитательная работа. В школах, средних и высших учебных заведениях вводились начальная и допризывная военные подготовки учащихся, открывались военные кабинеты, кафедры, военно-спортивные площадки и т.д. Большое значение придавалось военно-патриотическому и трудовому воспитанию.

Новые условия жизни в годы войны заставили обратить особое внимание на физическое воспитание молодежи. С началом Великой Отечественной войны физкультурное движение Якутии, как и многие другие сферы общественной жизни, было переведено на военное положение. Как и по всей стране, большинство спортсменов и участников физкультурного движения были призваны на фронт. Физические и моральные качества якутян были сразу отмечены командованиями войск. Выносливые, физически хорошо подготовленные, ловкие, наблюдательные северяне, обладающие охотничьими навыками, часто служили снайперами, саперами, разведчиками, артиллеристами. Подвиги земляков – Героя Советского Союза Федора Попова, одним из первых в полку 1 октября 1943 г.

переправившегося под обстрелом через реку Днепр, в рукопашной схватке в траншее врага уничтожившего до 50 солдат и офицеров противника; Героя Советского Союза снайпера Федора Охлопкова, на чьем счету 429 немецких солдат и офицеров; одного из самых результативных снайперов, эвенка Ивана Кульбертинова, чей счет составляет 487 вражеских солдат и офицеров; их моральные и физические качества стали образцом для подражания молодежи, стимулом для усиленной работы в области физической культуры.

В соответствии с приказом № 188 Всесоюзного Комитета по делам физкультуры и спорта при Совете народных комисаров СССР региональные спортивно-административные органы должны были усилить работу по подготовке оборонных кадров в качестве резерва Красной армии. Главной задачей, стоявшей перед республиканскими учреждениями, стало участие в организации в Якутской АССР системы обязательного военного обучения граждан (Всеобуч). Кадровые сотрудники спортивных ведомств активно включились в практическую работу в качестве начальников и инструкторов по физкультурной подготовке командно-строевого состава [НА РС(Я). Ф. 732. Оп. 3. Д. 35. Л. 2].

Помимо физического воспитания резерва для армии, на городские и районные комитеты физической культуры была возложена подготовка непосредственно самих преподавательских кадров. В г. Якутске и ряде районов республики (Амгинский, Булунский, Горный и т.д.) организовывались курсы инструкторов по военно-лыжным видам спорта. Большинство городских и районных комитетов совместно с военными комиссариатами проводили инструктаж и семинары по физическому и строевому обучению на местах, обеспечивали подразделения необходимым инвентарем и профильной литературой.

Большой размах физкультурной работы в Якутии в годы войны способствовал не только воспитанию резерва для армии, но и привлечению к физическим занятиям значительной части населения. В период с 1941 по 1945 г. 12300 человек выполнили нормы комплексов БГТО и ГТО 1-й и 2-й ступеней, 2250 человек получили различные разряды, было подготовлено 2900 инструкторов и 40500 лыжников. Более 100 тысяч человек приняли участие в различных лыжных и легкоатлетических кроссах [Федоров, 2010, с. 133].

Несмотря на тяжелое военное положение, развитие системы физической культуры в Якутии было продолжено. Ежегодно проводились массовые лыжные и легкоатлетические соревнования, чемпионаты по шашкам и шахматам. В годы войны в ряде районов и городов республики начали внедряться новые виды спорта, которые ранее не были широко распространены. Именно в это время в Якутии началось развитие бокса, тяжелой атлетики и гимнастики [НА РС(Я). Ф. 732. Оп. 3. Д. 35. Л. 4].

Для повышения морального духа населения руководством республики в годы войны регулярно проводились различные культурные и спортивные мероприятия. В 1942 г. в честь 20-летия Якутской АССР на стадионе г. Якутска прошел большой парад физкультурников, после которого состоялись состязания по легкой атлетике, волейболу и национальным единоборствам [Кочнев, 1992, с. 30]. В 1944 г. была возрождена традиция проведения праздников «Ысыах», во время которых также прошли массовые соревнования по традиционным видам спорта коренных народов Якутии. В самом конце войны, в 1945 г., после семилетнего перерыва была проведена четвертая республиканская летняя Спартакиада.

Бесспорно, обязательная военная подготовка и ставшее массовым физкультурное движение стали частью общей программы формирования мобилизационных ресурсов страны.

Перестройке на военный лад подверглись все сферы жизни республики. Изменения коснулись и профессионального искусства. Зрительский потенциал в театрах Якутии, в частности в городе Якутске, был и до войны достаточно высок. Агитационно-воспитательное значение театра усилилось с началом войны. Многие артисты и работники театров были призваны в армию, состав Русского и Якутского драматических театров уменьшился вдвое, поэтому театры были объединены в один Русско-драматический театр, но при этом были сохранены обе труппы.

6 ноября 1941 г. открылось новое двухэтажное деревянное здание Русского драматического театра. Театры стали уделять большое внимание патриотическому репертуару, включающему пьесы на военные темы: «Русские люди»

К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука, «Партизан Морозов» В. Протодьяконова, «Кузнец Кюкюр» Д.К. Сивцева и др. [Петров Д.Д., 1992, с. 181–182; Крылова, 2004, с. 92–98]. Подъему творческих сил, расширению театрального репертуара способствовал приезд московских режиссеров В.Д. Бутурлина и П.В. Урбановича. При театре также работали агитбригады и выездная концертная программа «Боевые теа-сборники»*. Артисты регулярно выступали с концертами, различными постановками на предприятиях, гастролировали по республике.

Несмотря на все трудности, в эти страшные и жестокие годы успешно продолжалось строительство якутской музыкальной культуры, начатое в 1930-е гг. В частности, широко развернулась организаторская и творческая деятельность первого якутского композитора, музыковеда, заслуженного деятеля искусств ЯАССР и РСФСР Марка Николаевича Жиркова. Была организована музыкальная труппа, которая вошла в состав Якутского музыкально-драматического театра.

В эти годы были сделаны первые шаги по организации музыкального образования в республике. В 1944 г. в г. Якутске открылась первая в республике детская музыкально-хореографическая школа с интернатом на 50 мест. Функции ССУЗа выполняла музыкальная студия, готовившая кадры для вокального и балетного искусства. Из числа студийцев в 1944 г. в Уральскую консерваторию были направлены Е.А. Захарова, А.П. Лыткина, Ф.А. Баишева, В.Р. Артемьева, У.Е. Кычкина [Аргунов, 1985, с. 43].

Также уделялось внимание развитию других форм музыкального искусства, таких, как инструментальное, хореографическое, и т.д. В 1944 г. в Москву для работы с опытными композиторами Правительством ЯАССР была направлена творческая бригада в составе режиссера В.В. Местникова, композитора М.Н. Жиркова, драматурга Д.К. Сивцева-Суорун Омоллона, народного певца С.А. Зверева и др. В результате участники бригады создали музыкальные произведения: либретто музыкальной драмы «Нюргун Боотур Стремительный» и балета «Полевой цветок» (Д.К. Сивцев-Суорун Омоллон) и т.д. [Петров Д.Д., 1992, с.184].

Большим успехом и популярностью пользовалась музыкальная драма «Нюргун Боотур» (музыка М.Н. Жиркова), впервые поставленная еще в 1940 г. Идея победы добра над злом в героическом эпосе якутского народа – олонхо была созвучна общенародному патриотическому подъему военных лет. В постановке были задействованы известные артисты: в роли главной героини Туйарымы Куо выступала артистка с истинно якутским народным голосом Александра Новгородова, партию Нюргуна исполнял Михаил Жирков. В честь сотого показа в 1943 г. театром были собраны деньги в размере 158 300 руб., в том числе 87645 руб. облигациями государственных займов, на сооружение для фронта танка «Нюргун Боотур». В 1942 г. коллектив театра, поддерживая почин вахтанговцев, внес крупную сумму на строительство эскадрильи самолетов «Советский артист». В начале 1943 г. театр сдал в фонд обороны 132 тыс. руб. деньгами и облигациями государственных займов. В газете «Социалистическая Якутия» была опубликована благодарность от имени Сталина в адрес коллектива Якутского музыкально-драматического театра.

В 1945 г. на конкурсе произведений для Советской армии «Торжественный якутский марш Победы», написанный М. Жирковым и Д.Ф. Салиман-Владимировым, был признан лучшим маршем и прозвучал во время парада Победы на Красной площади 24 июня 1945 г., когда к подножию мавзолея были брошены сотни знамен и штандартов фашистской Германии.

Для изобразительного искусства в годы войны также были характерны общие закономерности развития этого периода. С первых дней художники развернули наглядную агитационно-пропагандистскую работу: оформляли призывные пункты, рисовали агитплакаты, карикатуры, которые также печатались в газетах. В этой работе принимал участие практически весь Союз художников ЯАССР, в котором состояли 17 чел. Были организованы 12 художественных выставок, среди них: в 1941 г. – экспозиция, посвященная войне, в 1942 г. – выставка плакатов и карикатур, в 1943 г. – выставка, приуроченная к 25-летию Красной армии, и др. Также в годы

*«Боевые теа-сборники» создавались по примеру «Боевых киносборников» и включали в себя одноактные пьесы, стихи и другие номера, посвященные борьбе с фашизмом и самоотверженному труду в тылу.

Великой Отечественной войны прошли персональные выставки П.П. Романова, Л.М. Габышева, Н.П. Христофорова, В.А. Кандинского. В 1945 г. звания «Народный художник Якутской АССР» были удостоены И.В. Попов и П.П. Романов [Аргунов, 1985, с. 43; Потапов, 1960, с.16–19]. Живопись Якутии военных лет – это в основном изображение боли и утрат. Художники создавали образы воюющей страны во всех проявлениях: на фронте и в тылу. Они писали картины огромного эмоционального накала.

С первых же дней войны идейным и духовным оружием борьбы против фашизма стала литература. В военные годы якутская литература находилась в едином ключе с общероссийской литературой, отражавшей военное лихолетье. 30 писателей были призваны в действующую армию. Среди них С.Р. Кулачиков-Элляй, А.Г. Абагинский, Н.К. Седалищев-Джеге Аныстыров, С.А. Саввин-Кюн Джирибинэ, Г.И. Макаров-Дьуон Дьанылы, М.И. Кузьмин-Макар Хара, И.П. Никифоров, Т.Е. Сметанин, П.Н. Тобуроков, Н.Д. Слепцов-Туобулахов, И.И. Эртюков, Софр. П. Данилов и др.

С 1939 по 1948 г. председателем правления Союза советских писателей Якутии с небольшим перерывом работал С.Р. Кулачиков-Элляй. Когда Элляя призвали на фронт в марте 1943 г., секретарем оргкомитета правления Союза советских писателей Якутии был назначен поэт С.С. Васильев.

За подвиги, мужество и храбрость, совершенные во время войны, многие писатели были награждены орденами и медалями: поэт М.И. Кузьмин-Макар Хара награжден орденом Красного Знамени; Н.Д. Слепцов-Туобулахов – орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией»; Т.Е. Сметанин – медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и «За победу над Германией»; В.С. Соловьев-Болот Боотур – орденом Славы III степени, орденом Отечественной войны I степени; П.Н. Тобуроков – орденом Отечественной войны II степени и т.д. Многие из писателей получили тяжелые ранения, были среди них и потери: в феврале 1944 г. пропал без вести Н.К. Седалищев-Джеге Аныстыров.

В Союзе советских писателей ЯАССР осталось всего около 10 писателей, на их долю выпал большой объем работы по печатной деятельности, созданию и публикации произведений патриотической тематики, публикации отправленных с фронта произведений писателей-воинов, переводов на русский и якутский языки, а также работы по переписке с писателями-фронтовиками, организации помощи их семьям и т.д.

В годы войны якутские писатели были среди делегатов, выезжавших на фронт для поддержания духа воевавших земляков, освещения фронтовых новостей на родине в местной печати. В состав первой делегации, отправленной в ноябре 1942 г. на Западный фронт, вместе с председателем Президиума Верховного Совета ЯАССР П.В. Аммосовым и секретарем Алданского окружного комитета райкома партии А.И. Мишиным был и поэт В.М. Новиков-Кюннюк Урастыров. Он стал единственным из якутских писателей, присутствовавшим на историческом параде на Красной площади 7 ноября 1942 г. [Союз…, 2009, с. 31].

В 1944 г. на фронт в качестве военных корреспондентов выехали Д.К. Сивцев-Суорун Омоллон и С.С. Васильев. Они пробыли на передовой 1-го Украинского фронта четыре месяца. Там якутские писатели встречались с Героем Советского Союза генерал-лейтенантом Н.П. Пуховым, Героями Советского Союза Власовым, Медведевым и Рындиным и др. Значимыми были встречи с коллективами красноармейских газет, типографий на колесах. Результатом этих поездок стали публикации произведений писателей-фронтовиков на родине («На защиту солнечной страны», «Огни на дорогах» С. Кулачикова-Элляя, «Сердце солдата» Т. Сметанина), а также очерков, произведений самих командированных писателей – «Айхал» («Слава») С. Васильева, «Сплоченные навеки Великой Русью», «Привет из фронта!» Суорун Омоллона.

Чувство сопричастности к общему делу защиты родины от фашизма определило гражданский пафос всей якутской литературы. В эти годы вышли сборники стихов «Якуты на войне» М. Тимофеева-Терешкина, поэма «Клятва» С. Васильева, драмы «Партизан Морозов» В. Протодьяконова, «Сайсары» Д. Сивцева-Суорун Омоллона, стихи поэтов Чагылгана, Элляя и др.

Был создан ряд новых произведений народными певцами и сказителями. Так, в 1945 г. вышел коллективный сборник «Кырдьык кыайар» («Правда побеждает»), куда вошли песни-тойуки и авторские олонхо народных певцов и ска-

зителей И.И. Бурнашева-Тоҥ Суорун, С.А. Зверева, Н.А. Абрамова-Кынат, П.П. Ядрихинского и др.

Всего за годы войны вышло из печати около 60 книг якутских писателей. Книжное издательство с 22 июня 1941 г. по 15 мая 1945 г. выпустило 1604800 экз. книг общим объемом 1315 печатных листов, среди них мировая и отечественная классика, а также произведения национальной литературы, труды ученых [Энциклопедия Якутии, 2000, с. 254–256].

Ведущее положение в литературе военных лет занимали оперативные, мобильные жанры – патриотические стихи и очерки. В поэзии наблюдалась актуализация фольклорных, особенно обрядовых, жанров, отвечавших требованиям времени – андаҕар-клятва, илбис ингэриизаклинание воина («Клятва», «Сверкай, мой кылыс!», «Перед огнем пожарища» С. Васильева), алгыс-благословение («Алгыс матери» С. Васильева, «Прощание» Элляя). Закономерно появление стихов, призывавших к борьбе против фашизма («Все силы против фашизма!» Элляя, «Якуты идут на фронт», «На переднем крае» Макара Хара, «Докуда дошел ты, юноша-саха?» Л. Попова и др.). Получили распространение стихи песенного жанра. Всенародно любимыми песнями стали произведения Элляя «Капитан Гастелло», И. Винокурова-Чагылгана «Лыжная», А. Бэрияка «Песня свободного якута».

В военной прозе особый статус получили художественные и публицистические очерки Н. Мординова-Амма Аччыгыйа, Суорун Омоллона, А. Винокурова-Олбинского, Сем. и Софр. Даниловых и др., носившие характер сюжетных, фабульных рассказов, основанных на реальных событиях войны.

Литература 1940-х гг. тяготеет к масштабным литературным формам – роману, роману-эпопее, трилогии, лиро-эпическим поэмам. 1942-й год ознаменовался появлением первого в истории якутской литературы романа В. Яковлева-Эрилик Эристина «Молодежь Марыкчана», а в 1944 г. вышел в свет роман Н. Мординова-Амма Аччыгыйа «Весенняя пора», признанный «энциклопедией якутской народной жизни».

Заметным явлением в драматургии военного времени стали пьесы «Долг», «Враги» С. Ефремова, «Сайсары» Суорун Омоллона (1943 г.), отражавшие тяготы трудового тыла. Известность приобрела пьеса В. Протодьяконова-Кулантая «Партизан Морозов» (1943 г.), где изображались военные будни и подвиги советских солдат глазами якутского солдата Дапсырова.

В начале 1940-х гг. начинается новый этап в истории литературы Якутии, когда без внутренней генетической опоры на классиков якутской литературы все же усиливается интерес к ранней литературной и фольклорной традиции. Подспудно готовилась почва для борьбы за наследие основоположников якутской литературы, которая начала активизироваться после выступления в 1942 г. на II научной конференции Якутского пединститута Г.П. Башарина с докладом «Якутская художественная литература в период Отечественной войны».

В 1943 г. Г.П. Башариным в Институте истории АН СССР была защищена кандидатская диссертация на тему «Три якутских реалиста-просветителя: Кулаковский, Софронов и Неустроев (Из истории общественной мысли дореволюционной Якутии)». Его первое крупное исследование о деятельности основоположников якутской литературы явилось не только знаковым событием якутской науки, но и примером гражданского подвига, пробудившего национальное самосознание народа саха. В диссертации, а затем изданной в 1944 г. одноименной монографии впервые открыто поднимался вопрос о выдающейся роли представителей первого поколения национальной интеллигенции в развитии культуры и общественно-политической истории Якутии начала века. Само название работы изначально указывало на новаторский характер монографии. Характеристика первых трех якутских писателей как «реалистов-просветителей» стала впоследствии доминирующей в определении творческого метода писателей-основоположников и в объяснении их просветительских интенций и стимулов, повлекших за собой прогрессивный «прорыв» национальной культуры и науки.

Подключились к борьбе за наследие основоположников общественные и государственные деятели, выступившие в поддержку Г.П. Башарина. В марте 1943 г. на имя уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б) по ЯАССР В.Н. Васильева было направлено письмо заместителя председателя Совнаркома ЯАССР И.Е. Винокурова, начальника управления по делам искусств при Со-

внаркоме ЯАССР С.С. Сюльского, директора педагогического училища И.М. Романова о неправильной политике Якутского обкома ВКП(б) по отношению к литературному наследию А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева [НА РС(Я). Ф. 5. Оп. 4. Д. 270. Л. 91–96об.].

Результатом активных, консолидированных действий Г.П. Башарина и его единомышленников явилось постановление бюро Якутского обкома ВКП(б) от 1 марта 1943 г. «О литературном наследстве Кулаковского, Софронова и Неустроева (заявление Г. Башарина)», в котором были поставлены вопросы политически правильного по тем временам, плодотворного для литературного развития подхода к изучению и использованию наследства зачинателей якутской литературы. Это постановление обусловило относительно недолгое (до 1952 г.) ослабление напряженности в данном вопросе. По решению бюро была принята резолюция о возобновлении издания и научного изучения жизни и творчества основоположников якутской литературы, театральных постановок произведений А.И. Софронова и Н.Д. Неустроева. Впервые за несколько лет вышли статьи о творчестве А.Е. Кулаковского Н.М. Заболоцкого, о пьесах А.И. Софронова С.А. Григорьева. В газете «Социалистическая Якутия» были опубликованы несколько произведений А.Е. Кулаковского в переводе А. Ольхона.

Труд Г.П. Башарина может быть расценен как первый опыт целостного историко-литературного анализа, в котором были заложены основные методологические положения изучения личности, судьбы и творчества писателей. В целом значение труда Г.П. Башарина, несмотря на некоторые исторические неточности и искажения, на которые впоследствии указывал литературовед Н.Н. Тобуроков [2001; 2009], неоценимо в истории якутской литературы. По сути эта работа является одной из первых работ в русле интеллектуальной истории народа, благодаря которой наследие А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова, Н.Д. Неустроева сохранилось для будущих поколений.

22 ноября 1944 г. Бюро нацкомиссий правления Союза советских писателей СССР под председательством Н.В. Чемезова, рассмотрело вопрос об объективной оценке творчества А.Е. Кулаковского (в частности, поэмы «Сон шамана») и возможности его перевода на русский язык [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 6. Д. 703]. Перевод доверили известному сибирскому поэту А.С. Ольхону, которому предоставили построчный перевод И.И. Говорова. Ольхон был знаком с поэзией Кулаковского и высоко ценил его как поэта-философа.

Опыт литературы Якутии военных лет наглядно продемонстрировал, какой социально-организующей силой может обладать художественное слово, которое поддерживало духовные силы в народе, укрепляло веру в Победу. Вместе с тем шла внутренняя борьба за национальные художественные ценности, за сохранение традиций и преемственности литературы.

В целом в годы войны и в последующем литература и работа учреждений культуры занимали огромное место в просвещении и пропаганде среди населения. Великая Отечественная война внесла в организацию культурной жизни Якутии свои специфические формы и методы. Все содержание культурной и идеологической политики было подчинено делу Победы, это и предопределило основные направления деятельности учреждений культуры и образования. Трагичность исторической эпохи не препятствовала культурному подъему, наоборот, культура стала мощным стимулом для поддержания духовных сил народа, направленных на борьбу с фашизмом. Образование, физическая культура, искусство, литература Якутии в кризисный для страны период смогли в ускоренном темпе перестроиться и наладить планомерную работу. За скупыми цифрами о количестве школ, учащихся, педагогов, физкультурных мероприятий, театральных событий, выставок, изданных книг стоят живые люди, которые, несмотря на тяготы военного времени, все силы прилагали для сохранения и развития культуры. В предлагаемой статье освещены не все составляющие культурной жизни Якутии военного времени. Бесперебойно работали городские и сельские библиотеки, музеи, сельские клубы, кинотеатры, радиовещание, научные учреждения продолжали свои исследования, в экспедициях Института языка и культуры при СНК ЯАССР собирался уникальный фольклорный и этнографический материал и т.д.

Небывалый подъем культуры в Якутии, думается, не был результатом только идеологического давления (а идеологических издержек и перегибов в те времена, как известно, было немало), а

естественным, закономерным, искренним отношением якутского (как и всего советского) народа к своей стране, своему будущему. В культурном подъеме республики проявилось нравственное достоинство народов Якутии, их сплоченность в борьбе за мир. Д.С. Лихачев, советский и российский филолог, культуролог, искусствовед, в одном из своих воспоминаний отметил: «То, что создали в годы войны советские артисты, музыканты, писатели – это подвиг. Подвиг во имя Родины, во имя победы над врагом, во имя жизни».

Литература и источники

Антонов Е.П., Грязнухина М.Э. Наука Якутии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): научная деятельность и ратный подвиг. – Якутск: Феникс, 2010. – 79 с.

Аргунов И.А. Культура Якутии в годы войны // Политическая агитация. – 1975. – № 1. – С. 22–26.

Аргунов И.А. Социалистическая судьба якутского народа. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1985. – 189 с.

Афанасьев В.Ф. Школа и развитие педагогической мысли в Якутии. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1966. – 344 с.

Башарин Г.П. Три якутских реалиста-просветителя (Из истории общественной мысли дореволюционной Якутии). – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1944. – 140 с.

Башарина З.К. Проблема героического в литературе народов Якутии, 1940–1990-е гг. – Новосибирск: Наука. Сиб. изд. фирма, 2005. – 122 с.

Башарина З.К. Саха литературата Аҕа дойду Улуу сэриитин кэмигэр (1941–1945 сс.): үөрэх пособиета (Якутская литература в годы войны (1941–1945 гг.). – Дьокуускай, 1997. – 84 с.

Боескоров Г.К. Творчество П.Н. Тобурокова.– Якутск, 1981. – 104 с.

Васильева Н.Д. Повседневность сельского населения Якутии в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в региональном измерении // Матер. всерос. науч. конф. Орел, 23-24 апреля 2015 г. – Орел: Издат. Дом «Орлик», 2015. – С. 136–145.

Винокуров А.Д. Жилищно-бытовые условия жизни населения вилюйской группы районов Якутской АССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Молодой ученый. — 2015. — № 17.1 (97.1). — С. 8–11.

Винокуров А.Д. «Рыба – фронту!»: Чурапчинская трагедия 1942–1944 гг.: из истории трудовых мобилизаций в Якутской АССР // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология.– 2017.– № 1.– С. 81–89.

Винокуров Е.Г. Макар-Хара – Улуу Кыайыы ырыаһыта («Певец Великой Победы»). – Дьокуускай: Бичик, 2005. – 112 с.

Грязнухина М.Э. Якутия в Великой Отечественной войне: тыл // Россия и Якутия: сквозь призму истории. – Якутск: Медиа-Холдинг «Якутия», 2007. – С.174–186.

Копырин Н.З. Поэзия Элляя (о творчестве поэта С.Р. Кулачикова-Элляя). – Якутск: Якуткнигоиздат, 1964. – 175 с.

Копырин Н.З. Тяжелое испытание: якутская поэзия периода Великой Отечественной войны и послевоенные десятилетия. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. – 83 с.

Кочнев В.П. Якутия спортивная / В.П. Кочнев. – Якутск: Нац. кн. изд-во РС (Я), 1992. – 207 с.

Культурная жизнь в Якутской АССР. 1917–1975. Хроника. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 170 с.

Крылова В.К. Времен связующая нить… – Новосибирск: Наука, 2004. – 380 с.

НА РС (Я) – Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 732. Оп. 3. Д. 35; Ф. 5. Оп. 4. Д. 270.

Петров Д.Д. Якутия в годы Великой Отечественной войны. Ч. 2: Трудящиеся Якутии в тылу. – Якутск: Кн. изд-во, 1992. – 319 с.

Петров Ю.Д. В годы суровых испытаний (Якутский пединститут в 1941–1945 гг.). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2005. – 144 с.

Потапов И.А. Изобразительное искусство Советской Якутии. – Л.: Художник РСФСР, 1960. – 75 с.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 6. Д. 703.

Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 2000. – 149 с.

Союз писателей Якутии. – Якутск: Бичик, 2009. – 160 с.

Тобуроков Н.Н. Өксөкүлээх Өлөксөй оло±ун уонна айар үлэтин үрдүк үөрэх кыһатыгар үөрэтии (Изучение жизни и творчества Ексекюлях Алексея в высшем учебном заведении). – Дьокуускай, 2001. – 112 с.

Тобуроков Н.Н. Талыллыбыт үлэлэр (Избранные статьи). – Дьокуускай, 2009. – 160 с.

Федоров Д.С. Военно-патриотическая направленность физического воспитания и спорта в Якутии в 1941–1945 гг. // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2010. – Т. 7, № 2. – С. 129–133.

Энциклопедия Якутии / гл. ред. Ф.Г. Сафронов: в 2 т. – Т.1. – М.; Якутск: Якут. энцикл., 2000. – 552 с.

Якутия за 50 лет в цифрах.– Якутск, 1967. – 170 с.

N.D. Vasilieva, L.N. Romanova, S.A. Grigoriev

Culture of Yakutia during the Great Patriotic War

The authors of the article attempt to present the types of cultural activities that were most popular and effective in extreme conditions of wartime as a factor of influence on people's consciousness and morale, in particular, education, physical culture, theater, fine arts and literature. The main directions of the restructuring of the Union of Writers of Yakutia, cultural institutions, public education, physical education and sports during the Great Patriotic War are revealed. The authors stress the attention to the fact that despite all the difficulties (shortage of qualified personnel, decreased level of funding, the lack of necessary facilities and equipment and challenging living conditions), the cultural life of the republic not only slowed down but also excelled to a new and different level of development in terms of its quality. Special focus is given to the process of literary development in Yakutia during the wartime period. It was during these years which served as the starting point of a new stage in the history of Yakutian literature, when there was an increased interest in the folklore traditions despite the fact that there was no interior genetic basis from the classical writers of Yakut literature that other literature experts could refer to. At the same time, there was an increasing battle for the preservation of the literary heritage created by the founders of Yakut literature: A.E. Kulakovsky, A.I. Sofronov, and N.D. Neustroev; such scholars as G.P. Basharin and his research works played an important role in the awakening of the national self-identity of the Sakha people.

Keywords: the Great Patriotic War, culture of Yakutia, education, military-sports training, art, literature.

А.Д. Винокуров, О.Е. Винокурова

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.002
УДК 94:364 ″1941/1945″

Обеспечение семей военнослужащих и инвалидов войны в Якутской АССР в 1941–1945 гг.

В статье рассматривается работа органов государственной власти в Якутской АССР в области социального обеспечения семей военнослужащих, социальной и трудовой реабилитации инвалидов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Особенно это касалось семей военнослужащих, проживающих в сельских местностях Якутской АССР, значительно пострадавших от продолжительной засухи 1937–1942 гг., перегибов и репрессивной политики команды И.Л. Степаненко в начальный период войны. Исследование ранее неопубликованных архивных источников позволило изучить действия по финансовому обеспечению, введению налоговых льгот, централизованному снабжению продуктами питания и товарами первой необходимости семей фронтовиков. Актуальность исследования обусловлена тем, что в современном мире перед государством, по-прежнему стоят задачи по оказанию своевременной социальной защиты и поддержки населения в случае возникновения таких экстремальных условий, как война или пандемия. Целью исследования является изучение принятых государством и обществом мер по социальному обеспечению семей военнослужащих и инвалидов войны в Якутской АССР в условиях военного времени. Специфика избранной цели предопределила состав и содержание задач исследования: анализ видов и сути финансовой, материальной и иной помощи; выявление мер социальной и трудовой реабилитации инвалидов войны; изучение традиционных практик взаимопомощи общества. Новизна исследования заключается в том, что на основе архивных документов впервые предпринята попытка оценить

© *Винокуров А.Д., Винокурова О.Е., 2020*

эффективность и недостатки мер, принятых в целях организации социального обеспечения семей военнослужащих и инвалидов войны в Якутской АССР в годы военного лихолетья.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, социальное обеспечение, инвалиды войны, материальная помощь, налоговые льготы, семьи военнослужащих.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. оставила глубокий след в истории каждой советской семьи. Миллионы мужчин были мобилизованы либо ушли добровольцами в действующую армию. В стране были введены меры по централизации снабжения населения и торговли товарами первой необходимости. Свободная торговля продовольственными и промышленными товарами была ограничена введением карточной системы распределения. В связи с этим на плечи государства легла ответственная задача по социальной защите, обеспечению и заботе о семьях фронтовиков и инвалидах войны.

Вопросы, в той или иной мере связанные с обеспечением семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., рассматривались многими отечественными исследователями. В то же время необходимо отметить, что крупные монографические работы по данной теме отсутствуют [Семенова, 2015, с. 31]. В историографии проблемы можно выделить два этапа: 1. 1941–1991 гг. – советская историография; 2. 1991 г. – по настоящее время – постсоветская историография [Красноженова, 2014, с. 11].

В работах военных и послевоенных лет освещение проблемы обеспечения семей военнослужащих в Якутской АССР носило эпизодический характер [Попов Г., 1944; Мординов, 1944]. В 1963 г. в третьем томе «Истории Якутской АССР. Советская Якутия» Д.Д. Петров затронул вопросы улучшения материального положения и заботы о семьях красноармейцев [История Якутской АССР…, 1963, с. 248]. В работе И.А. Аргунова упомянуты вопросы денежного и материального обеспечения семей и детей военнослужащих [Аргунов, 1988, с. 99]. Из работ постсоветского периода стоит выделить работу Е.Е. Алексеева «Национальный вопрос в Якутии (1917–1972 гг.)», в которой предпринята попытка исследовать проводимую в годы войны руководством республики политику в отношении сельского населения, их продовольственного положения и жилищно-бытовых условий [Алексеев, 2007].

Основными источниками для изучения проблемы стали ранее неопубликованные документы (отчеты, докладные записки, справки, переписка и др.) из фонда Якутского рескома КП РСФСР, хранящегося в Национальном архиве Республики Саха (Якутия). Изученные документы по своему содержанию и происхождению относятся к делопроизводственным документам (распорядительные, плановые, учетные, контрольные, информационно-справочные, информационные документы).

В довоенное время социальная помощь семьям военнослужащих действующей армии оказывалась в разных формах. С началом Великой Отечественной войны перед Правительством Советского Союза встал вопрос обеспечения семей военнослужащих, в связи с этим был принят Указ Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». С первых дней войны вопросами социального обеспечения семей военнослужащих занимались: Совет народных комиссаров СССР, СНК союзных республик, Народные комиссариаты социального обеспечения союзных республик, краевые (областные) отделы социального обеспечения, районные и городские отделы социального обеспечения [Насонов, 2010, с. 65]. Государством, в дни войны осуществлялись следующие виды социального обеспечения и поддержки семей военнослужащих: пенсии и пособия; единовременная денежная помощь; освобождение от налогообложения; сверхплановое снабжение питанием; ссуды на приобретение скота и развитие подсобного хозяйства; предоставление жилой площади и помощь по ремонту жилья; трудоустройство членов семей военнослужащих; содействие при устройстве детей военнослужащих в детские сады и учебные заведения и др.

Экономическое и политическое состояние ЯАССР в начале Великой Отечественной войны было подорвано, некоторыми перегибами и репрессивной политикой первого секретаря Якутского ОК ВКП(б) И.Л. Степаненко, а также продолжительной засухой 1937–1942 гг. С первых

дней войны Народный комиссариат социального обеспечения Якутской АССР начал работу по приему заявлений на получение денежных пособий и постановку на учет семей военнослужащих. В связи с этим при райисполкомах и горкомах были созданы комиссии по социальному обеспечению семей военнослужащих и инвалидов войны. Данная комиссия в трехдневный срок рассматривала все поступавшие заявления, по итогам их работы назначались пособия и размер выплаты в зависимости от количества иждивенцев.

Необходимо отметить, что размер пенсий и пособий устанавливался в зависимости от количества трудоспособных и нетрудоспособных членов семьи военнослужащего. Например, в городской местности семьи военнослужащих получали от 100 до 200 руб. в месяц [Попов А.В., 2012, с. 151], в то же время размер выплат семьям военнослужащих в сельской местности был на 50% меньше. Семьям военнослужащих, награжденных медалями и орденами, производились дополнительные денежные выплаты [Кабирова, 2011, с. 127]. Наряду с этим, решением Ставки Верховного Главнокомандования от 16 августа 1941 г. семьи солдат, сдавшихся в плен, были лишены пособий.

Согласно сведениям Народного комиссариата социального обеспечения ЯАССР, подготовленным во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г., с июня по октябрь 1941 г. в республике было поставлено на учет 3115 семей военнослужащих (табл.1).

Таблица 1

Сведения о назначении пособий семьям военнослужащих в Якутской АССР по состоянию на 1.10.1941 г.*

Район	Колич. пособий	Общая мес. сумма	Отказано	Находится в произв.	Дата сдачи сведений
Алданский округ (4 района)	765	143548 р	96	33	30.09
Якутский Горсобес	1144	142000 р	122	-	
Таттинский	57	4240	51	-	
Орджоникидзевский	134	18438 р	7	-	
Верхневилюйский	86	6000 р	47	-	
Намский	76	5475 р	57	-	29.09
Мегино-Кангаласский	59	5625 р	16	-	
Вилюйский	49	4440 р	15	-	25.09
Сунтарский	67	4175 р	56	Сведения	20,09
Нюрбинский	71	4930	2		17.09
Амгинский	5	356	-	-	15.09
Горный	23	1675	-	-	23.09
Чурапчинский	69	5756	-	-	19.09
Якутский район	171	16075	42	-	30.09
Ленский	141	9450	94	Свед.	20.09
Олекминский	121	12450	5	-	19.09
Усть-Алданский	24	1650	24	Сведен	20.09
Токкинский	2	100	-	Свед.	
Кобяйский	52	6050	10	-	
Итого	3115	392427	644		

* НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1648. Л. 13.

Из данной таблицы следует, что в сельской местности была слабо организована работа по постановке и выплате денежных пособий семьям военнослужащих по причине труднодоступности, отсутствия постоянной связи и низкого уровня информационно-разъяснительной работы среди населения.

В 1942 г. второй дополнительный Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19 июля 1942 г. внес существенные изменения в 1-ю и 2-ю статьи Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. в сторону увеличения размера пособий. Согласно ст. 1 Указа от 19 июля 1942 г. при отсутствии в семье трудоспособного, при наличии пяти и более нетрудоспособных сумма пособия стала составлять 250 руб. (200 руб.). В то же время семьи военнослужащих, которые ранее не имели право на пособие, например, семьи из пяти и более нетрудоспособных при двух трудоспособных по Указу от 19 июля 1942 г. получили право получать пособие на сумму 150 р. в месяц [НА РС(Я). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1668. Л. 18].

Всего с 22 июня 1941 г. по 1 января 1946 г. в Якутской АССР было зарегистрировано 29572 семьи военнослужащих, из них получали пенсии и пособия 13268 семей (табл. 2).

Таблица 2

Сведения об учете семей военнослужащих по Якутской АССР на 1 октября 1944 г.*

Район	Общее кол-во семей военнослужащих	Кол-во семей военнослужащих, получающих пособия и пенсии
Алданский окрсовет	4443	2097
Якутский горсовет	10516	3103
Булунский район	381	153
Вилюйский	1239	704
Верхневилюйский	1255	685
Кобяйский	884	348
Олекминский	1638	1066
Токкинский	157	112
Нюрбинский	1363	882
Сунтарский	1384	881
Чурапчинский	2279	526
Таттинский	1808	508
Намский	755	527
Амгинский	1393	438
Усть-Майский	468	232
Усть-Алданский	1484	567
Жиганский	69	41
Якутский район	685	301
Усть-Янский	60	17
Орджоникидзевский	1523	917
Мегино-Кангаласский	2324	1000
Ленский	1480	904
Горный	472	277
Аллах-Юньский	1846	454
Всего	39906	16740

* НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1750. Л. 40.

Одной из главных проблем несвоевременного назначения и выплат пособий семьям военнослужащих в Якутской АССР являлись трудности с оформлением документов, удаленность колхозов от районных центров, низкий уровень информированности населения. Распространенным явлением были растраты и незаконные назначения пособий и пенсий. Имелись случаи параллельной выплаты пособия и пенсии на одного и того же военнослужащего. Во исполнение постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мерах по улучшению работы советских органов и местных парторганизаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» при Совете народных комиссаров Якутской АССР в 1943 г. был создан отдел по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Данному отделу были переданы функции по назначению, контролю и выдаче пособий и пенсий семьям военнослужащих. С выходом данного постановления на местах стали конкретнее заниматься вопросами материального обеспечения и бытового устройства родственников участников войны [Карюкина, 2016, с. 87].

В то же время в апреле 1943 г. руководству страны стало известно о критическом состоянии сельского хозяйства и тяжелом положении колхозников ЯАССР, в связи с чем было утверждено постановление ЦК ВКП(б) «Об ошибках в руководстве сельским хозяйством Якутского обкома ВКП(б)». В постановлении были указаны грубые ошибки и перегибы руководства республики, говорилось о необходимости исправления допущенных ошибок, проведения пленума обкома партии и принятия соответствующих мер по восстановлению и подъему сельского хозяйства республики. В связи с этим решением ЦК ВКП(б) И.Л. Степаненко, первый секретарь Якутского обкома ВКП(б), и В.А. Муратов, председатель СНК ЯАССР, были освобождены от должности. В результате кадровых перестановок первым секретарем Якутского обкома ВКП(б) был назначен Г.И. Масленников, а председателем СНК ЯАССР – И.Е. Винокуров [История Чурапчинского переселения…, 2014, с. 7]. Следует заметить, что после смены руководителей республики, начиная с 1943 г., произошли положительные сдвиги в области социального обеспечения семей военнослужащих.

В 1943 г. отдел по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих при СНК Якутской АССР рассмотрел 446 жалоб, а райгоротделы – 2952 жалобы [НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1750. Л.10]. В связи с этим в республике была проведена проверка всех личных дел лиц, получавших пособия и пенсии. В результате были выявлены переплаты в 1943 г.: по пособиям – 138 575 руб., по пенсиям – 22048 руб.; недоплаты по пособиям – 138 100 руб., по пенсиям – 5 532 руб. [Там же. Л. 9]. В отчете военного отдела Якутского ОК ВКП(б) за 1941–1944 гг. основным недостатком ведения бухгалтерского учета было названо отсутствие опытных счетных работников.

Обратим внимание на данные военного отдела Якутского ОК ВКП(б), согласно которым за годы войны общая сумма предоставленных льгот составила 21510, 3 тыс. руб. [Там же. Д. 1757. Л. 1]. В том же документе представлена таблица о льготах по обязательным государственным поставкам семьям военнослужащих (табл. 3). Необходимо подчеркнуть, что предоставленные

Таблица 3

Льготы по государственным поставкам
семьям военнослужащих за 1941–1945 гг.*

Год	Кол-во семей	Кол-во мяса, в ц	Кол-во семей	Кол-во молока, в ц	Кол-во семей	Кол-во картофеля, в ц	Кол-во семей	Кол-во зерна, в ц
1941	2033	385,07	1582	608,55	1258	246,03	21	8,72
1942	7231	2997,83	5030	3831,95	1537	247,77	Нет сведений	
1943	10418	4497,14	5996	3433,11	4470	1043,10	575	22,93
1944	9305	4250,36	6310	2984,49	4356	726,73	Нет сведений	
1945	8937	3471,9	8937	4105	1191	785,66	692	93,45
Всего	97924	15602,3	27855	14964,08	12812	3049,31	1288	125,1

* НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1757. Л. 1–2.

Таблица 4

Сверхплановый посев колхозов в 1943–1945 гг.*

Год	Общая засеянная площадь, га	Урожай зерновых, ц	Урожай картофеля и овощей, ц
1943	328	290	38,0
1944	516	493,15	23,38
1945	679,0	679,0	-
Всего	1523,53	1462,15	61,38

* НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1750. Л. 13.

государством льготы по государственным поставкам, налогам (военный налог, сельскохозяйственный налог, местный налог и т.д.) и обязательным сборам стали существенным подспорьем для семей фронтовиков.

Примечательно, что в годы войны существовала практика оказания общественной помощи семьям военнослужащих. В 1943 г. учреждениями, организациями, предприятиями, колхозами и совхозами республики семьям фронтовиков и инвалидов войны была оказана материальная помощь продуктами на общую сумму 4322,7 ц, в том числе: масло – 4887 кг, мясо – 366,2 ц, молоко – 1279,0 ц, овощи – 484,1 ц, картофель – 159,2 ц, зерновые культуры – 1221,8 ц, прочие продукты – 1279,0 ц [Там же. Д. 1750. Л. 13]. Так, например, в 1943 г. в ряде районов (Орджоникидзевском, Усть-Майском, Амгинском, Таттинском и Токкинском) семьи фронтовиков были обеспечены кумысом, простоквашей, мясом домашнего скота и дичи, рыбой, съедобными травами и ягодами, заготовленными силами колхозов [Там же. Л.15].

Стоит отметить, что, несмотря на засуху 1937–1942 гг., слабое материальное состояние колхозов Якутии, в годы войны они старались за счет местных ресурсов путем сверхпланового посева снабжать семьи военнослужащих зерном для изготовления хлеба. В то же время, согласно отчету отдела социального обеспечения и бытового обслуживания семей военнослужащих при СНК ЯАССР, в 1943 г. колхозы наиболее пострадавших от засухи местностей не смогли включиться в мероприятия по проведению сверхпланового посева (табл. 4).

Важным подспорьем для семей военнослужащих было наделение землей под индивидуальные огороды. По линии отделов социального обеспечения им оказывали помощь в приобретении овощей и зерна на посадку. Весной 1943 г. была проведена обширная работа райисполкомов и органов социального обеспечения по организации индивидуального огородничества семей военнослужащих. Например, если в 1942 г. индивидуальный посев был произведен всего 4116 семьями военнослужащих, то в 1943 г. общее количество семей, произведших посев, выросло до 11954 хозяйств (табл. 5).

В целом за годы войны в Якутской АССР семьям военнослужащих государством была ока-

Таблица 5

Индивидуальный посев семей военнослужащих в 1942–1945 гг.*

Год	Количество хозяйств семей военнослужащих	Было посеяно/посажено		Всего, га
		Зерновых, га	Картофеля, овощей	
1942	4116	54,0	185,0	289,0
1943	11954	149.0	520,0	669.0
1944	19948	645,92	677,21	1323,0
1945	25398	317,0	997,0	1514,0

* НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1750. Л. 14.

зана материальная помощь из продовольственного фонда зерном – 16212,31 ц, картофелем – 4761,63 ц, овощами – 2768,43 ц и другими продуктами – 9387,58 ц. Выдано скота для личного пользования 6365 голов и 17681 тонна сена. Собрано и роздано семьям военнослужащих 88755 единиц различной одежды, 23955 пар обуви и 15918 метров мануфактуры. В республике в фонд помощи семьям военнослужащих деньгами было собрано 5720000 руб.

Серьезные трудности встречались в обеспечении семей военнослужащих квартирами, так как за время войны приток людей в Якутию увеличился, а строительство жилого фонда почти не производилось. О плотности заселения жилой площади свидетельствует тот факт, что в годы войны в Якутске жилплощадь на одного человека составляла 2,3 кв.м. И все же, несмотря на это, в 1943–1945 гг. семьям военнослужащих и инвалидам Великой Отечественной войны в Якутской АССР было предоставлено 5323 и отремонтировано 20842 квартиры. В сельской местности существовала практика «дюккашества», частично решавшая проблему нехватки жилплощади. «Для отопления жилья семьям военнослужащих в городских и сельских местностях было выдано в 1944 г. 510935 м3, в 1945 г. 597556 м3 и 374 т угля» [Там же. Д. 1757. Л. 11об].

Наряду с выплатой пособий и пенсий государство оказывало содействие в трудоустройстве членов семей военнослужащих. По состоянию на 1.10.1944 г., в Якутской АССР с начала войны органы собеса трудоустроили на работу 19016 членов семей военнослужащих, в том числе за 1944 г. – 8108 чел. Большая часть нуждающихся проживала в сельской местности и была трудоустроена в колхозы [Там же. Д. 1798. Л. 90об]. В то же время часть трудоустроенных стремилась изменить свое рабочее место на более высокооплачиваемое. Так, в 1945 г. из трудоустроенных 2192 чел. повысили квалификацию 1843 чел., обучились рабочим специальностям 820 чел. [Там же. Д. 1757. Л. 2].

В Советском Союзе с довоенного времени важное значение придавалось охране материнства и детства. Органы социального обеспечения Якутской АССР проводили работу по устройству детей военнослужащих в детские сады и ясли, прикрепляли их к общественным и детским столовым. Дети фронтовиков, оставшиеся круглыми сиротами, патронировались или направлялись в детские дома. В то же время в сельской местности среди якутских семей бытовала практика, когда родственники усыновляли, оформляли опекунство и старались распределить сирот между собой на воспитание.

На завершающем этапе войны стала оказываться государственная поддержка многодетным матерям путем выплаты единовременного (от 400 до 5000 руб. в зависимости от количества детей в многодетной семье) или ежемесячного пособия (от 80 до 90 руб. также в зависимости от количества детей). При назначении пособия по многодетности учитывались дети, погибшие или без вести пропавшие на фронтах Великой Отечественной войны [Чернышева, 2012, с. 57]. Наряду с этим особыми льготами пользовались женщины, награжденные орденами «Материнская Слава», и «Мать-героиня», а также «Медалью Материнства».

К концу 1941 г. в республику стали возвращаться инвалиды Великой Отечественной войны, и перед органами социального обеспечения была поставлена задача по их реабилитации, трудоустройству, профессиональному обучению, пенсионному и материальному обеспечению. В то же время в 1941 г. ни один из девяти вернувшихся инвалидов войны не был трудоустроен. В докладной народного комиссара социального обеспечения ЯАССР Г.С. Фомина, по данным от девяти райсобесов по состоянию на 1 ноября 1942 г., и по данным 11 райсобесов по состоянию на 1 октября 1942 г., в республику вернулись 667 инвалидов войны, в том числе 13 чел. инвалидов 1-й группы, 403 чел. – 2-й группы и 251 чел. – 3-й группы. Из указанного количества в 1942 г. были трудоустроены 471 инвалид войны, из них большая часть – в колхозах (табл. 6). Из приведенных в таблице данных следует, что большая часть трудоспособных инвалидов стремилась к ресоциализации путем трудоустройства.

С выходом специального постановления СНК СССР от 20.01.1943 г. «О мерах по дальнейшему трудоустройству инвалидов Отечественной войны» в республике была начата планомерная работа по учету и обязательному трудоустройству инвалидов 2-й и 3-й групп. В связи с этим многие инвалиды войны в обязатель-

Таблица 6

Трудоустройство инвалидов войны, чел.*

Годы	Всего	Группа инвалидности			Трудоустроено			Обучено	Кооперация инвал	
		1-я	2-я	3-я	1	2	3		трудустр	обучен.
1941	9	-	9	-	-	-	-	-	-	-
1942	869	16	509	344	-	301	322	23	32	-
1943	2151	27	936	1188	6	632	1109	58	37	-
1944	3467	28	1327	2112	3	813	1964	361	62	31

* НА РС (Я). Ф. П-3. Оп. 1. Д.1729, Л.15.

ном порядке направлялись на курсы производственного обучения и переквалификации. За работавшими инвалидами сохранялась пенсия, им выдавались путевки на санаторно-курортное лечение, деньги на протезирование, их запрещалось привлекать к обязательным сверхурочным работам [Попов А.В., 2012, с.152]. В 1944 г. был открыт Абалахский круглогодовой курорт грязелечения, в котором за летний сезон 1944 г. получили путевки и прошли лечение 40 инвалидов войны [НА РС(Я). Ф.П-3. Оп. 1. Д. 1757. Л. 12]. В республике имелись один интернат инвалидов войны и шесть домов инвалидов в Алданском, Олекминском, Вилюйском, Чурапчинском, Усть-Алданском и Мархинском улусах [Там же. Д. 1708. Л. 2–3].

В отчете Народного комиссариата социального обеспечения ЯАССР о работе среди инвалидов войны с 1 января по 1 октября 1943 г. были названы причины несвоевременного учета и трудоустройства, связанные во-первых, с задержкой инвалидов войны на один-два месяца в сборных пунктах гг. Якутск и Алдан в ожидании транспорта для выезда в районы республики; во-вторых, с тем, что они отдыхали, лечились, состояли на учетах в горсобесах. Именно эти факты затрудняли точный учет и трудоустройство инвалидов войны в районах. Из того же отчета следует, что имелась общепринятая практика назначения инвалидов войны на руководящие должности, например, по состоянию на 1 декабря 1943 г., по данным 15 районов республики, председателями колхозов работали 50 инвалидов войны, счетоводами колхозов – 24, председателями наслежных советов – 26, заведующими молочно-товарных ферм – 27, бригадирами колхозов – 71 [Там же. Л. 4]. Отсюда следует вывод, что партийные органы в условиях дефицита кадров стремились выдвигать инвалидов войны на руководящие должности.

По состоянию на 1 июля 1944 г., в органах социального обеспечения получали пенсии 3061 инвалид войны: 1-й группы – 28 чел.; 2-й – 1195 чел.; 3-й – 1838 чел. В 1944 г. было трудоустроено 2244 инвалида войны, в том числе 1-й группы – 1 чел., 2-й группы – 645 чел. и 3-й группы – 1593 чел. (табл. 7). В то же время в справке Народного комиссариата социального обеспечения имеются сведения о снятии с пенсионного обеспечения за девиантное поведение (пьянство, дебош) и привлечение к уголовной ответственности за хулиганство в связи с недостаточным уровнем реабилитационной работы с инвалидами войны в районах и г. Якутске [Там же. Л. 5–5об].

В период с 1941 по 1944 г. в народное хозяйство республики вернулись свыше 3 тыс. инвалидов войны, из них в сельское хозяйство и промышленность – около 1500 чел. Несмотря на физические увечья и тяжелые ранения, инвалиды войны добивались высоких результатов в сельском хозяйстве. Например, заведующий молочно-товарной фермой колхоза «Белехтесю» Усть-Алданского района, инвалид войны Замятин Иван Никитич выполнил государственный план животноводства 1944 г. на 103,8%, сохранив молодняк на 100%, выполнив план надоя молока на 136,6% и план случки – на 121,6%. Готовцев Василий Андреевич, кузнец колхоза

Таблица 7

Сведения о трудоустройстве и выплате пенсий инвалидам войны в Якутской АССР на 1 октября 1944 г.*

Район	Число инвалидов войны, получающих пенсию				Трудоустроено и обучается		
	Всего	1 гр.	2 гр.	3 гр.	1 гр.	2 гр.	3 гр.
Орджоникидзевский	148	1	72	75	=	59	73
Алданский округ	354	3	184	167	1	115	167
Нюрбинский	182	1	55	126	-	44	116
Верхневилюйский	201	-	94	107	-	76	107
Сунтарский	126	2	32	92	-	24	86
Ленский	100	2	38	60	-	22	58
Вилюйский	194	-	75	119		75	119
Амгинский	103	1	34	68	-	20	68
Чурапчинский	118	3	36	79	-	5	77
Усть-Алданский	222	1	47	174	-	19	162
Якутский район	57	-	12	45	-	8	45
Горный	114	1	32	81	-	32	75
Таттинский	90	1	36	53	-	8	52
Мегино-Кангаласский	258	4	134	120	-	112	120
Олекминский	149	-	69	80	-	62	80
Кобяйский	58	-	30	28	-	12	16
Намский	137	-	43	94	-	31	92
Аллах-Юньский	20	-	9	11	-	9	11
Усть-Майский	23	1	16	6	-	7	6
Город Якутск	723	7	236	480	-	34	338
Жиганский	19	-	5	14	-	5	14
Булунский	40	-	22	18	-	22	18
Верхоянский	10	-	7	3	-	5	3
Абыйский	1	-	1	-	-	1	-
Токкинский	20	-	8	12	-	6	11
Всего	3467	28	1327	2112	1	813	1954

* НА РС(Я). Ф.П-3. Оп. 1. Д. 1730. Л. 8

им. Энгельса Тебиновского наслега, в установленный срок отремонтировал сельхозмашины четырех колхозов, во время сеноуборочных работ выполнил нормы выработки на 200%. Инвалид войны Неустроев Роман Макарович, член колхоза «Трудовой» Таттинского района, перевыполнял норму на сенокосилке на 124%. В пострадавшем от продолжительной засухи Чурапчинском районе председатель колхоза им. Островского, инвалид войны Ноговицын Сергей Константинович добился ликвидации падежа скота, своевременной организации заготовки кормов, в результате чего государственный план по животноводству по крупному рогатому скоту был выполнен на 101,5% и по конному поголовью – на 97%. В то же время он в 1944 г. добился повышения удоя молока на одну фуражную корову на 61 литр против фактического удоя, полученного в 1943 г.; завершил сев зерновых и огородных культур в течение 12 дней, получив урожай зерновых 12 ц с гектара [Там же. Л. 5–16].

Таким образом, за годы войны органами социального обеспечения Якутской АССР была оказана существенная финансовая и другая материальная помощь семьям военнослужащих и инвалидов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В частности, для сельского населения Якутии, ослабленного продолжительной засухой 1937–1942 гг. и пострадавшего от неоправданной политики команды первого секретаря Якутского обкома ВКП(б) И.Л. Степаненко, данная помощь была очень своевременной и необходимой, она помогла им выжить в экстремальных условиях Севера и военного лихолетья. Несмотря на проживание большого количества семей фронтовиков и инвалидов войны в сельской местности, в том числе труднодоступной, государственная поддержка оказывалась в полной мере. В то же время были отмечены отдельные случаи растрат, расхищения, параллельного и ошибочного назначения пособий и пенсий. Наряду с государственными мерами поддержки, в сельской местности бытовали традиционные практики взаимопомощи населения, например, призрение сирот родственниками, распределение улова, добычи и т.д., что, несомненно, вкупе со всеми принятыми мерами внесло ценный и значимый вклад в общие усилия всех республик, направленные на достижение и приведшие к победе в Великой Отечественной войне.

Литература и источники

Алексеев Е.Е. Национальный вопрос в Якутии (1917–1972 гг.). – Якутск: Бичик, 2007. – 422 с.

Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР: история формирования и современные проблемы. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1988. – 227 с.

История Чурапчинского переселения: документы, цифры, факты / сост. А.И. Поисеева, К.Г. Макарова; редкол.: А.И. Поисеева, А.А. Калашников, Д.П. Чечебутов, Л.А. Баишева-Федорова. – Якутск: Бичик, 2014. – 168 с.

История Якутской АССР: в 3 т: Т. 3: Советская Якутия / редкол.: В.Н. Антипин и др. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 364 с.

Кабирова А.Ш. Война и люди: проблемы социальной защиты семей фронтовиков в Татарстане в 1941–1945 гг. // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – №2 (14). – С. 127–131.

Карюкина Ю.В. Мероприятия по поддержке семей военнослужащих в Красноярском крае, 1941–1945 гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал ГАУ. – 2016. – № 3 – С. 85–90.

Красноженова Е.Е. Исторический опыт реализации социальной политики Советского государства в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Астрахань, 2014. – 39 с.

Мординов А.Е. Якутия в Великой Отечественной войне Советского Союза. – Якутск: Кн. изд-во, 1944. − 52 с.

Насонов К.А. Социальное обеспечение военнослужащих Красной армии в годы Великой Отечественной войны: сущность, содержание и современное значение // Вестник Военного университета. – 2010. – № 3 (23). – С. 65–70.

НА РС (Я) – Национальный архив РС(Я). Ф. П-3. Оп. 1. Д. 1648; Д. 1668; Д. 1708; Д. 1729; Д. 1730; Д. 1750; Д. 1757; Д. 1798.

Попов А.В. Организация социальной помощи населению Ойротской автономной области в годы Великой Отечественной войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 1 (15). – С.151–153.

Попов Г. Все для фронта, все для победы. Трудящиеся Якутской АССР в Великой Отечественной войне Советского Союза – Якутск: Якутгосиздат, 1944. – 42 с.

Семенова Е.Н. Образование органов государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны (на материалах Западной Сибири) // Вестник Томск. гос. пед. ун-та. – 2015. – № 2 (155). – С. 31–37.

Чернышева Н.В. Социальная политика государства в отношении семей военнослужащих в 1941–1945 гг. (на материалах Кировской области) // Вестник Вятск. гос. гуманит. ун-та. – 2012. – № 1, ч. 2. – С. 54–59.

A.D. Vinokurov, O.E. Vinokurova

Providing Families of Military Personnel and War Invalids in the Yakut ASSR in 1941-1945

The article discusses the procedures and mechanisms of social security for military families, social and labor rehabilitation of war invalids in 1941-1945. Based on the study of previously unpublished archival documents, the measures taken and decisions necessary for the organization of the social security process, payment of pensions, introduction of tax benefits and centralized supply of food and basic necessities to military families in the Yakut ASSR are considered. For family members of military personnel called up from the areas most affected by the effects of the drought of 1939-1944, the assistance provided by the state and collective farms on the ground has become a significant help. Public canteens and nursery schools were set up in the Autonomous Republic. Children remaining orphans were sent to orphanages and boarding schools. Since the beginning of the war, the state has had to solve the problems of rehabilitation, employment, vocational training, pension and material support for war invalids. It is concluded that during the great Patriotic war, the Soviet authorities, party organizations and economic entities of the Republic carried out tremendous work on social security for families of military personnel and war invalids.

Keywords: Great Patriotic war, social security, war invalids, material assistance, tax benefits, military families.

С.И. Боякова

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.003
УДК 929Донской(571.56)

Вклад Ф.С. Донского в научное изучение традиционных отраслей хозяйства коренных малочисленных народов Севера

Статья посвящена изучению научного наследия известного якутского ученого, ветерана Великой Отечественной войны, кандидата экономических наук Феодосия Семеновича Донского, внесшего весомый вклад в отечественное североведение. Подчеркивается пионерный характер работ Ф.С. Донского, на основе которых разрабатывались современные подходы к развитию традиционных отраслей хозяйства арктических этносов. Характеристика трудов ученого дается на широком фоне исследований социально-экономических проблем коренных малочисленных народов Севера в досоветский и советский периоды. Проблемы сохранения и возрождения традиционных отраслей северного хозяйства: оленеводства, рыболовства, охотничьего промысла, Ф.С. Донской рассматривал в комплексе – углубленно изучая также вопросы занятости, изменения условий труда и быта, влияния промышленного освоения на образ жизни и способы хозяйствования коренных народов. Наряду с фундаментальными трудами по экономике и социологии, научное наследие ученого включает в себя значительное число прикладных исследований, послуживших основой для законодательного закрепления прав коренных малочисленных народов Севера в Российской Федерации и Республике Саха (Якутия). Подчеркивается, что исследователь много занимался практическими вопросами возрождения традиционных отраслей хозяйства, вел активную общественную деятельность по защите и сохранению уникальной системы жизнеобеспечения народов Арктики.

Ключевые слова: Север, коренные малочисленные народы, традиционные отрасли хозяйства, научное изучение, экономика, социология.

© Боякова С.И., 2020

Осенью 2019 г. в Республике Саха (Якутия) торжественно отметили 100-летие со дня рождения ученого, журналиста, общественного деятеля, участника Великой Отечественной войны, почетного гражданина РС (Я) Феодосия Семеновича Донского (1919–2013). Бесстрашный воин, принявший свой первый бой 22 июня 1941 г. и закончивший войну в освобожденной Праге в победном мае 1945 г., талантливый журналист, умелый руководитель и организатор, кропотливый исследователь – в любой своей ипостаси, на каждом этапе своей долгой жизни, вместившей в себя трудности и победы, взлеты и падения, неприязнь власть имущих и признание народа, Ф.С. Донской всегда оставался верен своим убеждениям, «не изменив своим твердым принципам, не предав своих друзей ни при каких обстоятельствах» [Винокурова, 2019, с. 8]. Бесспорно, его жизнь и научная биография, изучение которой только начато [Воин…, 2007; Роббек, 2010; Феодосий Семенович Донской, 2013; Егоров, 2014; Томаска, 2018 и др.], ждут своего исследователя, требуют более глубокого осмысления. Актуальным остается изучение не только персональной истории известного ученого и незаурядного человека, в судьбе которого отразилась вся история нашей страны XX столетия, но и научного наследия Ф.С. Донского, объективной оценки его вклада в развитие отечественного североведения, выявление возможности включения его концептуальных подходов и методики в арсенал современной социологии и экономической науки.

В целом вклад Ф.С. Донского в изучение социально-экономических и социокультурных проблем Севера и Арктики, его общественная деятельность по защите прав и развитию местного самоуправления коренных малочисленных народов Якутии высоко оценены [Донской, 2009; Курилов, 2015 и др.], однако большинство работ, посвященных научному наследию ученого, носят достаточно обзорный характер. Можно выделить только две публикации, в которых труды Донского подвергнуты глубокому и всестороннему анализу. Это статья А.А. Сулейманова, в которой скрупулезно рассматриваются ранние работы известного североведа, написанные в конце 60-х – 70-е гг. XX столетия. Автор подробно остановился на фундаментальных и прикладных исследованиях Донского, связанных с проблемами перевода на оседлый образ жизни оленеводов и охотников, на разработке комплексных планов социально-экономического развития арктических поселений и сельскохозяйственных предприятий. Особое внимание Сулейманов уделил методике изучения Ф.С. Донским уровня и качества жизни северян, его роли в подготовке и принятии важнейшего постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 07.02.1980 № 115 «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» [Сулейманов, 2016]. Серьезным вкладом в историографию темы является также статья Л.И. Винокуровой, вышедшая в сборнике материалов Всероссийской конференции «Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе», организованной в честь 100-летия Ф.С. Донского, в которой предпринята попытка проследить эволюцию концептуальных подходов ученого к решению проблем выживания арктических этносов в советский и постсоветский периоды. Автор обозначила и расставила исследовательские акценты в трудах Донского, подчеркнув, что приоритетными для него всегда являлись «социальные характеристики благополучия северных сообществ» [Винокурова, 2019, с. 12]. Таким образом, к настоящему времени изучение научного наследия пионера экономико-социологических исследований Севера больше сфокусировано на его социальных исследованиях, как наиболее выдержавших проверку временем и получивших поддержку, как в советское время, так и в последующую эпоху, на самом высоком уровне.

В данной статье хотелось бы обобщить и более подробно остановиться на менее изученном, но одном из главных векторов научных интересов Ф.С. Донского – изучении его подходов к вопросам сохранения и развития традиционных отраслей хозяйства коренных малочисленных народов Арктики, проанализировать их в политическом и интеллектуальном контексте, определить их место и роль в исследованиях региональной экономики Севера.

Напомню, что термин «традиционные отрасли хозяйства» появился, как экономическая и научная дефиниция, только в первой четверти

XX в. и связан с началом планомерных преобразований хозяйства и образа жизни коренных народов в советский период. Аборигенам Арктики был присущ комплексный характер традиционной экономики, выражавшийся в одновременном сочетании специфических северных способов хозяйствования: оленеводства, рыболовства, охотничьего, в некоторых местах морского зверобойного, промыслов. Поэтому первые работы, вышедшие еще в досоветский период и изучавшие отдельные аспекты традиционного хозяйства, среди которых, например, известный труд В.И. Иохельсона, посвященный звероловству на севере Якутии [Иохельсон, 1898], касались в основном пушного промысла, ставшего проводником товарно-денежных отношений в жизнь и быт коренных этносов Севера.

С конца XIX в. внимание привлекли рыбные запасы рек бассейна Северного Ледовитого океана. Практические мероприятия по созданию рыбной промышленности обосновывались научными исследованиями К.М. Бэра, Н.Я. Данилевского, К.Ф. Кесслера и др. Планомерные ихтиологические исследования начались в 1920–1921 гг. с изучения промыслов Белого и Баренцева морей. В 1925–1930 гг. развернула свою деятельность Якутская комиссия АН СССР. Среди многочисленных экспедиционных отрядов КЯР изучением традиционного хозяйства коренных народов занимались охотничье-промысловый отряд под руководством Г.Г. Доппельмаира и ихтиологический отряд во главе с П.Г. Борисовым. Значительный материал собрали также Хатанго-Анабарский (рук. П.В. Слепцов), Тунгусский (рук. – В.Н. Васильев), Верхоянский (рук. – Д.Д. Травин) этнографо-экономические отряды. Впервые были комплексно изучены охотничья и ихтиофауна Северо-Востока Азии; оленьи пастбища, охотничьи угодья и рыболовецкие участки; промысловое хозяйство народов Якутии и традиционные способы его ведения. Предполагалось, что по итогам работы КЯР будут подготовлены долгосрочные прогнозы и программы рационализации оленеводства, рыболовства и охотничьего промысла «малых народностей Севера», однако большая часть материалов экспедиции так и осталась невостребованной [Пути …, т. 5, с. 78–85; т. 6, с. 66–69, 82–83, 86–87, 90–91].

В 1920–1930-е гг. развернулась борьба за социалистическое переустройство традиционного хозяйства народов Арктики. Достаточно осторожная позиция в этом вопросе членов Комитета Севера П.Г. Смидовича, С.А. Бутурлина, А.Е. Скачко и др. сменилась политикой сплошной коллективизации, массовым раскулачиванием, ускоренным переводом коренных северян на оседлый образ жизни. Разрушение сложившегося тысячелетиями хозяйственно-культурного комплекса народов Арктики сопровождалось интенсивным отторжением их земель в ходе начавшегося индустриального освоения северных территорий СССР [Слезкин, 2008, с. 221–254; Баишева и др., 2012, с. 9–14].

В 1930-е гг. традиционное северное хозяйство становится частью общесоюзной экономики, ему придается отраслевой характер, что нашло отражение в специализации вновь созданных отдельных оленеводческих, охотничьих, рыболовецких колхозов. Практическая работа по переустройству хозяйства и быта аборигенов была возложена, как известно, на Главное управление Северного морского пути при СНК СССР. Поэтому в подведомственном ему Всесоюзном Арктическом институте (ВАИ) был создан промыслово-биологический сектор, позднее отдел, куда вошли видные специалисты по гидробиологии, зоологии, охотоведению и оленеводству. Позднее, в 1935–1937 гг. в ВАИ работал большой отдел оленеводства, возглавлявшийся В.Б. Сочавой. В сентябре 1937 г. большая часть промыслово-биологического отдела и отдел оленеводства, а также зональные станции и пункты были переданы вновь созданному Институту полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства Главсевморпути, просуществовавшему до середины 1950-х гг. Главными его задачами были определены проведение научных исследований с целью создания собственной продовольственной базы для промышленных центров Крайнего Севера; совершенствование технологии исконно северных сельскохозяйственных отраслей (оленеводства, охотничьего промысла, рыболовства); продвижение в высокие широты домашнего животноводства и растениеводства [Научно-исследовательский…]. Таким образом, на несколько десятилетий в отечественной науке также, как и в общей политике освоения Российского Севера,

возобладал технократический подход, когда традиционные способы хозяйствования коренных народов изучались лишь в контексте общей рационализации сельскохозяйственного производства в отрыве от собственно этих народов.

Институциональные изменения научных исследований Советского Севера во второй половине 1950-х гг., связанные с поиском новых методов и форм его освоения в условиях развала сложившейся системы ГУЛАГа; общая либерализация и некоторое ослабление идеологического диктата в науке периода оттепели позволили скорректировать вектор североведческих работ в сторону их большей гуманизации. Впервые появилась возможность комплексно рассмотреть экономику северного хозяйства, наполнив ее «человеческим измерением». Одним из пионеров социально-экономических и социокультурных исследований коренных малочисленных народов Севера стал Ф.С. Донской.

Он пришел в науку в 1967 г. уже состоявшимся человеком, имея за плечами солидный опыт успешной журналистской и руководящей работы. Его глубокое знание жизни, умение находить общий язык с людьми самого разного статуса и возраста, редкое трудолюбие, кропотливость и при этом творческое отношение к делу стали основой быстрого и удачного старта в науке и позволили уже в скором времени занять ведущее место среди якутских североведов. Принципиальный и честный фронтовик заявил о себе в первом же своем полевом отчете 1968 г. по результатам экспедиции в Мирнинский район. Уже тогда ученый поставил вопрос о той высокой цене, которую заплатили коренные жители за ускоренное создание отечественной алмазодобывающей промышленности. Донской выявил резкое сокращение поголовья крупного рогатого скота и оленей у местных жителей, начавшуюся миграцию коренных жителей из сел, отторжение их от традиционных занятий и отсутствие при этом подготовки из коренного населения высококвалифицированных кадров для промышленности. Свой научный отчет Ф.С. Донской завершил личной оценкой, «что алмазодобыча идет с ущемлением жизненных интересов эвенков и якутов Мирнинского района» [Винокурова, 2019, с. 9].

Во второй половине 1960-х гг. в отделе экономики ЯФ СО АН СССР начались планомерные комплексные исследования социальных и экономических проблем северных этносов. Первоначально они велись в рамках подтемы «Экономико-социологические проблемы комплексного развития хозяйства на Севере» (научный руководитель – И.П. Авдеев), включенной в 1970 г. в план научных исследований отдела экономики. Основной задачей работ по названной подтеме было изучение «путей сочетания промышленного освоения Севера с развитием сельского хозяйства, и особенно – его традиционных отраслей» [Сулейманов, 2016, с. 19]. Сотрудники отдела К.Г. Кондаков, Е.Д. Конников, Е.А. Петренко и др. в рамках своих исследований рассмотрели различные аспекты влияния широкомасштабного индустриального освоения Якутии на систему хозяйствования коренных северян.

Ф.С. Донской сосредоточил свои усилия на изучении проблем социальной адаптации оленеводов и охотников к меняющимся условиям жизнедеятельности. Кроме тщательной проработки архивных и статистических источников, им впервые в республике были применены социологические методы исследования – экспертное интервьюирование и массовое анкетирование. Даже сейчас поражает размах проведенных им работ: были опрошены 1016 семей оленеводов и 1194 семьи охотников из 17 районов Якутии, собран сравнительный полевой материал в ходе экспедиций в Ненецкий автономный, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Таймырский и Чукотский национальный округа [Там же, с. 20]. Результатом масштабных исследований стали научные отчеты «Освоение Крайнего Севера и социально-экономические проблемы малых народов», «Экономические и социальные проблемы перевода кочевого населения Якутии на оседлый образ жизни» и «Экономико-социологические проблемы развития хозяйства на Севере», завершенные в 1973–1974 гг. Параллельно ученым была подготовлена и представлена в Якутский обком КПСС докладная записка о состоянии оленеводческих хозяйств с рекомендациями о завершении перевода на оседлость жителей с. Таймылыр Булунского района. В последующем такие же записки были составлены для Оленекского, Жиганского, Момского, Аллаиховского и Нижнеколымского районов ЯАССР [Феодосий Семенович Донской…, 2019, с. 16–18].

По итогам многолетних научных изысканий Ф.С. Донской в 1977 г. издал монографию «Социально-экономические проблемы переустройства труда и быта оленеводов и охотников Крайнего Севера» [Донской, 1977], ставшую основой его кандидатской диссертации, успешно защищенной в Институте социологических исследований АН СССР в 1978 г. [Феодосий Семенович Донской…, 2019, с. 8]. В ней ученый, обобщив результаты своих фундаментальных и прикладных исследований, представил собственное видение путей рационализации переустройства традиционных отраслей северного хозяйства, как «основы ликвидации кочевого образа жизни оленеводов и охотников» [Донской, 1978, с. 7]. При этом рационализация не предусматривала излишне радикальных мер, поскольку Донской всегда подчеркивал, что оленеводство и охотничий промысел составляют «главный источник благосостояния народностей Севера» и, являясь отраслями зональной специализации колхозов и совхозов, «соответствуют природно-климатическим условиям и основаны на использовании биологических и трудовых ресурсов зоны, богатого опыта, профессиональных навыков коренных жителей Крайнего Севера» [Там же, с. 7, 8].

Переустройство традиционных отраслей хозяйства – оленеводства, охотничьего промысла, позднее рыболовства – исследователь связывал с важностью и необходимостью улучшения условий труда и быта занятых в них коренных северян. Предлагавшиеся им «вахтенный» метод работы, предусматривавший сменно-звеньевой выпас оленей, их «полу-вольное» содержание; оснащение оленеводов, охотников и рыбаков специально разработанной для суровых условий Севера техникой; строительство социально-культурных баз на маршрутах кочевания; улучшение торгового и медицинского обслуживания; благоустройство заполярных поселков, – все это, создав более комфортные возможности для ведения традиционного хозяйства, способствовало бы, по мнению Донского, решению накопившихся в его отраслях проблем, главными из которых уже тогда стали кадровое обеспечение и преемственность. Особое внимание ученый обращал на проблемы хранения и переработки продукции оленеводства и рыболовства, подчеркивая их влияние на снижение производительности этих отраслей. Исследуя проблемы развития рыбной промышленности в Якутии, он одним из первых поставил вопрос о неэквивалентности закупочных цен на добытую рыбу [Донской, 2002; 2004; 2006]. Активная гражданская позиция Ф.С. Донского, его настойчивость и принципиальность выразились в подготовке им предложений и рекомендаций для Советов Министров РСФСР и ЯАССР по улучшению социально-экономического положения коренных малочисленных народов Севера, завершившихся принятием, после почти 30-летнего перерыва, постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 07.02.1980 № 115 «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера».

Не все из научных идей Ф.С. Донского выдержали проверку временем. Так, его обоснование ускоренного перевода на оседлость и внедрения сменно-бригадной организации оленеводства, базировавшихся на определенных еще в 1930-е гг. политических постулатах об «отсталости» кочевого образа жизни, в итоге обернулось еще большим усугублением проблем развития этой отрасли, демографическими и социокультурными проблемами северных этносов.

В дальнейшем, работая в 1981–1988 гг. научным сотрудником Института социологических исследований АН СССР, он принял участие в изучении проблем коренных малочисленных народов по всему Российскому Северу – в Ненецком автономном округе, Чукотке, Сахалине, Камчатке, Хабаровском крае, Магаданской области. Особенно его интересовали вопросы занятости, качества и уровня жизни, демографические показатели северян, и, конечно же, как выполняется постановление, к утверждению которого он приложил столько усилий. Осознание того, что оно оказалось «неэффективным», бесспорно, расстраивало и вселяло чувство неудовлетворенности Донскому. Поэтому он с большим энтузиазмом встретил начавшиеся в середине 1980-х гг. перемены, принесшие возможность реально изменить сложившуюся на Крайнем Севере ситуацию.

Вернувшись на родину, Ф.С. Донской много сил и энергии отдал становлению Института проблем малочисленных народов Севера СО РАН, где возглавил созданный им отдел социально-экономических исследований. Вместе со

своими коллегами и соратниками Р.И. Донским, Д.И. Сыроватским, И.И. Винокуровым, С.М. Баишевой, А.Г. Томаска (Поповой) и др. он развернул целенаправленные исследования возможностей сохранения и развития традиционных отраслей хозяйства в условиях перехода к рыночным отношениям, разработал программы возрождения коренных малочисленных народов на рубеже XX–XXI вв., инициировал принятие многих законов РС (Я) и РФ по вопросам защиты прав этих народов, в том числе на традиционное природопользование, хозяйственные занятия и образ жизни. Предложение Ф.С. Донского о создании в Республике Саха (Якутия) по примеру зарубежных стран специального траст-фонда, в котором бы аккумулировались и затем направлялись на поддержку социальных программ средства, поступавшие от недропользователей, было воплощено руководством региона в серии соглашений с федеральным центром и образовании целевых фондов САПИ, «Баргарыы» и «Фонда будущих поколений». Как отмечает его коллега Л.И. Винокурова, он «остался твердым сторонником политики социально-экономического протектората по отношению к северным территориям, аргументируя это опытом зарубежных северных стран, где практика доказала, что на высоких широтах планеты стратегически выгоднее планировать, дотировать и субсидировать традиционное хозяйство» [Винокурова, 2019, с. 12].

В небольшой статье невозможно обобщить весь тот огромный комплекс работ, проведенных Ф.С. Донским за почти 40-летний, весьма насыщенный, научный период его жизни. На основе его трудов, написанных, прежде всего исходя из богатых материалов его многолетних и масштабных экспедиционных исследований во всех регионах Российского Севера, разработаны современные подходы к развитию традиционных отраслей хозяйства арктических этносов. Для арсенала экономической науки важнейшим является сформулированный им комплексный подход к изучению проблем сохранения и возрождения оленеводства, рыболовства, охотничьего промысла, когда, наряду с общими экономическими показателями рентабельности производства, углубленно изучались также вопросы занятости, изменения условий труда и быта, влияния промышленного освоения на образ жизни и способы хозяйствования коренных народов. Наряду с фундаментальными трудами по экономике и социологии, научное наследие ученого включает в себя значительное число прикладных исследований, послуживших основой для последующего законодательного закрепления прав коренных малочисленных народов Севера в Российской Федерации и Республике Саха (Якутия). Оценивая вклад ученого в решение проблем сохранения и развития традиционных отраслей хозяйства, следует особо выделить разработанное им научное обоснование необходимости государственной поддержки этих отраслей, пионерный характер его экономико-социологических исследований Севера, а также постоянную связь с запросами производства.

Литература и источники

Баишева С.М., Донской Р.И., Константинова Т.Н., Сосин П.В., Тобуков П.З., Томаска А.Г. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия).– Новосибирск: Наука, 2012.– 363 с.

Винокурова Л.И. Исследователь Российского Севера Феодосий Семенович Донской: проекты по коренным народам Якутии// Коренные малочисленные народы Российской Федерации: проблемы, приоритеты и перспективы развития в трансформирующемся обществе [электронный ресурс]: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию Феодосия Семеновича Донского (24 сентября 2019 г., г. Якутск). – Якутск: Изд-во ИГИиПМНС СО РАН, 2019. – С. 7–13. Режим доступа: http://www.igi.ysn.ru/files/publicasii/Indigenous peoples of the Russian Federation.pdf (дата обращения: 15.04.2020).

Воин, журналист, ученый-северовед / отв. ред. П.З. Тобуков.– Якутск: Изд-во ИПМНС СО РАН, 2007.– 62 с.

Донской Р.И. Известный ученый-северовед // Якутский архив.– 2009.– № 3–4.– С. 212–122.

Донской Ф.С. Социально-экономические проблемы переустройства труда и быта оленеводов и охотников Крайнего Севера.– Якутск, 1977.– 185 с.

Донской Ф.С. Социально-экономические проблемы переустройства труда и быта оленеводов и охотников Крайнего Севера: автореф. дис. … канд. экон. наук.– М., 1978.– 22 с.

Донской Ф.С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй по-

ловине XX века.– Т.1.– Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2002. – 340 с.

Донской Ф.С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века.– Т. 2. – Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2004. –320 с.

Донской Ф.С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. – Т. 3. – Новосибирск: Наука, 2006. – 427 с.

Егоров П.М. Биография незаурядного человека: ученый–североведФ.С. Донской (1919–2013) // Интеллектуальный потенциал XXI в.: ступени познания.– 2014.– № 25.– С. 32–35.

Иохельсон В.И. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе.– СПб., 1898.– 167 с.

Курилов Г.Н.-Улуро Адо. Повесть о большом друге юкагирского народа // Якутский архив.– 2015.– № 1.– С. 84–89.

Научно-исследовательский институт сельского хозяйства и экологии Арктики ФКНЦ СО РАН: историческая справка// http://norilsk-niisharctic.ru/index.php/nauchnaya-deyatelnost/istoricheskaya-spravka (дата обращения: 25.09.2019).

Пути великих свершений. – Кн. 3, т. 5: Якутия познает себя.– Владивосток: Русский остров, 2016.– 120 с. с илл.

Пути великих свершений.– Кн. 3, т. 6: Из глубин древности.– Владивосток: Русский остров, 2016.– 126 с. с илл.

Роббек В. А. Воин, журналист и ученый-североведа (о Феодосии Семеновиче Донском) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2010. – № 4. – С. 58–63.

Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера.– М.: Новое литературное обозрение, 2008.– 512 с.

Сулейманов А.А. Ф.С. Донской и исследование социально-экономических проблем коренных малочисленных народов Севера Якутии в 70-е гг. XX в. // Таврический научный обозреватель. – 2016.– № 12 (17). – Ч. 1. – С. 19–24.

Томаска А.Г. Донской Феодосий Семенович // Время и события; Календарь-справочник по Дальневосточному федеральному округу на 2019 год. – Хабаровск: ДВГНБ, 2018. – С. 380–383.

Феодосий Семенович Донской / сост. Е.А. Васильева.– Якутск: Бичик, 2013.– 240 с. (Почетные граждане республики).

Феодосий Семенович Донской: биобиблиографический указатель к 100-летию со дня рождения / сост. Е.А. Васильева.– Якутск, 2019.– 78 с.

S.I. Boyakova

The Contribution of F.S. Donskoy to the Scientific Study of Traditional Household of the Indigenous Peoples of the North

The article is devoted to the study of the scientific heritage of the famous Yakut scientist, veteran of the Great Patriotic War, candidate of economic sciences Feodosiy Semenovich Donskoy, who made a significant contribution to Russian North studies. The pioneering nature of the works of F.S. Donskoy, on the basis of which modern approaches to the development of traditional household of Arctic ethnic groups were developed. The characterization of the scientist's works is given against a broad background of studies of the socio-economic problems of the indigenous peoples of the North in the pre-Soviet and Soviet periods. Problems of preservation and revival of the traditional branches of the northern economy: reindeer husbandry, fishing, hunting, F.S. Donskoy considered in complex - studying in depth issues of employment, changes in working and living conditions, the impact of industrial development on the way of life and ways of managing indigenous peoples. Along with fundamental works on economics and sociology, the scientific legacy of the scientist includes a significant number of applied research, which served as the basis for legislatively securing the rights of the indigenous peoples of the North in the Russian Federation and the Republic of Sakha (Yakutia). It is emphasized that the researcher was much involved in the practical issues of reviving the traditional branches of the economy, conducted active public activities to protect and preserve the unique life support system of the peoples of the Arctic.

Keywords: North, indigenous peoples, traditional household branches, scientific study, economics, sociology.

Ж.О. Артыкбаев

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.004
УДК 94(=512.122)

О казахском племени сіргелі: проблемы происхождения

В данной статье на основе устной традиции казахов и саха рассматриваются вопросы, связанные с происхождением одного из древних племен Великой степи – сиргели (каз. *Сіргелі*). Наиболее ранние материалы о племени сиргели мы находим в казахском шежире. М.Ж. Копеев, Ш. Кудайбердыулы, К. Халид излагают различные версии легендарной и исторической генеалогии казахских племен. По данным казахского историка М. Тынышпаева основными ареалами расселения сиргели в начале XX в. были среднее течение Чу, нижнее течение Таласа и предгорья Каратау. Немало групп сиргелинцев остались в просторах казахской степи, о чем свидетельствуют присутствие отдельных колен этого племени, вошедших в состав других племен, а также топонимические названия. В восточных материалах, относящихся к XV–XIX вв., мы довольно часто встречаемся с представителями этого племени, что свидетельствует о том, что сиргелинцы юга Казахского ханства имели тесные торговые и дипломатические связи со многими странами Востока. На наш взгляд, происхождение этого названия связано с сохранившейся у саха ритуальной коновязью – *сэргэ*. У народа саха *сэргэ* выступает как название коновязи и символизирует конно-кочевническое прошлое, а также является символом Мирового древа, объединяющего три мира, с другой стороны, это слово обозначает такие понятия, как определенность, собственность. В наше время установка сэргэ может быть связана с необходимостью фиксации каких-либо значительных дат в жизни народа саха.

Ключевые слова: казахи, саха, устная традиция, сиргели, этническая история, историческая генеалогия, родоначальник, сэргэ**.**

Сиргели (каз. *Сіргелі*) – одно из крупных казахских племен, которое в традиционную эпоху входило в состав Старшего жуза. Как известно, в XV–XVI вв., когда огромная территория Золотой Орды распалась на ряд самостоятельных владений, в просторах Великой степи – *Арка даласы,* на границах Ногайской Орды, Моголистана и Мавераннахра появляется новое государство. Образование и окончательное оформление трех казахских жузов, как основных единиц административно-территориального устройства, определились, вероятно, в первой половине XVI в., то есть в период правления Хак-Назар хана. К этому периоду эпоха брожения и смуты остается позади, военно-политическая ситуация в степях Арка стабилизируется, и на огромном пространстве последней империи тюрко-монгольские племена окончательно обретают свое политическое устройство и территориальные основы. Родовые земли племен, входивших в союз *Алаш мыңы* (′Тысяча алашей′), оказались в Казахском государстве. Племя сиргели заняло в основном южную, сопредельную с Мавераннахром часть территории ханства. В эту эпоху в идеологическом плане шло закрепление «отчей земли» в самосознании народа, оно проводилось через популярные исторические предания и героическую эпику. Одновременно вещими устами жырау (Асан-кайгы) в народной памяти закрепились наиболее важные стратегические высоты и точки Великой степи.

Наиболее ранние материалы о племени сиргели мы находим в казахском шежире. М.Ж. Копеев, Ш. Кудайбердыулы, К. Халид излагают различные версии легендарной, исторической генеалогии казахских племен. Важность этих текстов заключается в содержащихся в них правилах генеалогической иерархии казахов. Для иллюстрации схемы генеалогического устройства казахских племен обратимся к одной из версий происхождения казахского народа: *«…Ниже по генеалогии от предка Узбека, казахские насабшы, т.е. (те люди, которые знают разделение казахов по родам, родовые генеалогии. – Ж.А.) раньше так назывались, от арабского “нассаб” – семена, семя, смысл это-*

© Артыкбаев Ж.О., 2020

го слова рассказывают (следующим образом). Сын Узбека – прадед Жаланаш, его сын Кыргыз-Шубар, его сын Буртай, его сын Солай, его сын Кайын, его сын Байкотан, который и есть родоначальник трех жузов. От него родились предки трех жузов: Кара Келимбет, Сары Келимбет, Ак Келимбет, от них берут начало джузы (основные административно-территориальные единицы казахского союза. – Ж.А.). От Кара Келимбета – Старший жуз, от Сары Келимбета – Средний жуз, от Ак Келимбета – Младший жуз. От Старшего жуза произошел Уйсын, а от Младшего жуза – Алшын. Среди сыновей Уйсына Жалайыр, а среди сыновей Алшына Жаппас были самыми энергичными, поэтому их считают ровней и называют попарно: "Уйсын-Жалаир", "Алшын-Жаппас". У казахов есть понятие "курбы – сверстники, тургы – одного уровня". Так, например: Уйсын и Алшын одного уровня, круга, а Жалаир с Алшыном, если даже одногодки, но не могут быть тургы. Уйсын и Алшын, если даже не родились в один год, они являлись тургы, то есть на одном уровне старшинства (в генеалогической иерархии. – Ж.А.), если даже разница в их возрасте 100 лет, все равно остаются на одном уровне. Жаппас Уйсуну не тургы, если даже он родился до или после Жаппаса. Для того, чтобы быть тургы, не обязательно быть сверстником, разница в их старшинстве. От Среднего жуза происходят шесть сыновей: Аргын, Найман, Коныpат, Кыпшак, Уак, Керей, последние двое от второй жены. Некоторые вместо кыпшаков говорят – Уйгурат, потому что, обидевшись на своих родственников, смешались с туркменами, а другие говорят, что кипчаки откочевали к Семи рекам. Говорят, что в этой местности зима короткая, а лето длинное. Говорят, что эта местность, где-то внутри Китая, туда они (кария – носители исторических знаний, знатоки шежире. – Ж.А.) указывают руками. В этих краях побывал только Асан Кайгы. Асан Кайгы – внук в шестом поколении сверстника Чингиз хана – Майкы бия. В Старшем жузе также есть Майкы би, но они, говорят, разные люди. Асан кайгы очень известен в казахской среде, здесь помнят его пословицы и поговорки. Он великий предводитель своего народа. Он противостоял ханам, защищая свой народ» [Халид, 1992, с. 92–93].

Племя сиргели входит в Старший жуз очень своеобразно. Если учесть, что основу жуза составляют племена (дулат, албан, суан), входящие в союз Уйсын, то по боковым линиям мы видим несколько поздних вкраплений. Это в первую очередь племена (қаңлы, ошақты, шанышқылы), входившие ранее в канглинский союз, затем шапырашты, возможно, восходящие к гуннам, жалайыр, известный больше в монгольских источниках. Для присоединения же сиргели к Старшему жузу была, на наш взгляд, создана условная таксономическая фигура Ойсыл. В существующих генеалогиях (нассаб-нама) родоначальником этого племени является Сиргели, сын Утепа и внук Ойсыла. Общий родовой уран (боевой клич) сиргелинцев – Бақтияр (позднее – Тоғанас). По утверждению некоторых генеалогистов, племя сиргели в разное время вместе с некоторыми племенами Старшего жуза, жалайыр, ысты, ошакты и шапырашты входило в союз племен Бестамгалы (союз племен с пятью тамгами).

По материалам казахского шежире, в состав племени сиргели входят следующие роды: акконирдек (аққөңірдек), қараконирдек (қаракөңірдек), айтбозым (айтбозым), байжигит (байжігіт), батыр, елибай (елібай), жаңабай, тутамгалы (тутамғалы), жайдақ, қайшылы, қарабатыр, шалдар. То есть в составе племени сиргели 12 родов, что соответствует древней традиции формирования кочевых групп Великой степи. Вплоть до конца XVIII в. большинство сиргелинцев вели кочевой образ жизни и их воины под руководством своих батыров (Тилеуке Карабатыр, Елшибек батыр и т.д.) участвовали во всех военных походах Казахского ханства. На рубеже XVIII–XIX вв. южная часть племени сиргели перешла на оседлый образ жизни и поселилась в пригородах Ташкента. Эту местность начали называть Сиргели. Восстановленная и расширенная после землетрясения 1960-х гг. данная местность войдет в состав Ташкента и будет называться Сиргелийским районом (узб. *Sirg'ali tumani*).

Изданная в Узбекистане книга «Анжум аттаварих» Худоера хонзоды содержит интересные сведения о принадлежности племени сиргели к центральной части старого Ташкента: «*Бу ишлардана фориғ булгач Абулайхон номи билан донгдор булган Абулфайзхон тахти та-*

сарруфида булган бу виоят ва музофотни кабила ва тайфаларга, яьни бугинги кунда қозоқия номи билан маьлум булган халққа булиб бердилар. Чимкент чимир жамоаси чекига тушди. Тошкентти турт дахага (аркан) булгани боис, Бешогош дахаси Шайхим тойифасига, Кукча кунғирот ва Урта йузга, Себзор Жаниш фиркасига, Шайх Хованд тухур эса сиргали, эсли ва учоқли қабилларга берилди...» [Худоер-хонзода, 2009, с. 58].

Получается, что после победы над калмыками Абылай хан распределил Ташкент и его агломерацию между несколькими казахскими племенами. Если быть точнее, то Ташкент был разделен на четыре части, Шайхантаурская часть (*махалла*-квартал) была выделена для сиргели. Также на старинном кладбище «Шайх Зайниддин бобо» *махалля* Кукча (узб. *Ko'kcha*) в центре Ташкента, похоронен Жабай батыр Казыбекулы – один из известных предводителей племени сиргели, принимавший участие во многих сражениях и известный также сотрудничеством с Кокандским ханством в конце XVIII в. По материалам узбекских исследователей, он был удостоен звания *тоқсаба* и наделен знаменем [Мухаммадкаримов и др., 2016, с. 84].

В наши дни казахи племени сиргели проживают преимущественно на территории Туркестанской и Жамбылской областей Республики Казахстан и в Ташкентской области Республики Узбекистан.

В восточных материалах, относящихся к XV–XIX вв., мы довольно часто встречаемся с представителями этого племени, что свидетельствует о том, что сиргелинцы юга имели тесные торговые и дипломатические связи с Бухарой, Ираном, Ираком, Сирией, Османской империей, а также со многими племенами Центральной Азии. Предполагается, что, начиная со времен царствования первых казахских ханов Жанибека и Керея, на людей из племени сиргели были возложены функции торговых и дипломатических представителей ханства. Многие знатные представители рода были советниками ханов и султанов и имели титул *беков*. Они отлично владели языками фарси и арабским. Алишах Рагиб Самарканди (Элиша Бен Шмуэль Рагиб Самарканди) (XVII в.) – среднеазиатский еврейский поэт, в одной из своих записей отмечал, что «казахи-сиргелинцы похожи на нас – помогают своим сородичам, они образованы, кроткие, а в делах торговли и дипломатии, как мы, усердны».

Что касается происхождения этого племени, то возникает масса вопросов. Так, считается, что Сиргели по отцовской линии родственны родам уак и керей Среднего жуза, что противоречит устоявшимся схемам генеалогии казахских жузов, а матерью Сиргели, по утверждению некоторых, является одна из дочерей эмира Тимура. Обратившись к шежире и легендам о происхождении родов Старшего жуза, мы можем обнаружить несколько версий. Так, Ч.Ч. Валиханов пишет, что «*киргизы (казахи. – Ж.А.) Большой орды производят себя от древнего монгольского народа уйсынов, родоначальником своим (считают) Майки-бия, современника Чингисхана… Надо сказать вообще, что предания этой орды носят на себе следы тюркестанского влияния и сами киргизы опираются на их сказания; так говорят узбеки, так мы слышали в Капале…Родоначальником (казахского) поколения Большой орды уйсунов считают они какого-то Тобея, жившего еще задолго до (Майки). Тобей имел, по преданию, четырех сыновей – Коелдера, Мекрена, Майки и Когама. От Коелдера произошли катаганы, что впоследствии вошли в состав нового народа узбеков, (катаганы) главный род (узбеков). От Мекрена произошли..., от Майки – собственно уйсыны, (Когам) был родоначальником канглов. Абак, сын Майки, от старшей жены имел сына Байдебека, от второй... и от рабыни..., у Байдебека старший сын был Сары..., второй же Джоркчи, был сын второй жены, по киргизскому – аулие, святая. От Джоркчиевых трех детей произошли: от первого Албана – адбаны, от второго Дулата – дулаты, и Сувана – суваны. Меркес родоначальник ... имел двух сыновей: Чуманака и Сваманака (Сырманака. – Ж.А.) Албан имел двух сыновей: Сары и Чебеля. У Сары было два сына: Суеркул и Таубазар; У Чебеля дети назывались..., а дети Майки носят собирательное имя – Абак. Название же (уйсын), даваемое всей орде, употребляется по большинству собственно уйсынов, но потребления в строгом смысле предание не допускает*» [Валиханов, 1984, с. 274–275].

Г.Н. Потанин, со слов знатоков казахской генеалогии, сообщает, что «*у Уйсуна было два сына – Абак и Тарак. От Тарака происходили*

жалаиры, от Абака, от его байбише (старшей жены) – Дулат, Албан, Суан (по другим сведениям добавляли Сары Уйсуна), от токал (второй жены) – Шапырашты, Ошакты, Ысты, Сыргелы, а Канлы и Шанышкылы являются пришельцами (кирме)» [Потанин, 2005, т. 3, с. 313–315].

«Шежире» Диканбай батыра содержит уникальные данные о племенах Старшего жуза. *«Я приведу здесь одну такую родословную, составленную бием рода ботпай Дикамбай батыром, умершим в 1875 году; источники его мне не известны,* – пишет Н.А. Аристов, – *начинается она с Адама и поименовывает 54 колена до Абул-хаира (Адам, Шиш... Абул-хаир). У Абул-хаира показано три сына: Байчура (родоначальник большой орды), Джанчура (предок средней орды) и Карачура (родоначальник младшей орды). У Байчура значится сын Джуманбай, у него Кейкибай, далее Тобей. У последнего четыре сына: Майкы, Когам, Коюлдур и Мекраил. У Майкы также четыре: Бахтияр, Канглы, Кырк-Джуз, Мын-Джуз. У Бахтияра сыновья Уйсын и Сергеле. У Уйсына Аксакал (абак-тамга) и Джансакал (тарак-тамга). У Аксакала сын Карача-бий, у него Байлибек. У Байлибека от старшей жены Сары-байбиче сын Сары уйсын; от второй жены, по имени Зериб, сын Джолмамбет, у которого от старшей жены Мапраш был сын Чапрашлы, от второй (стряпки) сын Сты и от третьей (сестра ее) Ушакты; от третьей жены Байлибека, по имени Домалак, был сын Джарыкчак, а у него сыновья Албан, Дулат, Суан. У Дулата четыре сына: Ботпай, Чимыр, Сейкым и Джаныс. Этим кончается составленная Дикамбай батырем родословная»* [Аристов, 2007, с.11–13].

Таковы некоторые сведения по генеалогии казахов Старшего жуза. Как и в остальных случаях, родоплеменной состав этого жуза свидетельствует о сложных этнополитических перипетиях вошедших в этот союз этнических компонентов. Нам кажется здесь одно неоспоримо: «усуни» китайских летописей – это «уйсыны» казахского шежире, а что касается состава этого союза, то это вопрос другой. Так, племя канглы, безусловно имеет свою самостоятельную историю и вошло в Старший жуз гораздо позднее эпохи «Авесты» и «Махабхараты», где название канглы (кангха и т.д.) встречается довольно часто. Древние канглы вошли не только в состав уйсунов, но и аргынов, составивших основное ядро гуннской конфедерации племен. Но, судя по генеалогическим рассказам казахов Старшего жуза, уйсыны и канглы в родственном отношении ближе, так как оба происходят от легендарного Майкы би. При этом надобно заметить, что согласно генеалогической лестнице канглы занимают более почетное место, чем уйсыны. Отец Уйсына Бактияр приходится братом Канглы. В таких случаях казахи говорят «жолы улкен». То же самое можно говорить и о некоторых других племенах, вошедших в Старший жуз, и в особенности Сиргели.

Изучение родоплеменного состава и структуры казахов в целом, Старшего жуза в частности, предоставляет исторической науке Казахстана чрезвычайно уникальные материалы, позволяющие совершенно по-другому интерпретировать древнюю и средневековую историю Великой степи. В этом отношении следовало бы учесть и мнение Шакарима Кудайбердиева, относившего сиргели к союзу канглы: «*Самый многочисленный род в Старшем жузе – дулаты. В него входят Ботпай, Шымыр, Сыйкым, Жаныс, Албан, Суан. Из албанов – кызыл борик, коныр борик, айтбозым, сегиз сары, курман, альжан, кыстык, на левой стороне реки Иле имеются сары уйсыны, потомки древних уйсынов. В него входят роды* (*ұрулар* – так в оригинале. – *Ж.А.*) *куттымбет, жанай, жолай, талай, жандосай, кулеке, кырык.*

Также в Старшем жузе по многочисленности занимает место после дулатов –жалаир. В него входят андас, мырза, карашапан, оракты, акбуйым, калпе, сыпатай, арык-тыным, сиыршы, байшегир, балгалы, кайшылы, кушик. Род кушик, думаю возможно, потомки нашего Калкамана, потому как есть мнение, что они не жалаирцы. Жалаир в прошлом был очень многичислен (бек көп болған), и образовал государство из различных тюркских племен. Так называемые шапрашты и ысты из Старшего жуза жили в подчинении Алматы (то есть относятся к ведомству Алматы. – *Ж.А.*). *Сиргелы и ошакты ближе к Сырдарье. Эти четверо имеют происхождение от канглы. Кроме того, в составе Старшего жуза есть конграты (қоңырат). Вначале они были в составе Среднего жуза, но затем из-за обид перекочевали. По Абулгазы бахадур хану, они потомки Конграта,*

сына Жорлык мергена, который в свою очередь является потомком Кияна, сына монгольского Ел хана. Родовой состав этого племени расскажу в разделе "Орта жуз"» [Құдайбердіұлы, 2008, с. 145].

Здесь следует разобраться с некоторыми условными фигурами, включенными в шежире для обоснования родства входящих в Старший жуз племен. В данном случае речь идет о родоначальнике Ойсыл, созвучие имени которого с Уйсун говорит о том, что это название появляется в поздний период для объединения двух крупных конгломератов племен, вошедших в Старший жуз.

Как полагают некоторые исследователи, название племени, равно как и его тамги, происходит от названия специального приспособления «сэргэ» (сірге), одеваемого на голову жеребятам, телятам, чтобы они не могли сосать матку. От этой основы появились и другие производные: «сіргелеу», то есть ′надевать намордник на жеребенка, теленка′. Однако, на наш взгляд, от названия намордника не могло появиться название племени. Один из известных краеведов Южного Казахстана Нармахан Бегалыулы в книге «Сіргелі – ормандағы ел» («Сиргели – народ леса») собрал и систематизировал ряд гипотез о происхождения названия своего племени. Сам же он склонен связывать это название со словом «сырық» (то есть ′длинный шест с развилкой на конце, обычно служащий подпоркой для юрты во время сильного ветра′). От этого производное «Сіргелі – сырық елі» и впоследствии Сиргели хан, как имя предводителя народа леса [Бегалыұлы, 2011, с. 45]. Мы также не отрицаем связь сиргели с лесистой местностью, с пространством Ибир-Сибирь, но принять данную этимологию за единственно верную не можем.

На наш взгляд, происхождение этого названия связано с сохранившейся у саха ритуальной коновязью – сэргэ. Наиболее простое определение этого слова: «*Сэргэ – ритуальные столбы и деревья у якутов. Сэргэ означает, что у местности, где оно установлено, есть хозяин. Ставится в виде столба у юрты, у ворот дома ("пока стоит сэргэ – семья жива"). Нельзя разрушать сэргэ – оно должно само прийти в негодность. Разрушать сэргэ – это большой грех*».

Безусловно, основное предназначение сэргэ с давних лет – коновязь – связано с культом лошади: «*Сэргэ связано с культом коня – к нему привязывали коней хозяева и гости, а также оно является символом дерева жизни, мирового дерева, объединяющего три мира.. На столбе вырезаются три горизонтальные канавки. Верхняя предназначается для привязывания коней небожителей верхнего мира, средняя – для коней людей, и нижняя – для лошадей подземного мира*» [ru.wikipedia.org/wiki/Сэргэ].

Как отмечают исследователи, сэргэ постепенно обретает, вернее обрастает мировоззренческим содержанием, вбирая в себя основные представления саха о космосе, о структуре мира, о великих шаманах: «*В прошлом сэргэ устанавливались возле каждой юрты, и кроме того – во время посвящения шамана (бақсы, кам). В местах захоронения шаманов устанавливались очень высокие сэргэ – для коновязи богов и духов. Также на месте захоронения шаманов устанавливались сэргэ в виде каменных обелисков».* Это как раз подсказывает нам настоящее название «оленьих камней», каменных столбов, представляющих памятники эпохи саков и гуннов. Вполне вероятно, что они назывались «сэргэ». «*Самый известный из таких камней – Алтан-Сэргэ ("Золотая коновязь"). Сэргэ для саха – это символ счастья и благополучия. Сэргэ устанавливали и устанавливают во время национального праздника "Ыһыах" (Ысыах), юбилеев, праздников и значимых мероприятий*» [Яковлев, 1992; Дьяконова 2016].

Один из выдающихся казахских интеллектуалов начала XX в. Мухамеджан Тынышпаев, анализируя дореволюционное казаховедение, приходит к выводу, что «...без предварительного изучения генеалогии каждого отдельного рода киргизского (казахского. – *Ж.А.*) народа, а также без выяснения того, с кем и в какие времена он сталкивался, невозможно представить себе общую картину исторических судеб киргизского народа» [Тынышпаев, 1993, с. 68]. То, что он под генеалогией имел в виду не родовые схемы, а исторические предания и сказания, видно из многочисленных его публикаций. Именно эта сторона исторического прошлого казахов всегда упускалась специалистами, ибо казахская история, прежде всего, представляет собой синтез истории многочисленных племен и определяет суть исторического процесса.

Литература и источники

Аристов Н.А. Этногенез и этническая история казахского народа // Библиотека казахской этнографии. – Т. 2. – Астана: Алтын кітап, 2007. – 320 с.

Бегалыұлы Н. Сіргелі- ормандағы ел. – Алматы, 2011. – 125 с.

Валиханов Ч.Ч. Предания и легенды большой киргиз-кайсацкой орды // Собр. соч.: в 5 т. – Т. 1. – Алма-Ата, 1984. – С. 273–277.

Дьяконова С.А. Сэргэ как памятник архитектуры и искусства народа саха // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусства. – 2016. – № 37. – С. 86–93.

Құдайбердіұлы Ш. Түрік, қырғыз-қазақ һәм хандар шежіресі / Факсимиле, аударма, түсініктемелер мен көрсеткіштерді жазған Ж.О. Артықбаев. – Астана: Фолиант, 2008. – 381 с.

Мухаммадкаримов А.А., Обидов А.Х., Искандаров З.С. Тошкентнинг Табаррук зиератгохлари. – Тошкент, 2016. – 196 с.

Потанин Г.Н. Собрание сочинений: в 3 т. / отв. ред. Ж.О. Артыкбаев. – Т. 1–3. – Павлодар, 2005. – 500 с.

Сәдібеков З. Қазақ шежіресі. – Ташкент, 1994. – 178 с.

Тынышпаев М. История казахского народа. – Алматы, 1993. – 224 с.

Халид К. Тауарих хамса шархи. – Алматы, 1992. – 304 с.

Худоер-хонзода. Анжум ат-таворих. – Тошкент, 2009. – 259 с.

Яковлев В.Ф. Сэргэ (коновязь): в 2 ч. – Ч. 1. – Якутск, 1992. – 63 с.

[ru.wikipedia.org/wiki/Сэргэ (дата обращения 20.05.2020)]

Artykbaev Zh.O.

About the Kazakh sirgeli tribe: problems of origin

This article, based on the oral tradition of the Kazakhs and Sakha, discusses issues related to the passage of one of the ancient tribes of the Great Steppe - Sirgeli (Kaz. Sirgeli). The earliest materials about the Sirgel tribe we find in the Kazakh shezhir. M. Zh. Kopeev, S. Kudaiberdyuly, K. Khalid set out forth various versions of the legendary and historical genealogy of Kazakh tribes. According to the data of the Kazakh historian M. Tynyshpayev, the main distribution area of Sirgeli at the beginning of the 20th century was the middle course of the Chu, the lower course of the Talas and the foothills of the Karatau. Many groups of Sirgelians remained in the vastness of the Kazakh steppe, as evidenced by the presence of individual tribes of this tribe, which were part of other tribes, as well as toponymic names. In eastern materials dating back to the 15th – 19th centuries, we quite often meet with representatives of this tribe, which indicates that the Sirgelians of the south of the Kazakh Khanate had close trade and diplomatic ties with many countries of the East. In our opinion, the origin of this name is associated with the ritual equilibrium – serge preserved in Sakha people. The Sakha people, serge serve as the name of the hitching post, and symbolizes the nomadic past, and it is also a symbol of the world tree that unites the three worlds, and on the other hand, this word denotes concepts such as certainty, property. Nowadays, the installation of serge may be associated with the need to fix any significant dates in the life of the Sakha people.

Keywords: Kazakhs, Sakha, oral tradition, Sirgels, ethnic history, historical genealogy, ancestor, serge.

А.И. Саввинов

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.005
УДК 069.02:39(=512.15)

Этнографическая коллекция ессейских саха в ЯГОМИиКНС* им. Ем. Ярославского: особенности комплектования и опыт локальной атрибуции

В статье дается описание одной музейной коллекции, собранной более 30 лет назад среди локальной группы северных якутов-оленеводов, проживающей на озере Ессей. Следует отметить, что данная коллекция, представляющая материальную культуру ессейских якутов, является, пожалуй, единственной в музеях Якутии. Несмотря на небольшой состав (предметы быта, орудия труда и промысла), она ярко характеризует традиционный образ жизни, исконные виды хозяйственной деятельности ессейских якутов: оленеводство, рыболовство и охоту. Коллекция бытовых предметов раскрывает региональные особенности культуры оленеводов-кочевников, межэтнические связи якутских и эвенкийских традиций. При описании музейных предметов мы пытались подходить комплексно, в контексте этнокультурной истории региона. Вещь в культуре не только материальный предмет, но и важная составляющая, неразрывно связанная с духовным миром. Ведь в традиционной культуре любая вещь так или иначе связана с представлениями, обычаями и поверьями. При атрибуции музейных предметов важную задачу представляет выявление и уточнение традиционных названий и их локальных вариантов. Как показывают материалы, у субэтнической группы ессейских якутов отмечается значительная сохранность бытовой лексики, но в то же время в данной области местного говора наблюдается влияние эвенкийского языка. Это отразилось и в названиях многих предметов. В настоящее время в условиях современного темпа трансформации хозяйственных традиций, когда происходит необратимый процесс утраты и забвения материальной культуры северных якутов-оленеводов, музейные коллекции приобретают особую ценность и значимость.

Ключевые слова: ессейские якуты, субэтническая группа, этнокультурное пограничье, Эвенкия, этнографическая коллекция, традиционная культура, музейное собирательство.

Тема Арктики сегодня вновь приобретает особую актуальность, намечаются новые подходы к изучению глобальных вопросов освоения заполярных территорий, открываются новые горизонты и в гуманитарных направлениях, затрагивающих этнические аспекты выживания и сохранения арктических цивилизаций. И не случайно, в современных исследовательских проектах все чаще обращаются к музейным собраниям, сохранившим уникальную и самобытную культуру народов, населяющих арктические регионы.

Ессейские якуты – небольшая субэтническая группа, компактно проживающая за пределами Якутии, на территории бывшего Эвенкийского автономного округа в Красноярском крае. По данным исторических источников, якуты как постоянные ясакоплательщики Есейского зимовья начали отмечаться с конца XVII в. К тому времени относится начало формирования в районе озера Ессей группы якутов-оленеводов, в этом значительную роль сыграли выходцы из якутских улусов. Процесс освоения северных территорий был весьма длительным. Близкие отношения с аборигенным населением обуславливали не только тесные межэтнические связи, но и взаимовлияния хозяйственно-культурных традиций. Несмотря на территориально обособленное положение и кочевой образ жизни местные якуты сумели сохранить древние истоки культуры и языка. Культура северных якутов-оленеводов – уникальное явле-

*Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского

© Саввинов А.И., 2020

ние, дошедшее до нашего времени с самобытными чертами архаичного наследия народа саха, вобравшее в себя традиции северных кочевников-оленеводов.

Северные якуты-оленеводы, обитавшие в окрестностях озера Ессей, в силу территориальной удаленности длительное время оставались малоизвестным кочевым населением. Целенаправленное изучение ессейских якутов началось лишь с 1959 г., и оно было связано с работой фольклорно-диалектологической экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, в составе которой были фольклорист Н.В. Емельянов и диалектолог М.С. Воронкин. Им удалось тогда впервые собрать большой материал по местному фольклору и говору ессейских якутов [Фольклор…, 2002; Воронкин, 1984]. В последующие годы, несмотря на некоторый интерес со стороны исследователей, информация об ессейских саха была весьма ограниченной. Даже лет тридцать назад связь между Ессеем и Якутией была еще слабой, якутский поселок на севере Красноярского края сохранял свое прежнее изолированное положение [ПМА, 1989]. Лишь с недавних пор Якутия открывает для себя далекий Ессей, активно устанавливая тесные контакты со своими дальними сородичами. Оживленные родственные связи между ессейскими саха и якутянами становятся сегодня важным велением времени.

Якутский государственный музей истории и культуры является крупным хранилищем культуры народов Севера Якутии. В фондах музея немало интересных собраний предметов, связанных с историей и культурой северных якутов, поступивших от различных экспедиций и частных дарителей. Среди них следует отметить этнографическую коллекцию, собранную в 1944–1945 гг. известным исследователем Севера Якутии И.С. Гурвичем среди кирбейских и джелиндинских якутов Оленекского улуса [Гурвич, 1977]. К сожалению, в музее представлены далеко не все группы северных якутов, имеющиеся собрания не в полной мере отражают все богатство и разнообразие культуры северных якутов-оленеводов.

В июле 1989 г. автору* статьи в составе Эвенкийского отряда Северной экспедиции Института этнографии АН СССР им. Н.Н. Миклухо-Маклая (начальник отряда к.и.н. Т.В. Лукьянченко) удалось посетить оз. Ессей, поработать среди местных якутов-оленеводов. Целью экспедиции являлось изучение современного этнокультурного состояния коренного населения Эвенкийского автономного округа. Мой маршрут изначально был связан с Ессеем и Чирингдой, где мне предстояло собрать материал и обследовать местное якутское население. Коллеги разъехались по другим эвенкийским факториям**. Поездка в Ессей для меня была вдвойне привлекательной. Прежде всего, она была связана с объектом моих давних научных интересов – ессейскими якутами. Кроме того, кому не интересно было бы посетить одно из древних северных поселений, по возрасту почти ровесника Ленского острога. По историческим данным, наиболее раннее упоминание Есейского ясачного зимовья датируется примерно 1634 г. [Долгих, 1960, с. 222].

Расписание рейсового вертолета в те годы не особо жаловало самый отдаленный населенный пункт округа, сообщение между Турой и Ессеем было всего один раз в неделю. После двухдневного ожидания погода наконец позволила состояться нашему рейсу. Нагруженный борт, тяжело поднявшись ввысь, держал стремительный курс на север. И вот трехчасовой полет над сопками и лесотундрой незаметно приблизился к завершению. Когда вертолет, подлетая к поселку, делал крен, перед взором раскинулось огромное водное пространство. И стало ясно, что это и есть озеро Ессей.

Стоял разгар северного лета с удивительно светлыми ночами. В это время обычно в поселке мало людей, многие находятся на своих так называемых «точках», летних стойбищах, расположенных в окрестностях озера, где рыбачат, делают юколу. Пребывание в любом незнакомом месте всегда незабываемо. Знакомство с жителями рыболовных участков, бригад оленеводов, посещение старинных кладбищ, заброшенных стоянок и других знаковых мест, без-

*Автор в то время работал старшим научным сотрудником Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского.

**До недавнего времени старожилы Эвенкии называли маленькие отдаленные поселки факториями.

условно, оставили немало ярких впечатлений. С того времени прошло немало лет, но теплые воспоминания о поездке, о встрече с моими информантами, с которыми удалось тогда поработать, сохраняются в памяти до сих пор. Это были простые жители, пенсионеры, старожилы села. Благодаря их безвозмездной помощи и была собрана данная музейная коллекция.

Коллекция (№ КП 41409, № КП 41433) состоит в основном из традиционных предметов, большинство которых датируется концом XIX и первой половиной XX в. Всего насчитывается 38 предметов. Предметы группируются по следующим видам хозяйственной деятельности и быта: оленеводство (оленьи седла, оленьи ошейники и колодки, орнаментированные луки седел, аркан, наголовник, оленьи нащечники), рыболовство и охотничий промысел (сети из конского волоса, вилы для забоя рыб, инструменты для плетения сетей, крючки для плетения аркана), предметы домашнего обихода и утварь (сетка из палочек для сушки мяса, сверло, деревянная ложка для снятия жира, тарелка для разделки рыб, крюк для котла, скребок для скобления шкуры, детская колыбелька, кожаная обувь, вышитый мешочек из ровдуги, коврики из оленьего меха) (рис. 1–4).

Следует отметить, что район озера Ессей издревле был территорией обитания тунгусских кочевников. Судя по широкому ареалу топонимов якутского происхождения, освоение якутами-оленеводами этих мест происходило достаточно давно. Ессейские якуты, в отличие от оленекских и анабарских якутов-оленеводов, территориально находились в особой контактной зоне, где у них сложились тесные связи с илимпийскими и другими группами эвенков, благодаря чему в материальной культуре наиболее явственно просматривались элементы тунгусской культуры [Василевич, 1951, с. 157]. В целом хозяйственно-культурный тип ессейских якутов был весьма близок к тунгусскому. Длительное соседство якутов с тунгусским окружением способствовало формированию в их говоре не только широкого пласта лексических заимствований, но и особой двуязычной среды.

Ессейские якуты-оленеводы, несмотря на современное локальное расселение, были весьма подвижны в освоении новых территорий. Местные якуты довольно рано начали устанавливать тесную связь с Таймыром, ко второй половине XIX в. там уже образовались группы выходцев с Ессея. Пограничное соседство с Таймыром также не могло не отразиться на хозяйственной деятельности и материальной культуре ессейских оленеводов. От таймырских долган ессейские якуты перенимали некоторые элементы самодийских традиций, особенно в оленеводстве. К ним можно отнести некогда популярные здесь легкие высококопыльные нарты самодийского типа, которые следует считать заимствованными у таймырских сородичей [Там же, с. 184]. В коллекции имеются два образца нащечных пластин для упряжных оленей, вырезанных из мамонтовой кости, одна пара сплошь покрыта орнаментом, другая – без рисунка. Интерес представляют орнаментированные пластины: длина – 17,5 см, ширина – 9,5 см. Резной орнамент состоит из мелких квадратов, часть кото-

Рис. 1. Колыбелька. № КП 41409/2, фото автора

Рис. 2. Остов вьючного седла. № КП 41409/3, фото автора

Рис. 3. Олений недоуздок. № КП 41409/5, фото автора

Рис. 4. Ровдужный мешочек. № КП 41433/1, фото автора

рых имеют крестообразные выемки, расположенные в шахматном порядке. Данный орнаментальный мотив достаточно типичен для долганского традиционного искусства. Шахматный орнамент у долган носит название *толбон*. Как известно, подобные вещи были характерной деталью долганской упряжи и, судя по всему, они были подарками, привезенными с Таймыра.

У кочевников Ессея издавна были развиты торговые отношения, прежде всего с вилюйскими якутами. Товарообмен здесь был весьма популярным занятием. Этот озерный край издревле славился как своеобразная кладовая рыбных и звериных богатств. Здесь устраивались ежегодные ярмарки, куда стекались караваны якутских купцов. В составе коллекции есть весьма редкие предметы, например, старинные рыболовные сети из конских волос с самодельными поплавками и грузилами. Подобные сети сегодня вряд ли можно найти где-либо, поскольку они давно стали настоящими раритетами. Наиболее поздние сохранившиеся музейные экземпляры датируются дореволюционным периодом или 20–30-ми годами прошлого века. Волосяные сети, привозимые на Север, – товар якутских торговцев, их возили из вилюйских улусов в виде заготовок [Там же, с. 162]. Товар был весьма дорогой, поскольку в Ессее, где озерное рыболовство исконно являлось основным занятием, сети в хозяйстве имели первостепенное значение.

Оленьи вьючные седла сегодня также стали редкостью, поскольку традиция перекочевки, использование вьючных оленей тоже ушли в прошлое. Что интересно, вьючные седла в отличие от верховых всегда оформлены красиво и выглядят изящнее. Особый интерес привлекают передние луки седел трапециевидной или округлой формы, всегда искусно орнаментированные. Возможно, их заказывали у якутских мастеров, поскольку резной или инкрустированный оловом орнамент передних лук седел исполнен часто в виде растительного узора, весьма характерного для творчества якутских мастеров. Не менее популярным товаром якутских купцов здесь были металлические изделия: медные котлы, женские украшения, бытовые предметы, орудия труда и т.д. Следует отметить, что бытовые предметы домашнего обихода ессейских якутов, будь то деревянная утварь, орудия труда или охотничье снаряжение, по своим функциональным особенностям как никогда лучше приспособлены к походной жизни кочевника-оленевода. Детская колыбелька тунгусского типа была очень удобна при транспортировке, во время перекочевки ее можно было легко привязать к вьючному седлу. Передавая эту семейную реликвию, 90-летний старец Василий Иванович Эспек поведал о том, что в ней выросли все его дети, а их в семье было восемь. Колыбель являлась вещью сакральной, связанной с многими поверьями и обычаями, особенно почиталась колыбель, которая служила не одному поколению детей, уже взрослых и здравствующих. В коллекции весьма редкий в наше время предмет – плетенка *нибиэ* из тонких деревянных палочек, переплетенных сухожильными ниткa-

ми, предназначенная для сушки и копчения мелконарезанного мяса. Вещь была весьма нужная в домашнем хозяйстве, ее стелили на жердях, горизонтально подвешенных над очагом. После использования ее закручивали в трубку и хранили в специальном кожаном чехле.

В коллекции имеется несколько предметов, связанных с озерным рыболовством. Большой интерес представляют две сети из конских волос, одна целая, длиной около 25,5 м, шириной 95 см, другая – обрезанная. Грузила сети представляют кольца из тальника с туго примотанной к ним речной галькой, к верхним краям сети прикреплены поплавки в виде берестяных трубочек. Популярным орудием для весенней ловли рыб (налима) через лунку во льду были деревянные или костяные крючки-приманки *hum*. К основной бечевке привязывали до 10 штук крючков. По мнению исследователей, этот древнейший способ лова рыб был характерен для неолитического населения [Там же, с. 185].

Отдельную группу составляют предметы из мягких материалов (вышитый олений недоуздок, камусная обувь, ровдужный мешочек, меховые коврики). Одним из ценных предметов, переданных Евдокией Петровной Чорду, является олений вышитый недоуздок, важная часть женской оленьей упряжи. Судя по оформлению, вещь являлась принадлежностью невесты. Олений начельник сшит из красного сукна, оголовье целиком вышито разноцветным бисером и стеклярусом, имеет подклад из ровдуги. Передняя часть имеет фигурный выступ в виде широкого трехвильчатого отростка. Данная фигура нередко рассматривается как орнаментальный мотив, широко распространенный у эвенков, долган и северных якутов. У последних он известен под названием *көтөр атаҕа*, т.е. птичьи лапки. Этот орнитоморфный мотив в прошлом был широко распространенным, его можно было видеть не только на бытовых вещах, но и на ровдужных нагрудниках, шаманском костюме. Судя по всему, он был некогда сакральным знаком, символизирующим некую родовую тотемную птицу. К нижним краям начельника пришита ровдужная бахрома (10 шт.). Недоуздок имеет немаловажную деталь – меховую подшейную кисть из медвежьего меха длиной около 15 см, вставленную в ровдужное основание в виде куполка, отделанного цветной тканью и бисером. Данная деталь на женской упряжи выполняла весьма важную охранительную функцию и служила своеобразным оберегом.

Мужская обувь с длинными голенищами сшита из светлых камусов. Судя по характерным особенностям кроя, обувь относится к эвенкийско-долганскому типу со сложносоставным носком. В коллекции также имеются два меховых коврика, один – прямоугольной формы, другой – круглой. Оба коврика сшиты в традиционной технике меховой аппликации из темных и светлых мелких лоскутков камуса. Если первый коврик выполнен в духе традиции, умело подобранные геометрические фигуры здесь составляют несложную орнаментальную композицию, то второй изготовлен с добавлением различных видов меха, в оформлении использованы некоторые современные приемы декорирования, в центре изделия имеется изображение оленя.

Вышитый белым подшейным волосом оленя женский ровдужный мешочек является редким старинным предметом в данной коллекции. Он был приобретен в 1988 г. во время Таймырской экспедиции автора у Христины Ивановны Бетту из с. Катырык бывшего Хатангского района Таймырского автономного округа Красноярского края. Предмет включен в коллекцию не случайно, поскольку часть долган данного поселения по своей родословной напрямую связана с ессейскими якутами. Об этом свидетельствует наличие здесь ессейских фамилий Бетту, Чорду, носители которых являются потомками некогда мигрировавших якутов из района озера Ессей [ПМА, 1988]. Предмет старинный, размер 40х 25 см; привлекает внимание вышитый орнаментальный декор, сплошь покрывающий всю поверхность предмета. Центральная часть украшена орнаментальным мотивом, состоящим из двух вытянутых трехвильчатых узоров, соединенных основаниями. По краям и бокам проходит дугообразный орнамент с трефовидными выступами, весьма характерный для орнаментальных традиций северных якутов и долган, у которых он носит название *һарбынньак* или *һарбынньак ойуу*. Вышивка белым подшейным волосом оленя – весьма уникальный по своей технике прием декорирования женских предметов из мягких материалов, широко распространенный и у северных якутов.

В ходе работы по атрибуции коллекции уточнялись традиционные названия предметов. Как показал терминологический анализ, многие из этих названий, как и сами предметы, сегодня постепенно выходят из употребления и приобретают архаичный характер. Следует отметить, что ессейский говор благодаря обособленному развитию сохранил немало из старинной лексики языка саха. Как известно, оленеводческая терминология представляет собой своеобразное сплетение тунгусских и якутских слов. В частности, термины из области оленеводства, например, *дьүкээҥди, чээкэптиин, чалаах, килгээбин, кээбээ* и другие, некогда заимствованные из эвенкийского языка и давно укоренившиеся в говорах якутов-оленеводов, следует отнести к особенностям местной диалектной лексики. Названия орудий рыболовства, характерные для ессейского говора: *атара* – металлические вилы для забоя рыбы (налима), *дьөккү* – рыболовная сеть из конских волос с крупными ячейками для ловли тайменя, *hит* – деревянные или костяные крючки для ловли налима, также постепенно переходят в разряд архаизмов. В ессейском говоре тунгусский лексический пласт, неразрывно связанный с оленеводством и кочевым бытом, судя по всему относится к периоду формирования субэтнических групп якутов-оленеводов, осваивавших северные широты. Однако эти слова у местных якутов были еще задолго до прихода их на территорию современной Эвенкии, возможно, в те давние времена, когда их предки переходили на кочевой образ жизни, переняв местные традиции оленеводства. Следующую группу названий составляют такие слова, как *үрүөх, һоҥоһоон, үлдьү атах, олдоон, чэҥкээйии, кулуку* и другие, которые авторы «Диалектологического словаря якутского языка» относили к группам северо-якутских говоров [Диалектологический словарь…, 1976; 1995]. Действительно, эти слова наиболее характеризуют особенности быта и хозяйственной деятельности северян и часто употребляются в бытовой лексике северо-западных групп якутов.

Следующей точкой моего маршрута была Чирингда – небольшой эвенкийский поселок, находящийся в 150 км от Ессея. Тогда население здесь составляло всего 365 чел., в основном представленных эвенками. Якутов, выходцев с Ессея, здесь, по данным местного сельсовета, было 49 чел., хотя дети из смешанных семей здесь записывались как эвенки. В советское время здесь было отделение совхоза «Котуйский» [ПМА, 1989]. Что меня здесь удивило, так это то, что местное население, особенно старшее поколение, свободно говорило на двух языках – эвенкийском и якутском. Объяснялось это тем, что раньше между ессейцами и чирингдинскими эвенками были очень близкие связи: вместе кочевали, совместно пасли общие стада оленей. Между ними отмечались частые межэтнические браки. В то время в Чирингде в отличие от Ессея уже наблюдался хозяйственный кризис, оленей практически не стало за исключением небольшого частного поголовья. Единственным занятием местных жителей были рыболовство и охота. Здесь мне также удалось поработать со многими старожилами, приобрести ряд интересных предметов. От Николая Саввича Елдогир был получен весьма редкий предмет *«сибиэ»* – плетенка из тонких реек, переплетенных судя по всему сухожильными нитками, для копчения мелко нарубленного мяса над очагом в чуме (эвенк. «*бучивун»*). Другая жительница Чирингды Вера Филипповна Гургугир передала в дар вьючное оленье седло в хорошей сохранности, большую деревянную ложку, предназначенную для снятия жира (як. *«ишкээпчээн», эвенк. «ламба»*), скребок для выделки шкур. Подобными вещами пользовались как эвенки, так и якуты.

В целом коллекция, по мнению специалистов, занимает особое место в фондах музея, она, безусловно, дополняет и обогащает этнографический корпус предметов материальной культуры северных якутов, хранящихся в музее. Особую ценность представляют редкие предметы, подобных которым нет ни в одном музейном собрании. 10 предметов из коллекции вошли в изданный в 2009 г. музейный каталог «Циркумполярная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра», изданный под эгидой ЮНЕСКО. Отдельные предметы не раз были представлены в музейных экспозициях и выставках. Коллекция несмотря на небольшой состав не может не вызвать интерес исследователей, поскольку показывает не только своеобразие культуры северных якутов-оленеводов, но, что особенно важно, дает ценную информацию об одной из малоизученных локальных

групп якутов-оленеводов, издревле проживающих в территориально обособленных условиях. Безусловно, материалы коллекции нуждаются в дальнейшем пополнении, не менее важна задача введения их в научный оборот, также заслуживает внимания составление музейного каталога.

Приложение

Жители Ессея и переданные ими предметы, хранящиеся в ЯГОМиКНС им. Ем. Ярославского

Алексеева (Ботулу) Елена Егоровна (1932–1997) – 1) блюдо для разделки рыб (як. *«ньолбоо», эвенк «тыгэ»*); 2) скребок для выделки шкур без рукоятки (як. *«кэдэрээ»,* эвенк. *«гэдэрэвун»*); 3) блок из мамонтовой кости у нарты для продевания лямки (як. *«чалаах»/«тоҥоолдо»,* эвенк. *«чалак»/«тонголдо»*); 4) нащечные пластины оленьего недоуздка из мамонтовой кости, 2 шт. (як. *«һыҥаах муостара»,* эвенк. *«андян»*); 5) лучковое сверло, коловорот (як. *«һэрэбэлэ», «бурупчаан»,* эвенк. «*хэрэвул*», *пурупчанэ*»).

Бетту Христина Ивановна – 1) женский ровдужный мешочек, вышитый подшейным волосом оленя (як. «*утаха*», эвенк. «*хутакан*»).

Бетту Христина Николаевна (1936 г.р.) – 1) современный коврик прямоугольной формы из лоскутков камуса.

Ботулу Августа Христофоровна (1935 г.р.) – 1) современный коврик круглой формы из шкур пыжика, росомахи с изображением оленя.

Ботулу Александр Дмитриевич-Баһырҕас – 1) рыболовные сети с грузилами и поплавками; 2) часть рыболовных сетей (як. «*илим*», эвенк. «*адил*»); 3) игла для плетения рыболовных сетей; 4) игла для плетения рыболовных сетей (як. «*илим баайар иҥнэ*», эвенк. «*хэнекэлэбун*»).

Ботулу Андрей Саввич (1912–1997) – 1) лука верхового седла; 2) лука верхового седла, резной орнамент (як. *«хороон»*, эвенк. *«хорон»*).

Ботулу Владимир Христофорович (1937–2009) – 1) укротитель для тренировки оленя в упряжке (як. «*кээбээ*», эвенк. *«кэвэ»*); 2) шест для отметки сетей на воде (як. *«чороҕор»,* эвенк. *«камай»*); 3) крюк для вытаскивания мяса из котла (як. *«урубшин»*, эвенк. *«уривун»)*; 4) доска для выделки шкур (як. назв. «*үрүөх*», эвенк. «*олдоксо*»); 5) мужские торбаза с высокими голенищами (як. *«үлдьү атах»*, эвенк. «*унта хыври*»).

Ботулу Дмитрий Александрович (1915–1993) – 1) аркан, сплетенный из кожи (як. *«маамыкта»*, эвенк. *«мавут»*).

Гургугир Вера Филипповна (1955–2005) – 1) оленье седло вьючное (як. *«ыныыр»,* эвенк. *«лочохо»*); 2) деревянная ложка для снятия жира (як. *«иикээпчээн»*, эвенк. *«ламба»*); 3) скребок для выделки шкур (як. *«һоҥоһоон»*, эвенк. *«чучун»*).

Елдогир Николай Саввич (1919–?) – 1) плетенка из тонких палочек, переплетенных сухожильными нитками (як. *«сибиэ»*, эвенк. *«бучивун»*).

Катыгинский Владимир Николаевич (?) – 1) металлические вилы для забоя рыб, острога (як. *«атара»*, эвенк. «*кирамки*»); 2) металлическая лопатка-держатель сковородки (эвенк. «*дябавун*»); 3) металлический крюк для вытаскивания мяса из котла (як. «*урубшин*», эвенк. «*уривун*»).

Чорду Евдокия Петровна (1926–2017) – 1) недоуздок, наголовник на оленя (як. *«бас быата»*, эвенк. *«ухи»)*; 2) колодка-ограничитель для собаки (як. *«ыт кулукута»*, эвенк. «*хэргур*»); 3) нащечные пластины оленьего недоуздка из мамонтовой кости, орнаментированные, 2 шт. (як. «*һыҥаах муостара*», эвенк. «*андян*»).

Эспек Василий Иванович-Чапчаа (1907–1994) – 1) колыбелька (як. *«биһик»*, эвенк. *«эмкэ»*); 2) 1-й комплект деревянных крючков для плетения аркана, 4 шт.; 3). 2-й комплект деревянных крючков для плетения аркана, 4 шт. (як. *«маамыкта хатар иннэ»*, эвенк. *«чивавун»*); 4) деревянные крючки для ловли рыб, 3 шт. (як. *«һит»*, эвенк. *«печерэ»*); 5) грузило для рыболовных сетей, 3 шт. (як. *«таастыган»*, эвенк. *«тунгул»*).

Литература и источники

Василевич Г.М. Ессейско-чирингдинские эвенки (По коллекциям В.Н. Васильева) // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1951. – Т. 13. – С. 154–186.

Воронкин М.С. Северо-западная группа говоров якутского языка. – Якутск, 1984. – 222 с.

Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленеводов (XVII–XIX вв.): к вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. – М.: Наука, 1977. – 247 с.

Диалектологический словарь якутского языка. – М.: Наука, 1976. – 391 с.

Диалектологический словарь языка саха. – Новосибирск: Наука, 1995. – 294 с.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М., 1960. – 621 с.

Краткий тематический словарь ессейского говора / сост. П.Х. Чорду; науч. ред.: А.И. Саввинов. – Якутск, 2011. – 55 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов: в 2 кн. Кн. 1. – Якутск, 1992. – 414 с.

ПМА – полевые материалы автора за 1988 г. (Таймыр) и 1989 г. (Эвенкия).

Саввинов А.И. Тус хоту, Дьэһиэй сиригэр // Кыым: газ. – 1990. – № 46.

Саввинов А.И. Дьэһиэй сахалара // Чолбон. – 1996. – № 8. – С. 126–138.

Фольклор ессейских якутов (Дьэһиэй сахаларын фольклора) / ред.: к.и.н. А.И. Саввинов. – Якутск, 2002. – 227 с.

Циркумполярная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра. Circumpolar Civilizationin the Word Museums: Yesterday, Today, Tomorrow. Музеи Республики Саха (Якутия). – Якутск, 2009. – 125 с. (Каталог).

A.I. Savvinov

Ethnographic collection of Yessey Sakha in the Yakut State United Museum of the History and Culture of the Peoples of the North named after E. Yaroslavsky

The article describes one museum collection, collected more than 30 years ago among a local group of northern Yakut reindeer herders living on Lake Yessey. It should be noted that this collection, representing the material culture of the Yessey of Yakuts, is perhaps the only one in the museums of Yakutia. Despite its small composition (household items, tools and crafts), it clearly characterizes the traditional way of life, the original economic activities of the Yessey of Yakuts: reindeer herding, fishing, and hunting. The collection of household items reveals the regional characteristics of the culture of nomadic reindeer herders, the interethnic ties of the Yakut and Evenki traditions. When describing museum objects, we tried to approach comprehensively, in the context of the ethno-cultural history of the region. A thing in culture is not only a material object, but also an important component, inextricably linked with the spiritual world. Indeed, in the traditional culture of anything is somehow connected with ideas, customs and beliefs. When attributing museum objects, an important task is the identification and refinement of traditional names and their local variants. As the materials show, the subethnic group of the Yessey of Yakuts has a significant preservation of household vocabulary, but at the same time, the Evenki language is observed in this area of local dialect. This was reflected in the names of many objects. Currently, in the current pace of transformation of economic traditions, when there is an irreversible process of loss and oblivion of the material culture of northern Yakut reindeer herders, museum collections are acquiring special value and significance.

Keywords: Yessey Yakuts, sub-ethnic group, ethno-cultural borderland, Evenkia, ethnographic collection, traditional culture, museum collecting.

С.С. Слепцов, С.С. Слепцова, А.Г. Егорова, З.Н. Алексеева

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.006
УДК 61(571.56-37)(091)

Развитие здравоохранения в Оймяконском районе Якутии в конце XIX – 30-е гг. XX вв.

В данной статье представлена история развития медицины в одной из самых отдаленных окраин Якутии – в Оймяконском районе, известном в настоящее время как полюс холода Северного полушария. Приведены данные из метрических книг местной церкви по рождаемости и смертности населения. Показано, что в некоторые годы более половины от всех умерших составляли дети до 10 лет. На основе различных литературных и архивных источников описаны народные способы лечения, используемые оймяконцами в конце XIX – начале XX в. На основе ранее неопубликованных архивных источников и информации из периодической печати освещена история создания в районе первого медпункта и первой больницы. Приведены краткие сведения о медицинских работниках, трудившихся в этот период в Оймяконском районе, описаны условия, в которых им приходилось лечить пациентов. Освещены результаты первых выездных медицинских обследований местного населения, показаны основные причины, замедлявшие развитие здравоохранения в довоенный период, например, значительная рассредоточность населения по территории района и их недоверие к официальной медицине, нехватка медицинских кадров, медикаментов и т.д.

Ключевые слова: история медицины, история Якутии, Оймякон, инфекционные болезни, организация здравоохранения, санитарное просвещение.

Изучение формирования системы здравоохранения Якутии в XX в. в условиях советского типа модернизации имеет огромное значение в историографии. Напомним, что вплоть до начала XX в. по всей Якутии, занимающей почти 1/5 часть России, имелось всего шесть участковых и четыре окружные больницы по 10–12 коек каждая, а также несколько лечебниц для больных сифилисом [Николаев, 2007, с. 10]. Лишь в 1920-е гг. в здравоохранении был осуществлен переход от случайной и эпизодической работы к плановой и систематической [Антонов, 1998, с. 75]. Иными словами, очевидно, что значительная часть жителей Якутии в те годы была лишена всякой возможности получить даже базовую медицинскую помощь. Не являлся исключением и Оймяконский улус Республики Саха (Якутия), считавшийся до 1920 г. Оймяконо-Борогонским наслегом Баягантайского улуса. Тем не менее, приблизительные сведения о рождаемости, продолжительности жизни и причинах смертности жителей этого сурового края, известного сейчас как полюс холода Северного полушария, можно узнать из сохранившихся метрических книг Оймяконской Вознесенской церкви. Анализ этих документов показал, что с первой половины XIX в. по начало XX в. количество родившихся в наслеге почти ежегодно было существенно больше, чем количество умерших. Так, при общем количестве прихожан, немногим превышающем 1500 чел. (в среднем за 1840–1896 гг.), абсолютный естественный прирост составлял в среднем 24,9 чел./год. Показатель абсолютного прироста мог быть еще выше, если бы не крайне высокая младенческая и детская смертность – в некоторые годы более половины от всех умерших составляли дети до 10 лет (табл. 1).

В качестве основных причин детской смертности указывались кишечные инфекции (так называемые «поносы»), а также коклюш и скарлатина. Взрослое население нередко умирало от простуды, дифтерии, туберкулеза, воспаления легких, ангины, сужения пищевода (рак пищевода), катара желудка (гастрит), родовых и послеродовых осложнений, горячки (возможно,

© *Слепцов С.С., Слепцова С.С., Егорова А.Г., Алексеева З.Н., 2020*

Таблица 1

Показатели младенческой и детской смертности
в Оймяконо-Борогонском наслеге в конце XIX – начале XX в.
(по данным метрических книг Оймяконской Вознесенской церкви)

Годы	Возраст			Итого	Общее кол-во умерших, %
	до года	от 1 года до 5 лет	от 5 лет до 10 лет		
1894	0	9	0	9	64,3
1896	2	2	1	5	23,8
1897	4	1	1	6	33,3
1898	5	4	0	9	50,0
1899	4	1	2	7	29,2
1901	1	1	0	2	20,0
1902	0	9	1	10	23,8
1903	0	2	6	8	61,5
1904	2	0	0	2	33,3
1909	2	10	2	14	50,0
1910	5	3	3	11	27,5
1912	5	3	2	10	40,0
1913	8	3	1	12	38,7
1914	4	5	3	12	41,4
Среднее					38,3

сыпной и брюшной тифы или в целом болезни, сопровождаемые высокой температурой), костоеды (остеомиелит) и т.д. Как показал анализ документов того времени, средний возраст населения составлял 27,8 года, средняя продолжительность жизни – 49,2 года [Слепцов и др., 2019, с. 103].

Все вышеуказанное побудило священника Николая Верещагина, несшего службу в Оймяконе с 1903 по 1905 г., написать письмо губернатору Якутии, в котором он доложил, что местное население этого далекого края постепенно вымирает. В 1908 г. для проверки этих сведений в Оймякон командировали врача М. Афонина. В период с 5 по 16 марта медицинскому работнику удалось осмотреть 141 человека, из которых 35,5% (50 чел.) обратились с глазными болезнями и 22,7% (32 чел.) – с *«патологическими изменениями желудочно-кишечного тракта»*. Также люди жаловались на болезни органов кровеносной (7 чел.) и нервной систем (7 чел.), на ревматизм (6 чел.), легочные заболевания (6 чел.), туберкулез (3 чел.) и т.д. [Афонин, 1928, с. 56].

Причинами большого количества больных *«с патологиями зрения»* Афонин справедливо считал не только отсутствие должной гигиены глаз, но и негативное влияние постоянно мерцающего камина, а также воздействие яркого весеннего солнца. Все это, конечно же, усугублялось практикой использования народных методов лечения, которые порою наносили больше вреда для здоровья. Например, как оказалось, для лечения глазных болезней оймяконцы применяли: 1) втирание в глаза крупного песка; 2) вливание в органы зрения подогретой лиственничной смолы; 3) привязывание стрихнина к затылку.

Широкое распространение заболеваний желудочно-кишечного тракта, по мнению М. Афонина, было связано с употреблением *«всякого рода в пищу трав, богатых клетчаткой, которая, раздражая слизистую оболочку и служа излишним балластом, конечно, не может не действовать губительно на слизистую оболочку»*. Методом опроса врач установил, что каждая оймяконская семья заготавливала до 30 пудов

растительного сырья, причем и этого количества иногда не хватало. В списке собираемых растений имелись кровохлебка лекарственная (корни), шиповник (стебли), листья полыни обыкновенной, княженики, иван-чая.

Вплоть до начала XX в. при уретрите оймяконцы принимали внутрь нашатырный спирт, при головной боли прикладывали к голове свежий коровий помет. При родах для принудительного отделения последа роженицу, поддерживая за подмышки, усаживали на лежащее толстое полено и по одному из его концов били обухом топора. Предполагалось, что от такой встряски послед должен выйти [Слепцов, 2016, с. 315].

Довольно своеобразные способы лечения от ряда различных недугов были обнаружены нами в записях эвенского народного целителя Егора Андреевича Данилова (1907 г. р.), хранящихся в фондах литературно-краеведческого музея Томторской средней школы Оймяконского улуса. Данилов указывал, что при туберкулезе оймяконцы употребляли собачье мясо и жир черношапочного сурка, при обморожениях и ожогах смазывали поврежденные участки кожи медвежьим жиром, при кашле лечились медвежьей желчью, при болезнях печени прикладывали живую щуку на область живота, при параличе обертывали больного шкурой свежезабитого животного. От простуды лучшим способом лечения Данилов считал обтирание тела подогретой собачьей мочой. При этом автор указывал, что дети, которые прошли данную процедуру лечения, больше не простужались. Хотя записи народного целителя были сделаны в 2002 г., очевидно, что все приведенные народные способы лечения практиковались местными жителями с давних пор.

Постоянно возникающие проблемы со здоровьем вынудили оймяконцев в 1915 г. составить письмо следующего содержания: «*Мы, нижеподписавшиеся, инородцы Оймяконо-Борогонского наслега ... < > ... обсудили вопрос об открытии особого фельдшерского пункта. Переговорив об этом, пришли к следующему заключению:*

Население нашего наслега обособлено от центра врачебного участка на громадном расстоянии – 860 верст, по верховью Индигирки. Это обстоятельство, связанное с размножением разных эпидемических заболеваний, заставляет нас ходатайствовать об открытии фельдшерского пункта в центре наслега на местности Балаган, где имеется готовое здание: русский дом с 4 комнатами;

Отсутствие медицинской помощи послужило причиной к убыли наличного населения, и всякое маленькое эпидемическое заболевание осложняется и уносит массу жертв» [НА РС (Я). Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 337. Л. 10].

Прошение было заверено 70 подписями оймяконцев, однако *«ввиду дальности расстояния и дороговизны жизни на Оймяконе»* просьбу местного населения удовлетворили лишь в октябре 1919 г. Правда, амбулаторию организовали не в местности Балаган, как планировалось, а в урочище Томтор, рядом с вышеупомянутой церковью. Фельдшером был назначен уроженец Таттинского улуса Николай Филиппович Харитонов (1881 г. р.) [НА РС (Я). Ф. 58. Оп. 40. Д. 897. Л.1]. Несмотря на незнание якутского языка, косность местного населения и большие трудности с финансированием, в 1923 г. Харитоновым были введены в эксплуатацию пристрой под лечебницу и помещение для медперсонала. В том же году на деньги от пожертвований в здании медпункта вместо якутских каминов были сложены русские печи, вставлены в оконные проемы рамы, установлены двери. По мере своих возможностей фельдшер активно проводил вакцинацию населения против оспы, вел просветительскую работу среди взрослого населения и немногочисленных учащихся школы.

Однако наибольшую проблему для единственного на весь район медработника представляла значительная рассредоточенность жителей по территории вверенного ему района*, о чем в 1925 г. Харитонов писал следующее: *«Ча-*

*Напомним, что до начала коллективизации якутское население проживало обособленно друг от друга, группами по 2–3 семьи. Например, по данным от 01.01.1934 г., на территории Оймяконского района с общим количеством населения 3566 чел. числилось 111 населенных пунктов, расположенных преимущественно по берегам крупных рек – Индигирки, Эльги, Неры, Куйдусуна и т.д. Как правило, крайне важным критерием для выбора места проживания у якутов, как скотоводов, было наличие свободных сенокосных угодий.

стые и продолжительные разъезды по больным, что особенно имело место зимой минувшего года в связи с массовым заболеванием корью взрослых и детей, с отлучкой фельдшера с пункта на 10–15 дней, губительно отзываются на амбулаторных больных и лечащихся в больнице, остающихся в больнице без медицинского надзора… < > ... На медпункт крайне необходима акушерка и не менее одного помощника, как для разъездов, так и для лечения больных при отсутствии заведующего» [Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 4].

Нехватка медикаментов вынуждала Харитонова искать альтернативные способы лечения. Например, в ноябре 1926 г. фельдшер сопровождал геолога С.В. Обручева до единственного на территории Восточной Якутии термального источника Сытыган-Сылба, расположенного в 80 км к юго-востоку от села Томтор, в котором местное население издавна лечилось от различных недугов. Обручев тогда впервые дал научное описание этого источника, а Харитонов привез в Томтор воду и глину. Дважды в день, в течение 15 дней двое местных жителей, страдающих тяжелой формой ревматизма, принимали в фельдшерском пункте грязевые ванны, и, по словам Харитонова, по окончании курса лечения больные стали чувствовать себя гораздо лучше [Обручев, 1927, с. 75].

Немало проблем в работу пункта принесла Гражданская война. Так, согласно ведомости о движении больных за 1923 г., из 967 принятых пациентов 47 человек попали к Харитонову с огнестрельными ранениями. В марте 1925 г. медицинская помощь была оказана четырем красноармейцам из отряда Э.Г. Светеца, получившим ранения в бою с ополченцами. С 7 января 1928 г. по 24 января1928 г. лечебница и вовсе не работала, так как здание было захвачено повстанцами [НА РС (Я). Ф. 60. Оп. 1. Д. 49. Л. 13].

В течение всего периода работы Харитонов неоднократно писал письма в вышестоящие инстанции о необходимости создания в районе новых медпунктов (например, в Тарын-Юряхе, Оротукане, Сеймчане), выделения дополнительных средств для увеличения штата медработников, ремонта здания медпункта, приобретения первоочередных медикаментов и расходных материалов, постройки первой в районе бани, но почти все прошения остались без ответа, за исключением того, что с 1 февраля 1928 г. в медпункте появилась вакансия акушера. В этой должности начала работать прибывшая из Якутска Евдокия Дмитриевна Тирская, благодаря которой женщинам Оймяконья впервые начала оказываться квалифицированная медицинская помощь. С 3 ноября 1929 г. её заменила Елена Осиповна Полякова.

В апреле 1928 г. Харитонов покинул Оймякон, а 11 июня 1928 г. на его место прибыл лекпом Андрей Александрович Вараксин. О том, в каком состоянии была лечебница на тот период, можно узнать из рапорта лекпома от 22 октября 1928 г., адресованного в Якутский областной исполнительный комитет: *«В первую очередь следует проконопатить все здание пункта, так как таковое имеет во всех стенах и почти в каждом венце сквозные щели, плита развалилась и требует перекладки, во многих рамах разбиты стекла, внутри здание имеет вид черной бани, т.к. вследствие плохих печей прокоптело дымом и запылилась, а потому требует капитального мытья и даже побелки ... < > ...во всем Оймяконе нет извести, русская печь и одна голландская требуют ремонта, а будущим летом даже повторной перекладки, наружные двери перевесить и обить… < > ...нет ни одного фунта керосина, мыла, мяса, масла, крупы, муки, крупчатки, соли. Нет средств на выплату жалованья сиделке и сторожу ... < > ...нужно приобрести спецодежду, т.к. имеется на лицо всего лишь два негодных халата…»* [Там же. Ф. 58. Оп. 2. Д. 142. Л.1].

Предположительно, именно в этот же период Вараксин вместе с местным учителем Иваном Семеновичем Слепцовым написали газетную заметку, которую опубликовали в газете «Автономная Якутия» 2 февраля 1929 г.: *«Больница почти развалилась. Питание больных – чёрный хлеб. Население без продуктов. Интернатчики голодают. Не больница, а ледник. Камелёк топится день и ночь, но холодно. Стены покрыты снегом. В амбулатории вода и жидкие лекарства замерзают……Я спрашивал: “Почему вы не ремонтируйте здание? Что у вас будет с больными, фельдшер тов. Вараксин?” Андрей Александрович рассказывает, что УлРевкому несколько раз говорил и писал о необходимости срочного ремонта здания, но до сих пор нет ничего…»* [ИСА, 1929, с. 3].

О плачевном состоянии местной больницы и в целом о необходимости улучшения медобслуживания указывалось также в отчетном докладе врачебного отряда Наркомпросздрава ЯАССР, побывавшего в Оймяконе в 1928 г. [НА РС (Я). Ф. 58. Оп. 41. Д. 17. Л. 1–21]. В состав группы входили врач Афанасьева (руководитель), сестра-инструктор, санитар-каптенармус и санитар-переводчик. Медики работали на территории улуса семь месяцев, побывали во всех наслегах, за исключением двух самых отдаленных (Сеймчанский и Оротукский), прошли по территории района около 1785 верст. Ими было осмотрено 1 708 чел. (в т. ч. 350 детей), т.е. около половины всего населения улуса. Отряд оказывал нуждающимся медицинскую помощь, провел обширное медико-социологическое анкетирование аборигенного населения (якутов и эвенов). Как и в исследованиях упомянутого ранее Афонина, значительная часть пациентов (41,8%) обращались с жалобами на глазные заболевания, в основном, трахому. Крайне высоким оставался показатель детской смертности – в эвенских семьях умирал каждый третий ребенок, в якутских – каждый второй. Без обращения к повитухам рожали 12,6% якуток и 45,0% эвенских женщин. В целом же, по результатам проведенного опроса, исследователи пришли к выводу, что по ряду показателей физическое здоровье эвенов было лучше, чем представителей якутской национальности. Например, катар желудка диагностирован у 21,4% саха, у эвенов данный показатель составил 2%, туберкулез отмечен у 16,6% саха, у эвенов – 9,4%, более 1/3 якутского населения болела гельминтозами, тогда как у эвенов они не были выявлены.

В отчете отмечалось, что более 50% всех жителей Оймяконья потребляли алкоголь, причем 1/3 начала это делать в возрасте до 14 лет. Доля курящего населения также была высокой – 57,7%. В силу вышесказанного медицинскими работниками было организовано немало культурно-просветительских мероприятий санитарно-профилактического характера. При этом они отмечали «*очень хорошее отношение к отряду населения, охотно собиравшегося на обследовательские пункты, несмотря на всевозможные трудности…< >...такое отношение со стороны населения чрезвычайно облегчало нашу работу, чувствуя постоянно моральную поддержку, мы никогда и ни при каких условиях не унывали...*».

Весной 1929 г. в Томтор прибыл Индигирский отряд Якутской экспедиции АН СССР с целью организации здесь первой в районе метеостанции. Поставленная задача была успешно выполнена, однако ученым необходимо было подыскать в качестве метеонаблюдателя кого-нибудь из местного населения. Но проблема была в том, что грамотных людей в те годы в наслеге почти не было. Вспоминая об этом случае, один из участников экспедиции, гидрограф М.А. Головачев писал, что «*удалось договориться с фельдшером Оймяконского улусного медицинского пункта А.А. Вараксиным о наблюдениях на метстанции. Кроме него никто не соглашался взяться за эту работу…»* [Головачев, 1932, с. 48]. Но вскоре Вараксин был командирован в Якутск, чтобы решить накопившиеся проблемы, связанные с его основной деятельностью. Не лишним будет сказать, что в те годы сложнейший путь от Оймякона до Якутска, протяженностью почти тысяча километров, преодолевался исключительно на лошадях или оленях, и требовалось не менее 1,5–2 месяцев, чтобы пройти эту дистанцию. Поездка в столицу не прошла зря – к 1930/31 г. на строительство новой больницы в селе Оймякон, ставшем тогда районным центром района, Наркомздравом ЯАССР было выделено 20 тыс. рублей [НА РС (Я). Ф. 58. Оп. 2. Д. 167. Л. 151].

Кстати, в мае 1929 г. в Оймякон во второй раз прибыла экспедиция Обручева. В своей книге воспоминаний «Колымская землица», описывая местный быт, ученый упоминает и о лечебнице: *«…Уже несколько лет, как в Оймяконе есть фельдшерский пункт и больница, на дверях которой висит бумага со стихами:*

Вытирайте чище ноги,
Прежде чем к нам в дом войти:
Много пыли на дороге,
Много грязи на пути.

Внутри чисто, есть ванна, отдельная палата для больных трахомой…» [Обручев, 1933, с. 30–31].

Вышеупомянутый Андрей Александрович Вараксин вернулся в Томтор 14 декабря 1929 г. и продолжил работу в медпункте, а также в качестве метеоролога. Но 19 ноября 1930 г. представители Оймяконского исполкома направили в

адрес Наркомздрава письмо, в котором говорилось, что «*местная больница ввиду слабости своей работы не приобрела симпатию и доверие широких слоев населения*» и что главной причиной этого является незнание лекпомом якутского языка. Видимо, именно по этой причине в начале 1931 г. лекпом навсегда уехал из Оймякона. Тем не менее, в 1932 г. в с. Оймякон была введена в эксплуатацию та самая больница на 10 коек, строительства которой упорно добивался Вараксин. Она представляла собой деревянное здание с коридорной системой, имела пять постоянных печей и две временные железные печи. Но из-за нехватки финансирования неоштукатуренное здание долгое время функционировало без черного пола, завалинок. Стекла имелись только во внутренних оконных рамах, в наружные же был вставлен лед. Катастрофически не хватало дров. Неудивительно, что в зимний период температура в наиболее теплых палатах составляла всего +3...+6 °С, а в родильном отделении – -7…-12 °С. В помещении аптеки и в коридоре было лишь незначительно теплее, чем на улице (-34…-40 °С). По этой причине в течение ряда лет больница в зимний период не работала (в 1933 г. – 5 месяцев, в 1935 г. – 15 дней, в 1936 г. – 32 дня). Для подвоза льда, воды, дров, продуктов за больницей были закреплены одна лошадь и один бык. Медперсонал и члены их семей в количестве 16 человек проживали все вместе в одной якутской юрте, внутри которой «квартиры» были отделены друг от друга тесом и занавесками [НА РС (Я).Ф. 58. Оп. 3. Д. 36. Л. 54].

В первое время больницей заведовала лекпом Бушкова [Там же. Д. 95. Л. 426], затем врач Салазкина (1900 г. р.), а с 1934 г. заведующим Оймяконской больницей назначили выпускника Омского медицинского института Леонида Петровича Новолодского (1912 г. р.). С его появлением возобновилась вакцинация населения против оспы, начали ставить прививки от брюшного тифа. Также стали проводиться хирургические операции, основная масса которых была связана с запущенной трахомой (коррекция деформированных век). В докладной записке от 6 апреля 1937 г. Новолодский описывал те же проблемы, что и его предшественники. Кроме того, врач небезосновательно опасался, что эпидемиологическая ситуация в районе станет еще более напряженной, так как в те годы началось строительство печально известной Колымской трассы: *«…С 1937 года примешивается очень серьезное обстоятельство, как подъезд шоссейной дороги от г. Магадана на территорию Оймяконского района, вследствие чего будут соединены густонаселенные районы Магадана (преимущественно с русским населением (заключенные), болеющим эпидемическими болезнями) с Оймяконом, а через него и с ЯАССР, что может явиться дополнительным источником заражения населения ЯАССР эпидемическими болезнями…< >...тем более, что уже в начале 1937 года благодаря заносу инфекции из Нагаева, в одном из наслегов Оймякона была эпидемическая вспышка кори…».* Исходя из вышесказанного, Новолодский считал необходимым выставить на границе Якутии медицинский форпост, а также просил отправить в Оймякон еще одного лекпома или врача [Там же. Д. 36. Л. 58].

С 1938 г. руководить работой больницы стал выпускник Второго Ленинградского медицинского института Петр Сергеевич Миронов (1912 г. р.). О своем оймяконском периоде работы Миронов оставил замечательные воспоминания, в которых он не только подробно описал свои рабочие будни, но и осветил быт и нравы местного населения [Миронов, 1971]. Например, Миронов описывает случай, когда в медпункт привезли умершего шамана. Но вера в силу народного лекаря была настолько велика, что местные запретили его хоронить. И ни врач, ни представитель милиции не решились с ними спорить: *«В темноте, озаряемой лишь северным сиянием, положили мерзлое тело на нарту, отвезли подальше от больницы, привалили спиной к стогу сена и прикрыли шамана его же массивным бубном».* Не оставляет равнодушной также история спасения пациентки с запущенной стадией рака грудной железы, которой Миронов сделал операцию.

В 1941 г. Миронов был переведен в Ленскую районную больницу, затем работал в Якутской республиканской больнице, а с 1950 г. Петр Сергеевич становится главным врачом созданного им республиканского онкологического диспансера. В 1958 г. им была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук на тему «Рак пище-

вода в Якутии». За заслуги в развитии здравоохранения Якутии, достигнутые успехи в лечебной практике и научной деятельности в 1952 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный врач Якутской АССР».

Подытоживая вышесказанное, необходимо отметить, что суровые климатические условия, специфичный быт местного населения и его неграмотность, отдаленность от центра республики, отсутствие должного финансирования, нехватка квалифицированных медицинских кадров, а также различные социально-экономические потрясения стали причинами того, что в первые два десятилетия развитие здравоохранения Оймяконья шло крайне медленно. Но в конце 1930-х гг. в районе началось укрупнение населенных пунктов, что значительно облегчило работу медиков. В это же время при райисполкоме был организован отдел здравоохранения, в котором под руководством выпускника Анжеро-Судженской фельдшерской школы Николая Владимировича Ковалева (1919 г. р.) была проведена обширная организационная и просветительская работа. В районе существенно снизились детская смертность, заболеваемость трахомой. Проведение массовой вакцинации и внедрение антибиотикотерапии позволили управлять инфекционным процессом. Всё это значительно повысило престиж медработников среди населения и стало надежной основой для последующего развития здравоохранения в районе.

Литература и источники

Антонов Е.П. Интеллигенция Якутии (1922–1938) / Е.П. Антонов. – Якутск, 1998. – 135 с.

Афонин М. Оймяконо-Борогонский наслег / М. Афонин // Изв. Якут. отдела гос. геогр. об-ва. – Т. III. – Якутск, 1928. – С. 50–60.

Головачёв М.А. Предварительный отчёт по организации метеорологических станций и маршрутно-барометрической нивелировки Индигирского отряда Якутской экспедиции / М.А. Головачёв // Труды Совета по изучению производительных сил. – Вып. 6: Предварительные отчёты о работах Индигирского отряда Якутской экспедиции АН СССР (1929–1930). – Л., 1932. – С. 47–53.

ИСА. В Оймяконе неблагополучно // Автономная Якутия. – 1929. – № 26 (1897). – С. 3.

Миронов П.С. Якутские страницы / П.С. Миронов // Новый мир – 1971. – № 6. – С. 122–156.

НА РС (Я). Ф. Р-24. Оп. 1. Д. 337; Ф. 58. Оп. 40. Д. 897; Ф. 58. Оп. 2. Д. 13; Ф. 60. Оп. 1. Д. 49; Ф. 58. Оп. 2. Д. 142; Ф. 58. Оп. 41. Д. 17; Ф. 58. Оп. 2. Д. 167; Ф. 58. Оп. 3. Д. 36; Ф. 58. Д. 95.

Николаев В.П. История здравоохранения Якутии в XX в.: автореф. дис. … д-ра мед. наук: 07.00.10 / В.П. Николаев. – М., 2007. – 49 с.

Обручев С.В. Источник Сытыган-Сылба на реке Индигирке: Якутская АССР / С. В. Обручев // Курортное дело. – 1927. – № 4. – С. 74–75.

Обручев С.В. Колымская землица / С. В. Обручев. – М., 1933. – 176 с.

Слепцов С.С. Оймякон: вчера и сегодня / С.С. Слепцов / Под небом Оймяконья / под ред. С.С. Слепцова. – Якутск, 2016. – С. 311–325.

Слепцов С.С., Слепцова С.С., Егорова А.Г., Алексеева З.Н. Феномен долгожительства в Якутии – миф или реальность // / Якутский медицинский журнал. – 2019. – № 1 (65). – С. 102–104.

S.S. Sleptsov, S.S. Sleptsova, A.G. Egorova, Z.N. Alekseeva

Healthcare Development in Oymyakon District of Yakutia at the End of the XIX century – 1930s - XX century

This article presents the history of the development of medicine in one of the most remote outskirts of Yakutia - in the Oymyakon district, currently known as the cold pole of the Northern Hemisphere. The data from the metric books of the local church on fertility and mortality are presented. It is shown that in some years, more than half of all deceased were children under 10 years old. Based on various literary and archival sources, folk methods of treatment used by the Oymyakon natives in the late XIX – early XX centuries are described. Based on previously unpublished archival sources and information from periodicals, the history of the creation of the first medical center and the first hospital in the area is described. Brief information is given about the medical workers who worked during this period in the

Oymyakon district, and the conditions under which they had to treat patients are described. The results of the first field medical examinations of the local population are highlighted, the main reasons that slowed down the development of health care in the pre-war period are shown, for example, the significant dispersal of the population throughout the district and their distrust of official medicine, lack of medical personnel, medicines, etc.

Keywords: history of medicine, history of Yakutia, Oymyakon, infectious diseases, healthcare organization, health education.

А.А. Сулейманов

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.007
УДК 001.89(571.56)

Академия наук СССР и археологическое изучение арктических районов Якутии в 1980-е – 1991 гг.

В статье на основе анализа научной литературы и архивных материалов, в т.ч. впервые вводимых автором в научный оборот, реконструирована история проведения в 1980–1991-е гг. в арктических районах Якутии силами Академии наук СССР археологических изысканий. В связи с этим выявлены основные акторы исследовательского процесса: сотрудники Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР и Ленинградского отделения Института археологии АН СССР. Определена география реализованных ими инициатив, охвативших, главным образом, бассейны рек Колыма, Индигирка и Яна, а также архипелаг Новосибирских островов. Показано, что благодаря планам по строительству в рассматриваемый период Адычанской ГЭС достаточно активному изучению силами Приленской археологической экспедиции ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР подвергся бассейн р. Адыча. Рассмотрены важнейшие результаты проведенных исследований. Установлено, что, несмотря на в значительной степени рекогносцировочный характер, они имели существенное значение для реконструкции истории заселения Заполярной Якутии древним человеком, определения территориальных пределов покорения им высоких широт, возможностей корреляции выявленных памятников с известными археологическими культурами.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, Академия наук СССР, исследования, археологические экспедиции.

Долгожданное признание в 2019 г. на федеральном уровне арктическими всех 13 административных районов (улусов) Республики Саха (Якутии), расположенных севернее Северного полярного круга, включение в региональные государственные программы специальных «арктических разделов», а также освобождение жителей Заполярной Якутии от уплаты ряда налогов являются, как представляется, яркими свидетельствами специфики и значения этого ареала, требующего к себе, в том числе, особого внимания ученых.

Одной из сторон данного внимания, безусловно, является интерес к изучению его древнейшего прошлого, что позволяет пролить свет на историю заселения человеком Арктики, пути его адаптации, этногенез аборигенных этнических сообществ и многое другое.

Примечательно, что, по сведениям И.Е. Зыкова, первые исследования археологического характера в Якутии были проведены именно в ее арктической зоне [Зыков, 1972, с. 17]. В 1787 г. участник Северо-Восточной географической и астрономической экспедиции Г.А. Сарычев обнаружил в 70 км к востоку от устья Колымы «обвалившиеся земляные юрты» и произвел их обследование [Сарычев, 1952, с. 17]. Эти изыскания, по мнению А.П. Окладникова, положили начало полярной археологии как науки [Окладников, 1951, с. 17].

© *Сулейманов А.А., 2020*

XIX столетие было отмечено отдельными и, как правило, случайными археологическими находками, сделанными, в том числе, за Северным полярным кругом. Определенный импульс этому процессу придало появление в Якутии значительного числа образованных людей – политических ссыльных, ставших здесь по воле судьбы исследователями местной истории, культуры и языков коренных народов [Архипов, 2000, с. 27–41].

Первыми же профессиональными археологическими исследованиями в Якутии, затронувшими и ее арктические районы, стали работы участников Ленской историко-археологической экспедиции 1940–1946 гг., проводившиеся под руководством будущего академика А.П. Окладникова. В 1942–1943 гг. ими были осуществлены изыскания в нижнем течении р. Лена, а в 1946 г. археологической рекогносцировке подвергся бассейн р. Колыма, где были открыты три стоянки древнего человека [Там же, с. 43–45].

После отъезда А.П. Окладникова из Якутии отдельные археологические изыскания в интересующем нас регионе, вызванные скорее находками местных жителей, чем целенаправленными научными поисками, проводили ученые, имеющие другой профиль исследований.

Например, в 1952 г. этнограф И.С. Гурвич в ходе экспедиции в низовья Индигирки произвел археологические раскопки поздненеолитической стоянки человека на Татьянином озере, которую обнаружил годом ранее директор Чокурдахской школы И.Т. Тирских. Кроме того, ученый осуществил разведку в местах старинных поселений, где располагались так называемые чандалы – деревянные жилища-полуземлянки, на тот момент предположительно относившиеся к культуре так называемых «пеших», т.е. оседлых юкагиров [РФА ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 247. Л. 70–71].

В значительной степени на результатах, полученных в ходе этих изысканий, основывались исследования участников Юкагирской комплексной экспедиции 1959 г., научным руководителем которой являлся И.С. Гурвич. Археологи экспедиции под руководством З.В. Гоголева обнаружили тогда в окрестностях с. Полярное (Русское Устье) Аллаиховского районах целые поселения, которые насчитывали до 40 чандалов, а также открыли в низовьях Индигирки Бурулгинскую стоянку неолитического человека. Кроме того, они провели рекогносцировочные изыскания в Нижне- и Верхнеколымском районах [АРАН. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201. Л. 11–14].

Систематическое же археологическое изучение арктических районов Якутии началось вскоре после организации Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения (ИЯЛИ ЯФ СО) АН СССР в 1964 г. ежегодной работы фундаментальной Приленской археологической экспедиции (ПАЭ). Н.Д. Архипов называет это событие началом нового этапа в изучении освоения древним человеком территории республики [Архипов, 2000, с. 72]. Бессменным руководителем ПАЭ, полевые исследования в рамках которой продолжались вплоть до начала XXI в., являлся кандидат, а затем доктор исторических наук Ю.А. Мочанов.

Первые исследования участников ПАЭ в Заполярной Якутии были проведены в 1967 и 1968 гг. в Оленекском районе под руководством И.В. Константинова. В 1970, 1977 и 1978 гг. С.П. Кистенев работал в низовьях Колымы и на Малом Анюе. В начале 70-х гг. XX в. в течение несколько полевых сезонов проводились раскопки на р. Берелех (руководитель – Ю.А. Мочанов), практически одновременно под руководством С.А. Федосеевой получило продолжение начатое в ходе Юкагирской комплексной экспедиции изучение Бурулгинской стоянки. В 1974, 1978 и 1979 гг. Н.М. Щербакова руководила пионерными археологическими изысканиями в бассейне Яны. В 1974 г. И.В. Константинов возглавлял археологическую разведку на Анабаре. В 1974–1975 гг. исследования участников ПАЭ охватили Момский район (В.А. Кашин), а в 1978 г. они распространились и на низовья Лены (Н.Г. Багынанов). В полевых сезонах 1978 и 1979 гг. изыскания осуществляли также участники Нижнеиндигирского отряда Приленской археологической экспедиции (С.И. Эверстов) [Сулейманов, 2019, с. 6–14]. Кроме того, в 1969 г. А.П. Окладниковым (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, г. Новосибирск) была организована комплексная экспедиция по изучению одного из форпостов освоения русскими северо-востока России – г. Зашиверска [Окладников и др., 1977, с. 5–13]. Таким образом, археологи к началу 1980-х гг. исследо-

вали практически все наиболее перспективные для поиска стоянок древнего человека в арктических районах Якутии ареалы, доселе являвшиеся фактически «белым пятном» на археологической карте региона. Вместе с тем большинство названных изысканий носило рекогносцировочный характер и, учитывая площадь Заполярной Якутии, конечно же, требовалось продолжение исследований.

Перечислению проведенных археологами в 50–70-е гг. XX в. в арктических районах Якутии изысканий значительно способствовало то, что они были относительно подробно рассмотрены автором представленной работы в своих статьях [Сулейманов, 2014; 2019]. Попыток же проанализировать и обобщить историю археологического изучения Заполярной Якутии в последующие десятилетия до сих пор не предпринималось. Фактически имеющийся в этом отношении историографический массив в значительной степени сформирован не историками науки, а самими археологами. Данное обстоятельство, естественно, наложило серьезный отпечаток на ракурс и характер этих исследований. Их систематизация привела к выделению трех условных историографических блоков. В рамках первого ученые представили сведения, касающиеся исследований отдельных стоянок древнего человека в арктических районах Якутии [Аргунов, 1986; Кистенев, 1992; Эверстов, 1992 и др.]. Ко второму блоку относятся работы, в которых некоторые из проведенных в регионе изысканий были обобщены по географическому принципу [Аргунов, 1990; Кистенев, 1990; Михалев, Елисеев, 1992; Эверстов, 2014 и др.]. Следует отметить, что в обоих случаях речь идет о материалах, представленных авторами в качестве введений к описанию собственных полевых работ. В этих введениях давалась характеристика степени разработанности того или иного вопроса. Наконец, третий условный историографический блок включает обобщающие исследования по истории развития археологии в республике. Особняком здесь стоит, конечно же, докторская диссертация Н.Д. Архипова «Археология Якутии (история, итоги, задачи: XVIII–XX вв.)» [Архипов, 2000]. В ее рамках ученый, в том числе, выделил важнейшие этапы формирования археологического знания, ключевые события в изучении памятников древнего человека. Вместе с тем Н.Д. Архипов не рассматривал специально изыскания, осуществленные в арктических районах Якутии, и в принципе преследовал несколько иные задачи, касающиеся, в первую очередь, подведения итогов того, что было сделано археологами, определения «белых пятен» и лакун, на которые должны были быть направлены будущие исследования. В фокусе же целенаправленного внимания арктические районы Якутии оказались в исследованиях А.Н. Алексеева, Р.И. Бравиной, В.М. Дьяконова, Ю.А. Мочанова, Е.А. Строговой и С.А. Федосеевой. Однако подготовленные указанными авторами статьи также были направлены, прежде всего, на определение степени археологической изученности региона [Алексеев и др., 2017; Дьяконов, 2019; Мочанов, Федосеева, 2005].

В данной работе автор рассчитывает главным образом на основе анализа отчетов, которые были выявлены в Отделе полевых исследований Института археологии РАН, выдающем, как известно, открытые листы на проведение соответствующих изысканий, заполнить существующую историографическую лакуну и представить целостную картину деятельности археологов по исследованию арктических районов Якутии в 1980–1991-е гг. Начальная граница, как уже было отмечено, обусловлена текущей историографической ситуацией, верхняя – произошедшими глубокими трансформациями в жизни нашей страны, непосредственным образом отразившимися и на российской науке.

Переходя непосредственно к рассмотрению заявленной темы, следует отметить, что в 80-е гг. XX в. получили продолжение исследования, проводившиеся ранее в арктических районах Якутии участниками Приленской археологической экспедиции.

Так, в 1980 г. Н.М. Щербакова продолжила археологические изыскания на Яне. В состав руководимой ею Янской группы II отряда ПАЭ входили также рабочие С.А. Таюрский и С.В. Новиков. Маршрут осуществлялся на моторной лодке [НОА ИА РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8140. Л. 3].

Первоначально исследователи планировали провести археологическую разведку от поселка Батагай до Нижнеянска. Однако поскольку изыскания велись в конце сентября при неблагоприятных погодных условиях, Н.М. Щербакова

приняла решение ограничиться работами на участке Батагай – Янск общей протяженностью около 100 км. Особое внимание при этом было уделено открытой в 1979 г. стоянке Омук, расположенной в 632 км от устья Яны. Здесь исследователями было заложено семь шурфов, из которых только в одном был найден археологический материал: два фрагмента тулова и фрагмент венчика шнуровой керамики, а также четыре сланцевых отщепа. Обнаруженные артефакты позволили Н.М. Щербаковой определить принадлежность обитателей стоянки к археологическим культурам (белькачинская) и произвести ее датировку (III тыс. до н.э.). Выявить же новые археологические памятники на исследованном участке руководимой ею исследовательской группе не удалось [Там же. Л. 3–5].

В 1980 г. было продолжено и археологическое изучение стоянки Белая Гора, начатое двумя годами ранее Нижнеиндигирским отрядом ПАЭ под руководством С.И. Эверстова. Маршруты участников на этот раз I отряда Приленской археологической экспедиции (начальник С.И. Эверстов, рабочие В.Г. Семчевский и Н.С. Лопатин) по бассейну Индигирки совершались на вертолете, моторной и резиновой лодках [Там же. Д. 8524. Л. 5].

Начались исследования в середине июня с раскопок стоянки Белая Гора, которыми были охвачены 56 м^2 территории стоянки. В процессе проведения работ участники отряда выявили семь следов кострищ, множество костей мелких и крупных животных, а также разнообразный инвентарь древнего человека. Среди найденных артефактов были, в частности, 39 наконечников стрел четырех разных типов, заготовки и обломки наконечников копий, каменные ножи, 8 вкладышей, 71 скребок, пять скребел, 42 резца, 10 проколок, шесть комбинированных орудий, четыре топора, тесло, долото, два отбойника, три нуклеуса, 425 обломков ножевидных пластин, более 9 тыс. отщепов. Кроме того, исследователи обнаружили костяные изделия (три наконечника, два обломка орудий) и 495 фрагментов керамики, преимущественно вафельной. Значительный интерес представляют также найденные в ходе изысканий следы жилища: три борта подпрямоугольной формы, оконтуренные органическим останками, «связка» прутьев, расщепленные палки, изделия и отходы производства. Анализ полученных материалов подтвердил, принадлежность стоянки Белая Гора к ымыяхтахской археологической культуре, однако было установлено и наличие предметов более древней белькачинской культуры [Там же. Л. 5–20].

В 18 км выше по течению от Белой Горы на правом берегу Индигирки участники отряда выявили новый археологический памятник: стоянку древнего человека Буолумуна-Тааса. Здесь был заложен разведочный раскоп, в котором удалось найти 180 отщепов, семь ножевидных пластин, кремневый нож, четыре обломка обожженных костей животных и 45 фрагментов керамики. Полученный материал позволил С.И. Эверстову произвести предварительную датировку открытого памятника – IV–II тыс. до н.э. [Там же. Л. 20–21].

В 1980–1981 г. на территории Верхне- и Среднеколымского районов Якутии проводили рекогносцировочные изыскания участники Верхнеколымской группы Северо-Восточного отряда ПАЭ. В состав группы входили: сотрудники ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР В.М. Михалев (начальник) и С.П. Кистенев, а также рабочие А.И. Лукьянов и В.Н. Фунтузов (только в 1980 г.).

В первый год полевые исследования продолжались с 12 июля по 15 августа и охватили 420-километровый прибрежный участок Колымы от поселка Зырянка до границы Верхне- и Среднеколымского районов. В 1981 г. работы проводились в течение 2–18 сентября в районе между Талактасским перекатом Колымы и Среднеколымском, а общая протяженность маршрута составила 500 км [Там же. Д. 7858. Л. 2; Д. 9339. Л. 1].

В результате проводимых исследований были открыты стоянки Слезовка, Седедема и Гороховская, повторно обследована стоянка Лобуя, выявленная в 1946 г. А.П. Окладниковым, а также изучены обнаруженные местными детьми артефакты из местности Арга-Таас и окрестностей Зырянки. Сбор подъемного материала, а также разведочное шурфирование позволили участникам Верхнеколымской группы дополнить коллекцию инвентаря древнего человека, найденного в ходе работ Приленской археологической экспедиции, следующим: 10 фрагментами шнуровой и вафельной керамики, ножом из белого кремня, семью обломками пластин,

угловым резцом и семью отщепами. Характер полученного материала дал исследователям возможность достаточно точно определить его датировку и культурную принадлежность. Так, стоянка Слезовка была отнесена к белькачинской культуре неолита Якутии (III тыс. до н.э.), стоянка Седедема – к ымыяхтахской культуре (II тыс. до н.э.) [Там же. Д. 7858. Л. 2–4; Д. 9339. Л. 1–3].

21–29 июля 1986 г. в Усть-Янском районе проводились раскопки Черчинского захоронения, информацию об обнаружении которого незадолго до этого предоставил в ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР бывший председатель профсоюзного комитета комбината «Куларзолото» А.П. Лимаренко. Захоронение в октябре 1985 г. было найдено в 50 км от поселка Северный местными жителями И.И. Кузьминым и В.Б. Кузьминым при охоте на зайцев, в ходе которой в одной из расщелин они увидели человеческий череп. Летом 1986 г. И.И. Кузьмин с друзьями расчистили место сделанной находки и обнаружили останки трех человек, а также 9 костяных наконечников стрел. Для проведения полевых изысканий Институт языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР командировал в Усть-Янский район археолога В.М. Михалева и физического антрополога Л.Ф. Томтосову. Ученые по прибытии на место захоронения столкнулись с серьезной проблемой – кроме того, что его первооткрыватели забрали с собой черепа и найденные артефакты, часть костей и инвентаря древнего человека были выброшены в реку, а часть – сложена в кучу у края расщелины. Анализ сохранившегося материала позволил специалистам установить, что в захоронении находились останки пяти человек. Л.Ф. Томтосова осуществила измерения двух черепов (еще один был утерян местными жителями) и установила, что они принадлежали к антропологически сходными с байкальским типом северных монголоидов мужчине и женщине. В.М. Михалев исследовал сохранившийся погребальный костяной инвентарь (21 целый и два обломка наконечников стрелы, два предмета непонятного назначения). Ученый произвел его классификацию, а также осуществил предположительную датировку найденного памятника. По мнению специалиста, Черчинское захоронение могло быть сделано после эпохи позднего неолита. Осуществить же более точную датировку не позволило отсутствие керамических и металлических изделий, а также прямых аналогий с найденными ранее на территории Якутии артефактами. Наиболее важной стороной обнаруженного захоронения был, по мнению В.М. Михалева, тот факт, что оно являлось первым выявленным погребением пещерного типа «не только в Якутии, но и на всем Севере Сибири» [Там же. Д. 11571. Л. 1–10].

Определенный импульс проведению археологических изысканий в арктических районах Якутии в 1980-е гг. придали планы, направленные на интенсификацию промышленного освоения региона. Как в 60-е гг. XX в. выявлению стоянок древнего человека способствовали исследования С.А. Федосеевой в зоне будущего затопления Вилюйской ГЭС, так и в рассматриваемый в данной статье период при подготовке строительства ГЭС на Адыче ему способствовали изыскания в рамках необходимой для таких случаев археологической экспертизы. Исследования проводились в соответствии с договором, заключенным ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР с занимавшимся проектированием ГЭС институтом Гидропроект им. Я.Я. Жука (г. Москва), на средства последнего.

Первые изыскания в рамках договора были осуществлены в бассейне Адычи 11 августа – 19 сентября 1986 г. участниками Северного отряда ПАЭ. Руководил ими В.М. Михалев. Кроме него в состав отряда входили В.И. Эртюков и С.П. Кистенев. Из административного центра Верхоянского района поселка Батагай исследователи на вертолете МИ-8 были переброшены в верховья р. Джолакаг. Отсюда на резиновой лодке они сплавились до устья Адычи. Спускаясь вниз по течению этой реки, участники отряда преодолели еще 400 км. Общая же протяженность маршрута составила более 500 км. При этом визуальный осмотр раздернованных участков и разведочное шурфирование, произведенное «во всех доступных на лодке перспективных с археологической точки зрения местах», результата не дал. Не привело к сколь-либо примечательным находкам даже тщательное изучение местонахождений мамонтовой фауны в местностях Аллара-Кисилэх и Улахан-Сууллар [Там же. Л. 10–11].

Исследования сотрудников ПАЭ на Адыче в связи с проектом строительства в ее бассейне

ГЭС были продолжены в полевые сезоны 1987–1989 гг.

29 июля – 24 сентября 1987 г. Адычанский отряд ПАЭ (В.М. Михалев (начальник), В.И. Эртюков и С.П. Кистенев) охватил разведкой рр. Туостах, Адыча (от устья р. Борулах до устья), Борулах (от с. Токума до устья), окрестности села Табалах и районного центра поселка Батагай.

Маршрут по Туостаху, правому притоку Адычи, проводился на резиновой лодке с предварительной заброской участников отряда на вертолете МИ-8 из Батагая. Попутно была проведена авиаразведка берегов Туостаха от устья до места высадки в 20 км выше устья р. Болдымбы. Облет, как отметил В.М. Михалев, дал мало позитивных результатов: «везде тундровый, ближе к реке лесо-тундровый, ландшафт, особенно в среднем и нижнем течении реки. Коренные берега местами “отходят” от реки на 5–7 км, и обследовать их на лодке невозможно». Сама местность при этом практически не располагала перспективными с археологической точки зрения террасами [Там же. Д. 12375, л. 1–2].

Лишь на пятикилометровом участке на правом берегу Туостаха были открыты три группы стоянок каменного века – Туостах I–VI, Туостах VII–XII и Туостах XIII–XIX. В ходе обследования обнажений и раскопки пяти шурфов на этих стоянках исследователи выявили 1947 отщепов, три тесла, 22 пластины, четыре скребка, резец, наконечник стрелы, различные обломки и заготовки каменного инвентаря (ножей, тесел, пластин и др.), пять фрагментов керамики, а также многочисленные кости животных. Исходя из характера сделанных находок, участники отряда определили, что стоянки представляют смешанный археологический комплекс – материал относился к сыалахской культуре раннего неолита Северо-Восточной Азии, а также к более поздним, белькачинской и ымыяхтахской, культурам [Там же. Л. 5–14].

Повторная разведка по Адыче от устья р. Борулах до устья р. Туостах проводилась на вертолете МИ-8, далее – на резиновой лодке. Во время облета с посадками в перспективных местах участники отряда открыли место стоянки древнего человека Силиилээх, где были найдены три чешуйки серого камня. Провести более глубокие изыскания археологам помешал дефицит времени – заканчивалась аренда спецрейса. В 20 км ниже устья р. Туостах на правом берегу Адычи была открыта стоянка Встречная. Здесь исследователи в обнажении склона террасы выявили семь отщепов из кремнистого сланца и серого кварцита [Там же. Л. 14–15].

В 7 км вниз по течению Адычи и в 1 км к северу от Адычанской базы проектировщиков ГЭС ученые обследовали стоянки Кыра I и Кыра II. Названные археологические памятники были открыты летом 1987 г. отрядом Института мерзлотоведения СО АН СССР под руководством Ю.А. Мурзина. Геокриологи собрали тогда подъемный материал из кремнистого сланца, который включал несколько отщепов, тесло, пластины и их обломки, а также вкладыш, скребок и рубящее орудие типа топора. Участники Адычанского отряда ПАЭ продолжили обследование обнажений, а также произвели раскопку двух разведочных шурфов. В результате проведенных ими изысканий коллекция находок со стоянок по рч. Кыра была пополнена еще 201 отщепом, двумя пластинами, двумя скреблами, а также фрагментами различного каменного инвентаря [Там же. Л. 15–18].

В окрестностях поселка Батагай археологи открыли 12 стоянок древнего человека: Батагай I–VI и Бартымах I–VI. По итогам сбора подъемного археологического материала и закладки двух разведочных шурфов исследователями было зафиксировано обнаружение 177 отщепов, четырех наконечников стрел, нескольких пластин, проколки, резца, скребка, 126 керамических фрагментов, костей крупных животных, обломков наконечников стрел, ножа, пластин и прочего каменного инвентаря. При этом руководитель Адычанского отряда ПАЭ В.М. Михалев признал, что на стоянках группы Бартымах должно было быть сделано значительно большее количество находок. Однако они были открыты и бегло осмотрены только в день окончания исследований и вылета из Батагая в Якутск [Там же. Л. 20–27].

Кроме того, участники отряда обследовали окрестности села Табалах Верхоянского района, где в 1984 г. во время подсыпки авиаплощадки школьницей Х. Слепцовой было найдено каменное тесло. Археологи путем опроса местных жителей установили места, откуда брался грунт, и обследовали их. На холме Томтор в 2 км к северо-востоку от села они обнаружили два

отщепа из темно-серого кремнистого сланца и фрагмент толстостенной керамики. Сделать же другие находки, возможно, помешал тот факт, что ко времени проведения изысканий карьером было уничтожено уже около трети поверхности холма [Там же. Л. 19].

В 1988 г. исследования на Адыче проводились в период с 30 августа по 24 сентября и охватили участок долины реки от устья р. Борулах до Адычанской базы общей протяженностью около 170 км. Отрядом в составе сотрудников ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР В.М. Михалева (начальник), С.П. Кистенева и Е.И. Елисеева в ходе речных и пеших маршрутов было открыто 23 археологических памятника (Усть-Борулаах I–II, Осхордоох, Дьубдьугурас I–II, Кулун-Мэйиилээх, Случайная, Хотон-Хайа, Арыктаах, Эбэ-Кюелэ I–II, Аргаа, Кыра-Суллар I–V, Улахан-Суллар I–II, Хатыыстах I–II, Тыа-Сысыта, Первая), а также продолжено изучение стоянок Кыра I и II [Там же. Д. 12702. Л. 1].

В результате осмотра раздернованных участков и проведения разведочного шурфирования исследователи обнаружили два крупных диабазовых рубящих орудия, два скребка, нуклеус, 395 отщепов и чешуек из кремнистого сланца и халцедона, фрагменты пластин, наконечников стрел, ножей, керамики и костей животных [Там же. Л. 1–17].

Результаты проведенных работ позволили В.М. Михалеву сделать вывод о том, что участок нижнего течения Адычи «по плотности распространения памятников на такой ограниченной территории является пока единственным в Заполярной Якутии» [Там же. Л. 17].

С 1 августа по 3 октября 1989 г. участники Адычанского отряда ПАЭ (В.М. Михалев, С.И. Эверстов, Е.И. Елисеев) продолжили раскопки стоянок на рч. Кыра, а также произвели рекогносцировочные изыскания в долине р. Борулах [Там же. Д. 16134. Л. 2].

Из Батагая на вертолете МИ-8 археологи были заброшены в район поселка Токума, откуда они на моторной лодке начали сплав по Борулаху к устью этой реки. На исследованном участке были найдены четыре местонахождения (Хасы-Алыта, Хонду II, Катерина-Хайата, Томтор), стоянка (Хонду I) и погребение древнего человека. В результате работ (сбор подъемного материала, разведочное шурфирование, раскоп) на выявленных археологических памятниках участники отряда обнаружили наконечник стрелы, небольшое тесло, две пластины из кремнистого сланца, более 30 отщепов и чешуек, два фрагмента керамики, обломки каменного инвентаря, кости человека и животных [Там же. Л. 2–60].

Представляет значительный интерес установленный исследователями при раскопе захоронения погребальный обряд: тело умершего помещалось в грунтовой яме, перекрытой поперечно-продольно уложенными жердями, на которых в свою очередь разводился костер. Как отметил В.М. Михалев, подобный тип на территории Якутии не фиксировался «ни сейчас, ни в этнографической древности» [Там же. Л. 6].

В ходе раскопок на стоянках Кыра I и II археологи выявили около двух тысяч предметов, «невыразительность» которых не позволила определить возраст изучаемых памятников. Кроме того, в относительной близости от них были открыты еще семь местонахождений древнего человека – Кыра III–IX. В ходе обследования этих местонахождений исследователи собрали каменный инвентарь: наконечник стрелы, 129 отщепов и 10 пластин из кремнистого сланца и диабаза [Там же. Л. 6–10].

Следует отметить, что результаты научных исследований, связанных с проектом строительства Адычанской ГЭС, включая археологические, превзошли практические итоги его реализации – гидроэлектростанция так и осталась в проектах. Из-за протестов экологов и стремительно менявшейся экономической ситуации строительная площадка будущей ГЭС была заброшена еще на начальной стадии.

В дальнейшем после окончания работ на Адыче в 1990 г. В.М. Михалев участвовал в исследованиях Колымской группы Северного отряда ПАЭ. Изыскания осуществлялись в период с 9 августа по 26 сентября 1990 г. в Верхне-, Средне- и Нижнеколымском районах республики и проходили под руководством С.П. Кистенева. В экспедиции также принимали участие В.И. Эртюков и проводник-рабочий К.С. Спиридонов [Там же. Д. 16837. Л. 1].

Работы начались на левом притоке р. Ясачная – Омулевке, куда исследователи были заброшены на вертолете МИ-8 из поселка Зырян-

Рис. 1. Участники Колымской группы Северного отряда ПАЭ и Н.П. Тарабукин (2-й справа) на месте сруба избушки О.Ф. Герца, 1990 г.

ка. Далее они проделали двухсоткилометровый маршрут на двух резиновых лодках от правого притока Омулевки ручья Инанья до Ясачной, по которой уже на моторных лодках вернулись в Зырянку. По пути участники группы производили осмотр перспективных с археологической точки зрения мест, однако выявить стояки древнего человека им не удалось. В то же время, руководствуясь информацией, полученной от местных охотников и рыболовов, о нахождении в ареале деятельности экспедиции останков четвертичной фауны археологи осмотрели одно из таких мест и обнаружили бивень мамонта. Кроме того, также опираясь на сведения местных жителей о находках костяных и железных наконечников стрел, они обследовали окрестности села Нелемное. Здесь были найдены мелкие кремневые чешуйки и оббитые гальки, которые тем не менее, как считали исследователи, имели не археологическую, а этнографическую ценность, т.к. являлись производственными отходами кузнечной деятельности, существовавшей в этих местах до 20-х гг. XX в. [Там же. Л. 1–2].

Из Зырянки участники изысканий были переброшены первоначально в Среднеколымск, а оттуда в с. Березовка. По одноименной реке с помощью моторных лодок они обследовали сорокакилометровый участок до местности Мамонтовка, известной находками четвертичной фауны и, прежде всего, Березовского мамонта. Любопытно, что сопровождал археологов в пути Н.П. Тарабукин – внук спутника О.Ф. Герца. На месте остатков обгоревшего сруба избушки открывателя Березовского мамонта исследователи установили мемориальную алюминиевую доску (*рис. 1*). На одном из близлежащих притоков Березовки – речке Довлесан («переправа» с эвенского) – была открыта стоянка древнего человека, на которой удалось собрать два сланцевых отщепа. Еще пять отщепов, а также овальное сланцевое долото участники Колымской группы обнаружили в устье р. Сивер – правого притока Березовки. На основе выявленного материала была осуществлена примерная датировка стоянки (ымыяхтахская культура позднего неолита). В километре от устья р. Сивер археологи осмотрели и сфотографировали показанный Н.П. Тарабукиным арангас – воздушное захоронение, сделанное на деревьях [Там же. Л. 2–4].

По завершении изысканий на Березовке исследователи на вертолете вернулись в Среднеколымск, а оттуда на катере «Морж» продолжили маршрут вниз по Колыме – к поселку Черский. В результате было открыто еще шесть археологических памятников: три стоянки в сред-

нем и нижнем течении Колымы, а также одна стоянка в устье Белой речки и две на р. Пантелеиха в местности Орбита. Кроме того, были доисследованы открытые в 1970 г. Ю.А. Мочановым и С.А. Федосеевой три стоянки в устье р. Комарок. В ходе работ (сбор подъемного материала, зачистка обнажений, разведочное шурфирование) на этих памятниках археологи обнаружили сланцевый скребок, кремневые и обсидиановые пластины, многочисленные кремневые и сланцевые отщепы [Там же. Л. 1–7].

В полевых сезонах 1989–1990 гг. было продолжено изучение стоянки Белая Гора. Изыскания Нижне-Индигирской группы ПАЭ вновь возглавлял С.И. Эверстов. Кроме него в состав группы входили сотрудники В.М. Михалев и Е.И. Елисеев. Экспедиционные маршруты названные специалисты совершали на вертолете, моторной и резиновой лодках [Там же. Д. 13806. Л. 1].

В 1989 г. исследования начались 18 августа с разведочных работ в долине р. Силяннях – левого притока Индигирки. Здесь участники группы обнаружили следы трех стоянок древнего человека, которые получили название Харбатар, Агдайка и Суордах. Проведение разведочного шурфирования и сбор подъемного археологического материала позволили выявить 23 отщепа из кремня и сланца, а также сланцевый топор [Там же. Л. 1–5].

Еще четыре стоянки были зарегистрированы исследователями в районе, располагающемся между рр. Силяннях и Уяндина. На стоянках Тумус I и Тумус II были найдены 10 фрагментов керамики, концевой скребок, нуклеус, 15 целых ножевидных пластин и пять обломков, 23 кремневых, сланцевых и диабазовых отщепа. Еще один сланцевый отщеп археологи обнаружили на стоянке Юрюйэ. Работы же на стоянке Дениска-Юрюйэтэ, в ходе которых были заложены два разведочных шурфа, позволили выявить 21 фрагмент керамики, четыре обломка наконечников стрел и два двухсторонне-ретушированных вкладыша, обломок халцедонового ножа, три скребка, 89 отщепов, 90 чешуек и различные элементы другого каменного инвентаря [Там же. Д. 16837. Л. 5–13].

При продолжении работ на стоянке Белая Гора, проводившихся в 1978–1980 гг., исследователи произвели раскопки общей площадью 8 м^2 – из-за раннего похолодания этот показатель был значительно меньше, чем планировалось изначально. В результате они сумели обнаружить каменный инвентарь (четыре наконечника стрел, три ножа, шесть скребков, два резца, два клювовидных орудия, проколка, тесло и др.), керамику (27 фрагментов) и отходы производства (три скола и 533 отщепа) [Там же. Л. 13–19].

В задачи полевых исследований Нижне-Индигирской группы ПАЭ в следующем 1990 г., наряду с изучением стоянок Белая Гора и Дениска-Юрюйэтэ, также входило проведение рекогносцировочных археологических работ в бассейне р. Уяндина на территории Абыйского и Усть-Янского районов. Состав участников изысканий был аналогичен предыдущему году. Маршрут по Уяндине они совершали на резиновой лодке, по Индигирке – на моторной [Там же. Д. 4871. Л. 2].

Исследования начались 1 августа в окрестностях административного центра Усть-Янского района – поселка Депутатский. В 522 км от устья Уяндины участники группы обнаружили стоянку древнего человека, получившую название Эгэрдэлиир («Кремневая гора» в переводе с якутского). Путем сбора подъемного археологического материала и заложения разведочного шурфа были извлечены 180 отщепов, две пластины и два скола из кремня, обломок заготовки ножа [Там же. Л. 3–5].

В 500 м к югу от стоянки Эгэрдэлиир исследователи выявили еще один археологический памятник: на стоянке Тирехтях ими были найдены 75 отщепов и сколов из кремнистого сланца, кремня и метаморфизированной вулканической породы, массивная ножевидная пластина, а также обломки нуклеусов и микропластин. Работы (сбор подъемного материала и шурфирование) на стоянке Очуостаах, обнаруженной в 482 км от устья Уяндины, позволили выявить еще 12 кремневых отщепов, обломки ножа и наконечника стрелы из кремня, а также фрагмент микропластины [Там же. Л. 5–8].

В 633 км от устья Индигирки была зафиксирована стоянка Юеннях-Тасса. Здесь археологи обнаружили кремневый скол и две, имеющие следы обработки, плитки из кремня и халцедона [Там же. Л. 8–9].

Очередные раскопки стоянки Белая Гора расширили исследованную территорию еще на 8 м^2.

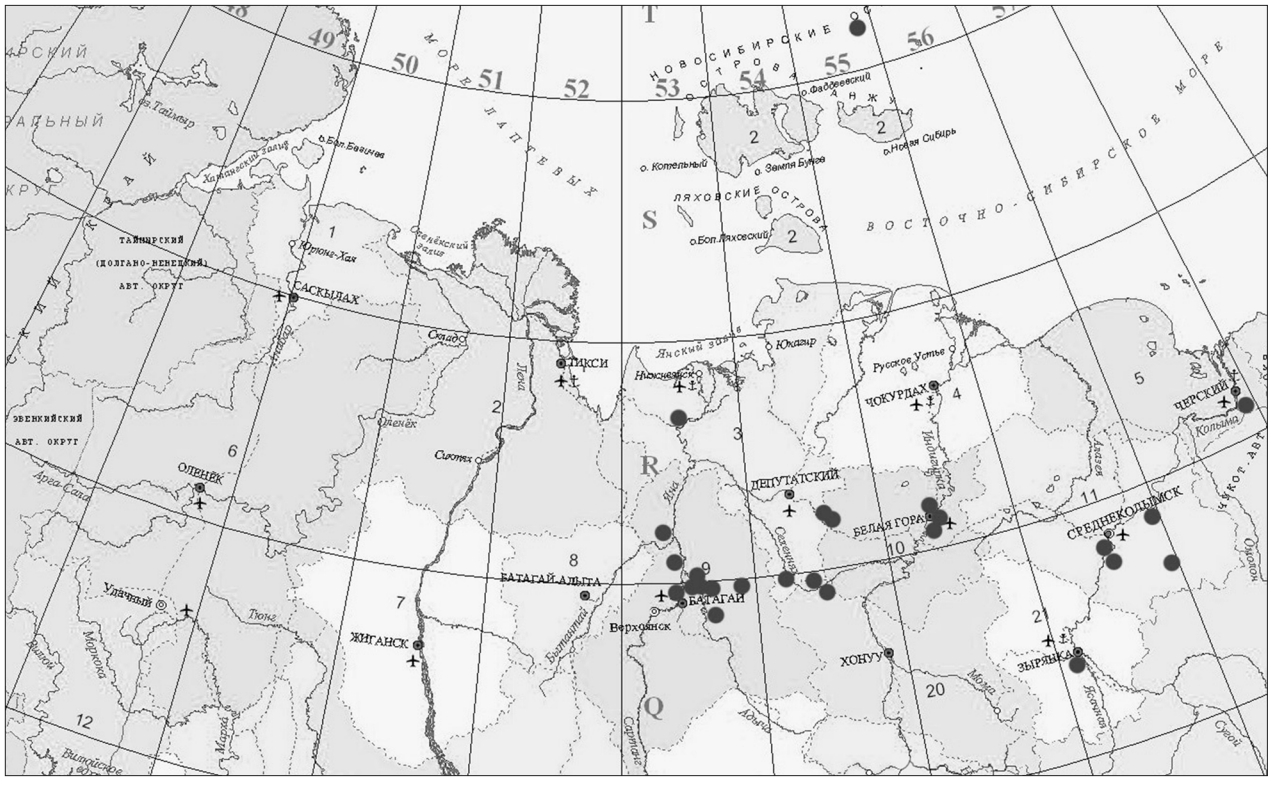

Рис. 2. Археологические исследования Академии наук СССР в арктических районах Якутии в 1980–1991-е гг. (● – места проведения основных изысканий)

В результате проведенных работ были найдены шесть скребков из халцедона и кремнистого сланца, наконечник стрелы из полупрозрачного халцедона, 175 отщепов и сколов, два многофасеточных резца, две пластины, обломки двухсторонне ретушированного ножа и долота, фрагменты и заготовки различного каменного инвентаря, а также 10 керамических элементов [Там же. Л. 9–14].

На стоянке Дениска-Юрюйэтэ археологи заложили раскоп площадью 12 м^2. Из него удалось извлечь 5519 находок, включавших различный каменный инвентарь (наконечники, ножи, скребки, вкладыши, комбинированные орудия, проколки, провертки, резцы, их обломки и заготовки) из халцедона, кремня, кремнистого сланца и роговика, а также металлические изделия и фрагменты керамики) [Там же. Л. 14–29].

Значительный интерес представляют также совместные исследования Ленинградского отделения Института археологии (ЛО ИА) АН СССР (сейчас – Институт истории материальной культуры РАН) и Арктического и Антарктического научно-исследовательского института (ААНИИ, г. Ленинград), проводившиеся в 1989–1990 гг. на острове Жохова (архипелаг Де-Лонга). Работы осуществлялись на основании договора о научном сотрудничестве, заключенного между двумя названными структурами в 1988 г. и предполагавшего участие археологов в изысканиях отдела географии полярных стран ААНИИ в рамках Программы комплексных гляцио-геоморфологических исследований высокоширотной Арктики. Финансировались археологические работы за счет средств, выделенных ААНИИ.

Руководство исследованиями осуществлял В.В. Питулько (ЛО ИА АН СССР). Вместе с ним в проведении раскопок принимали участие В.М. Макеев, М.А. Анисимов (ААНИИ) и С.Н. Зементов (студент географического факультета ЛГУ).

В ходе полевых работ в течение двух лет исследованиями была охвачена территория площадью около 148 м^2. В ее пределах удалось выявить шесть участков вероятного расположения стационарных жилищ древнего человека, обнаружить более 1000 предметов (отщепы, нуклеу-

сы, ножевидные пластинки, фрагменты посуды, орудий охоты и рыболовства, шило, обломок нарточного полоза и др.), выполненных из камня, кости и дерева. Произведенная датировка Жоховской стоянки позволила В.В. Питулько сделать вывод о выявлении древнейшего памятника каменного века высокоширотной Арктики. Стоянка свидетельствовала об освоении человеком арктических островов в эпоху раннего голоцена (около 8000 лет назад) и стала самой северной из открытых постоянных стоянок древнего человека такого возраста [Там же. Д. 14723. Л. 1–18; Д. 16321. Л. 3–23].

В период с 1980 по 1991 г., таким образом, получили развитие исследования истории заселения арктических районов Якутии древним человеком (рис.2). Значительная часть рассмотренных изысканий носила рекогносцировочный характер. Даже в годы расцвета деятельности Академии наук СССР и, пожалуй, максимальной по сей день транспортной доступности арктических районов Якутии проводить здесь масштабные исследования оказывалось проблематично как в финансовом, так и в организационном планах. Тем не менее археологи смогли выявить новые памятники на Колыме, Яне и Индигирке, включавшие, в том числе нехарактерные относительно ранее известных в регионе. Достаточно активному изучению в связи с планируемым строительством ГЭС подвергся бассейн Адычи. Это позволило коррелировать и синхронизировать открытые археологические памятники с культурами, выявленными ранее в других районах Якутии. Проведенные же на острове Жохова раскопки дали возможность продвинуть на север известные границы постоянного проживания человека в период около 8000 тыс. лет назад.

Литература и источники

Алексеев А.Н., Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Строгова Е.А. Оценка археологической изученности северных и арктических районов Якутии // Вторая Якутская комплексная экспедиция: начало пути: сб. матер. респ. науч.-практ. конф. – Якутск: Издат. Дом СВФУ, 2017. – С. 3–9.

Аргунов В.Г. Стоянка Оленек I – памятник каменного века Северо-Западной Якутии // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири (итоги и перспективы). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1986. – С. 41–45.

Аргунов В.Г. Каменный век Северо-Западной Якутии. – Новосибирск: Наука, 1990. – 209 с.

АРАН – Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1201.

Архипов Н.Д. Археология Якутии (история, итоги, задачи: XVIII–XX вв.): дис. … д-ра ист. наук. – М., 2000. – 419 с.

Дьяконов В.М. Писаницы арктических районов Якутии // Материалы всероссийской конференции «Эхо арктической Одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов», посвящ. 100-летию со дня рождения выдающегося российского этнолога, ученого-североведа, доктора исторических наук И.С. Гурвича, 14–15 ноября 2019 г., г. Якутск. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2019. – С. 353–358.

Зыков И.Е. Интерес к археологии в дореволюционной Якутии // Якутский архив. – Вып. XV. – Якутск, 1972. – С. 164–167.

Кистенев С.П. Каменный век бассейна Нижней Колымы: автореф. дис. …. канд. ист. наук. – Якутск, 1990. – 22 с.

Кистенев С.П. Родинкское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 68–83.

Михалев В.М., Елисеев Е.И. Археологические исследования в бассейне Верхней Яны // Там же. – С. 47–64.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Работы Приленской археологической экспедиции (ПАЭ), Центра арктической археологии и палеоэкологии человека АН РС (Я) в северных районах Якутии // Истоки, формирование и развитие Евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск: Радиан, 2005. – С. 35–38.

НОА ИА РАН – Научно-отраслевой архив Института археологии РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8140; 8524; 8140; 8524; 9339; 11571; 12375; 12702; 13806; 14723; 16134; 16837; 16321.

Окладников А.П. Раскопки на Севере // По следам древних культур. – М.: Госкультпросветиздат, 1951. – С. 11–46.

Окладников А.П., Гоголев З.В., Ащепков Е.А. Древний Зашиверск: древнерусский заполярный город. – М.: Наука, 1977. – 212 с.

РФА ЯНЦ СО РАН – Рукописный фонд Архива Якутского научного центра СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 247.

Сарычев Г.А. Путешествия по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. – М.: Географгиз, 1952. – 328 с.

Сулейманов А.А. Юкагирская комплексная экспедиция 1959 г. // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 3. – С. 74–78.

Сулейманов А.А. Академия наук СССР и археологическое изучение арктических районов Якутии в 50–70-е гг. XX в. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2019. – № 1. – С. 5–15.

Эверстов С.И. Остатки жилища из стоянки Белая Гора // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 47–64.

Эверстов С.И. Памятники древних культур Нижней Индигирки // Общество, культура, образование. Кн. 1. – М.: Рос. академия естествознания, 2014. – С. 138–143.

A.A. Suleymanov

Academy of Sciences of the USSR and the archaeological study of the arctic areas of Yakutia in the 1980s–1991

The article is based on an analysis of scientific literature and archival materials, including the first introduced into scientific circulation, was reconstructed the history of the conduction the archaeological research during the 1980 – 1991-ies in the Arctic areas of Yakutia by the USSR Academy of Sciences. In this regard, the main actors of the research process were identified: employees of the Institute of Language, Literature and History of the Yakutsk Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences and the Leningrad Branch of the Institute of Archeology of the USSR Academy of Sciences. The geography of their implemented initiatives has been determined, covering mainly the Kolyma, Indigirka and Yana River basins, as well as the archipelago of the Novosibirsk Islands. It is shown that thanks to the plans for the construction of the Adychanskaya hydroelectric power station during the period under review, the Adychi River basin underwent quite an active study by the forces of the Prilensk archaeological expedition of the Institute of Language, Literature and History of the Yakutsk Branch of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. The most important results of the research are considered. It was established that, despite the largely reconnaissance nature, they were of great importance for reconstructing the history of the settlement of Zapolyarnaya Yakutia by an ancient man, determining the territorial limits of conquering them at high latitudes, and the possibilities of correlating the identified monuments with famous archaeological cultures.

Keywords: Arctic, Yakutia, USSR Academy of Sciences, research, archaeological expeditions.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Н.И. Иванова

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.008
УДК 81’246.2(571.56)

Тенденции и динамика развития двуязычия в Республике Саха (Якутия): этносоциопсихолингвистический аспект

Социолингвистический анализ реальных тенденций и противоречий в развитии современных языковых ситуаций, в решении проблем функционирования нескольких языков на территории одного государства является актуальной задачей, как на уровне субъектов, так и на уровне управленческих решений федерального центра, и поэтому требует постоянного изучения и регулирования.

Новизна исследования заключается в комплексном подходе к освещению понятий этноязыковой идентичности, национально-языковых отношений, как компонентов языковой ситуации, с точки зрения стратегий моделирования взаимодействий в двуязычном (многоязычном) пространстве проспективной социолингвистики. Анализируя широкий арсенал эмпирических данных, автор категоризирует на основании общего свойства языковые ориентации (установки, мотивации, оценки, мнения) современных носителей якутского и русского языков, устанавливает уровень их языковой толерантности, этноязыкового самочувствия в фокусе проспективной социолингвистики. Комплексный междисциплинарный характер работы предопределил интегрированный исследовательский подход – этносоциопсихолингвистический, включающий в себя этнопсихолингвистический и социолингвистический анализ материала на макро- и микросоциолингвистических уровнях. Синкретичность теоретико-методологического аппарата, смежность исследуемого поля, оптимальное совмещение методов позволяют, на наш взгляд, обоснованно формировать весь теоретико-методологический аппарат в рамках единой социолингвистической парадигмы.

Ключевые слова: языковая ситуация, национально-языковые отношения, этносоциопсихолингвистический аспект, языковые ориентации (установки, мотивации, оценки, мнения), толерантность.

Глобализационные процессы вывели на авансцену проблемы интолерантности, как серьезный социальный вызов современности, благодаря чему феномен толерантности в современных гуманитарных исследованиях стал актуальным предметом исследования в разных областях научного знания о человеке. Сегодня исследователи выявляют несколько подходов к изучению этого феномена: аксиологический, гносеологический, исторический, ксенологический и лингвокультурологический [Иссерс, 2001; Михайлова, 2005; 2015; Никитина, 2019; Романова, 2015; Стернин, Шилихина, 2000; Тер-Минасова, 2000; Южакова, 2007].

© *Иванова Н.И., 2020*

Возможные сценарии развития двуязычной ситуации в республике детерминируются якутско-русским, русско-якутским типами двуязычия, тенденции которых устанавливаются измерением национально-языковых отношений. В российской социолингвистике языковые отношения (национально-языковые отношения) означают «Взаимные поведенческие и оценочные установки и предрасположенности носителей различных языков или форм существования языка по отношению как к чужим, так и к собственным языкам и языковым вариантам (в т.ч. оценки языка типа "богатый", "бедный", "красивый"); отношение к использованию языка, к языковой политике и пр.» [Словарь … , 2006, с. 279] и имеют широкое поле для эмпирического исследования. Посредством выявления позитивных/негативных установок можно определить доминирующие национально-языковые отношения, причем как по отношению к этническому или родному языку, так и к другим языкам, функционирующим в данном коммуникативном пространстве, либо изучаемым; обозначить конфликтогенную зону в национально-языковых отношениях.

В данной статье ставится цель описать преобладающие языковые ориентации (установки, мотивации, мнения, оценки) носителей якутского и русского языков, конституирующие развитие двуязычной языковой ситуации в РС (Я).

Таким образом, комплексный характер проблематики нашей работы предопределил интегрированный исследовательский подход – этносоциопсихолингвистический, включающий в себя этнопсихолингвистический и социолингвистический анализ материала на макросоциолингвистическом и микросоциолингвистическом уровнях. Синкретичность теоретико-методологического аппарата, смежность исследуемого поля, оптимальное совмещение методов позволяют, на наш взгляд, обоснованно формировать весь теоретико-методологический аппарат в рамках единой социолингвистической парадигмы.

Основополагающее значение в формировании национально-языковых отношений имеет понятие языковой толерантности. Термин в научном дискурсе не нашел единого применения, тем не менее в российской социолингвистике релевантен в описании языковых отношений. В «Словаре социолингвистических терминов» [2006] обозначен как «языковая терпимость» или «языковая толерантность» и имеет определение: «Уважительное отношение со стороны численно или социально доминирующего на какой-либо территории этноса, а также соответствующих властных структур к языкам иных этнических групп, проживающих на той же территории (как правило, малочисленных или некоренных), соблюдение гражданских, языковых прав и экономических интересов их носителей, обеспечение возможности пользоваться родными языками в некоторых коммуникативных сферах, количество и состав которых зависит от демографической мощности этих групп, функциональной развитости их языков, исторических традиций бытования этих языков на данной территории [Там же, с. 267].

Эмпирический материал, на основе которого делаются выводы в статье, собирался автором около 20 лет. Объективные параметры установлены путем изучения официальных источников, статданных, результатов социолингвистических опросов, экспертного интервьюирования; субъективные – в ходе ассоциативных экспериментов. Таким образом, эмпирическую базу исследования составляют: текущие данные государственной статистики по национально-этническому и языковому составу РС (Я), итоги Всероссийской переписи населения РФ 2002, 2010 гг.; выборка этнических саха г. Якутска в количестве 307 респондентов из опроса «Социолингвистическая ситуация в Республике Саха (Якутия)», проведенного в 2007–2008 гг., опроса «Социолингвистический портрет носителя якутского языка в контексте лингвистического ландшафта г. Якутска», проведенного в 2014 г. с охватом 467 респондентов – этнических саха. В качестве полевых материалов послужили выборки реакций студенческой молодежи из проводившихся в разное время пилотных и массовых ассоциативных экспериментов. Анализу подверглись реакции 111 студентов-саха и 90 русских студентов (2008 г.), 126 студентов-саха (2014 г.) и 106 русских студентов (2016–2017 гг.).

В массовом сознании всех жителей республики сильны убеждения о том, что следует защищать интересы родного языка – таковы ответы 93,1% якутов; 82,2% представителей других

этнических групп и 62,9% русских. Для якутян, как якутов, так и русских, высоко значимы этносохраняющие мотивы в вопросах языков, межэтнического взаимодействия.

В качестве индикаторов этноязыковой идентичности также можно привести данные о смене этнических языков. С утверждением, что утрата родного языка и последующий за ней переход на другой язык означают утрату национальности, согласны 58,1% якутов; 44,7% представителей других этнических групп и всего 26,5% русских. Понятно, что в этом отражается установка защитных механизмов внутриэтнической консолидации якутов и «других». У русских респондентов более выражено мнение об устойчивости этнической идентичности.

Ответы о функционировании якутского языка в г. Якутске оценены обеими группами опрашиваемых весьма неравнозначно. Большинство якутов не отмечают изменений в сферах семейного общения, что вполне объясняется доминирующей ролью якутского языка в семейном общении; образования (что соответствует языковой реальности г. Якутска при недостатке детских садов, школ с якутским языком обучения и воспитания); в госучреждениях, на работе; отмечают расширение якутоязычных СМИ и общение на якутском языке на улице. Опрашиваемые считают, что использование якутского языка сократилось в сфере услуг, обслуживания, что также соответствует реальному положению дел – данная ниша занята мигрантами из стран СНГ.

Стабильность якутского языка на работе и в семейном общении отмечают и русские респонденты; в остальных сферах они наблюдают расширение. Таким образом, расширение использования якутского языка отмечено жителями г. Якутска, и в этом вопросе мнение неякутского населения может быть также более объективным, нежели носителей якутского языка, в массе своей выходцев из улусов. Численность русского населения в настоящий момент демографически уступает, на их глазах происходит интенсивная миграция коренного населения в столицу, а значит и изменения в балансе языков русскими в повседневной жизни ощущаются лучше. Большинство респондентов, как якутов, так и русских, одинаково стабильным (54,5–73,2%) оценили функционирование русского языка в регулируемых и нерегулируемых сферах общения. При этом русские отмечают сокращение общения на русском языке в сфере услуг, обслуживания, в сфере образования, в госучреждениях, на улице, что вполне объясняется объективными процессами внутриреспубликанской миграции и некоторой активизацией внедрения якутского языка в дошкольное и школьное обучение. Представляется возможным и то, что ответ о сокращении общения на русском языке мог быть обусловлен визуальной оценкой – вследствие внешней и внутренней миграции в городе преобладает население с азиатским типом внешности, что прежде не было характерно для Якутии. И, впрочем, данное явление не всегда отражает возрастание объема якутской речи, поскольку в госучреждениях обычно двуязычные якуты отвечают на языке обращения, и функционально первым языком многих якутов в профессиональной деятельности остается, как и прежде, русский язык.

В целом, мнение о степени распространенности языков в коммуникативном пространстве объективное. Важно, что сохранение объема общения на том или ином языке в ситуации «на работе» в оценках и русских респондентов, и якутов – показатель стабильности, отсутствия тревожности. Респонденты-якуты показали отличные металингвистические способности в вопросах баланса языков в г. Якутске.

Следующий вопрос касался мнения респондентов об общественных функциях якутского языка в г. Якутске: «Согласны ли Вы с утверждением, что якутский язык способен быть значимым в следующих областях?». В г. Якутске же преобладает количество русских респондентов, не согласных с этим. Оценки якутов в целом адекватно отражают современное состояние якутского языка, прежде всего – его неравномерное использование, что было ранее установлено нами в ходе социолингвистического исследования [Иванова, 2012]. Так, большинством якутов выражено нигилистическое мнение о функциях якутского языка в сферах науки, дипломатии, судопроизводства, хотя в первой и последней из них якутский язык используется, особенно в улусах. Неожиданным фактом для автора явилось достаточно массовое (39,5%) признание большинством якутов значимости якутского языка в делопроизводстве, что говорит о его востребованности в

данной сфере. Но не согласных с этим также немало – 36,5%.

В оценках русских респондентов ярко выражен этноязыковой нигилизм по отношению к якутскому языку. Гетеростереотип как элемент идентичности, а также как индикатор национально-языковых отношений к другому языку в данном случае весьма показателен – неспособность якутского языка обслуживать какую бы то ни было коммуникативную сферу при его реальном использовании в ряде сфер, четко обозначает конфликтогенную зону, представленную в форме предубеждений.

Конфликт имеет психологическую основу, тип данного национально-языкового конфликта в регионах России еще недостаточно изучен, поскольку в исследованиях основное внимание обращено на конфликты, присутствующие в сознании титульных этносов. На наш взгляд, посредством вопроса об общественных функциях якутского языка получена существующая на исследуемый период картина отношений между носителями двух доминирующих языков или наиболее эксплицитное выражение этноязыкового самочувствия. Массовое стремление якутского населения к выравниванию коммуникативного статуса якутского языка приводит к появлению у русского населения напряженности в межэтнических отношениях. В установках русского населения в данном вопросе преобладает эмоциональный компонент.

Надо отметить, что в то же время автостереотипы якутов отражают отсутствие гиперболизации этнического самосознания, отрицательно влияющего на толерантность, – оценки соответствуют реальному функциональному состоянию якутского языка в данных сферах, более того – присутствует доля нигилизма по отношению к родному языку.

Причины данной конфликтной зоны совершенно понятны и по сути объективны – устанавливается новый баланс языков, особенно в столице республики, и, надо сказать, по многим признакам более близкий к паритетному и функциональному двуязычию, чем существовавший в 1970–1980-е, да и в 1990-е гг.

Данные 2016 г. показали изменение мнения русского населения. Ответы отражают признание возросшей значимости якутского языка: например, в 2017 г. согласны со означимостью языка саха в науке 12,3%, в то время как в 2008 г. их было 10,2%. В сфере образования в 2016 г. 30,6% согласны со значимостью языка саха, в 2008 г. их было 19,7%; число несогласных намного сократилось: с 52% в 2008 г. до 38,7% в 2016 г. Также положительно изменилось мнение о функциональном статусе языка саха в СМИ, в качестве языка межнационального общения и др. сферах.

Характер национально-языковых отношений, выразившийся в позитивных изменениях, произошедших во мнении русского населения о значимости якутского языка в коммуникативных сферах, имеет положительную корреляцию с установками, полученными методом направленного ассоциативного эксперимента. Проведение психолингвистического эксперимента позволило эксплицировать причины снижения языковой компетенции в родном языке у якутов, посредством чего выявлена и «дистанцированность» молодёжи от родного языка.

Наше особое внимание обращено также и на выявление динамики и тенденций национально-языковых отношений в республике, в чем также используется ассоциативный эксперимент, в ходе которого исследователи обращаются к интуиции носителей языка, т. е. путь познания значений идет через выявление отношений носителей языка к языковым знакам. Следствием такого подхода является субъективность полученных путем экспериментов данных. Материал ассоциативных экспериментов дает возможность выявить наибольшее количество актуальных для современного состояния коммуникативного сознания признаков концептов «якутский язык» и «русский язык», репрезентирующих состояние национально-языковых отношений.

Динамика отражает установление «дистанцированности» к родному языку в коммуникативном сознании студентов-саха вследствие «сложности» (когнитивный компонент), а также яркие реакции, имеющие эмоциональный («родной») и эстетический («красивый») признаки. В целом стимульное словосочетание охарактеризовано положительно. В превосходной степени репрезентируется стимульное словосочетание «русский язык», к несомненному достоинству относится «легкость» использования. Таким образом, по классической трехкомпо-

нентной модели У. Ламберта, включающей в себя когнитивный (знание), аффективный (оценки и эмоциональные реакции) и конативный (готовность к действию) уровни [Lambert, 1960] в репрезентации якутского языка, в коммуникативном сознании студентов-саха присутствуют два компонента установок: когнитивный, эмоциональный (эстетический).

Замещение показателя этноязыковой идентичности другими более актуальными реакциями наблюдается и в ядре ассоциативного поля ответов русских студентов на стимул «русский язык», что позволяет предположить либо снижение языковой идентичности у молодежи в целом, либо отсутствие языковой экспансии, снижение тревожности за судьбы родных языков у якутов и русских в регионе. Также выявлено снижение негативных реакций у русских студентов на стимул «якутский язык» – если в 2007 г. негативные реакции составляли 37% всех реакций ассоциативного поля [Иванова, 2017], то в последнем эксперименте их практически нет, благодаря чему можем говорить о гармонизации межэтнических отношений русской и якутской молодёжи. Тенденции этноязыковых установок идентичны изменению мнения о значимости якутского языка в социально-коммуникативной системе г. Якутска, что в данном случае определяет идентичность мнения и установок как осознаваемых и неосознаваемых состояний (отношений).

В целом в условиях двуязычия в нашем регионе наблюдается высокая степень лояльности к родным языкам, более значимо ценностное отношение к этническому языку как к национально-культурному явлению, которое проявляется как у носителей языка саха, так и у носителей русского языка. Российскими этносоциологами Л.М. Дробижевой [http://ресурсныйцентр-анр.рф/region/14/news/leokadiya-drobizheva-u-zhiteley-yakutii-ochen-vysoko-nacionalnoe-samosoznanie], Е.М. Арутюновой [Арутюнова, 2019а, б] в ряду основных либо косвенных факторов не раз отмечались очень высокий уровень национального самосознания саха и стремление других этнических сообществ к воспроизводству такового.

Новый этнодемографический баланс, установившийся в истории современного Якутска, когда местное население стало количественно преобладать за счет прибывших из сел и улусных центров, позитивно повлиял на индикаторы этноязыковой ситуации: повышение языковой компетенции [Иванова, 2017]; повышение показателей прямой языковой идентичности якутов [Иванова, 2015]; повышение функционального статуса якутского языка [Иванова, 2019]. Сместились акценты в тенденциях развития двуязычия: если в 2007 г. в общей совокупности ответов свободное владение русским языком у саха на 14,5% было выше владения этническим языком, то в 2014 г. эта разница уже не столь ощутима и составляет 5,8%.

Русский язык является государственным языком РФ, и его юридический статус определяет его высокий фактический статус. Уровень владения родным русским языком русских в республике согласно опросам 2007 г. составляет 99,2%. Среди других национальностей также высок процент свободного владения – 94,4%. 11,1% респондентов в республике говорят на русском языке с затруднениями, в т.ч. 8,7% якутов, 0,2% русских, 2,2% представителей других этнических общностей. По данным переписей, известно, что доля русских, свободно владеющих якутским языком, несколько возрастает: в 1989 г. – 1,4%, в 2002 г. – 2%, в 2010 г. – также 2%. За счет продолжающегося умеренного выезда русских из республики в период 2002–2010 гг. последняя цифра в 2% в количественном отображении, вероятнее всего, означает более интенсивный характер. При опросах русского населения г. Якутска нам удалось получить более детальное содержание факта включённости якутского языка в русскую языковую компетенцию (табл. 1), который отражает относительную стабильность, но при этом заметна тенденция к снижению.

Данные переписей показывают, что доля якутов, владеющих русским языком, возрастает: 1970 г. – 45,4%; 1979 г. – 60, 3%; 1989 г. 65%; 2002 г. – 87,1%. Итоги переписи 2010 г. показали, что 89,5% (428280 якутов из 478085), в т.ч. 94,9% (183389 якутов из 193251) городского населения и 85,9% (244891 якутов из 284834) сельского населения [Социально-демографический…, 2012] владеют русским языком. Тем не менее свободное владение русским языком ниже показателей переписи.

Для прогнозирования развития двуязычия релевантна и проблема языковой устойчивости,

Таблица 1

Динамика автооценки русскими респондентами
уровня владения якутским языком (г. Якутск), %

Уровень владения якутским языком	2008 г.	2017 г.
Свободно говорю, читаю, пишу	2,7	0,6
Говорю, читаю, но не пишу	1,8	2,8
Говорю, но не читаю и не пишу	4,4	2,0
Говорю с затруднениями	4,4	2,0
Всё понимаю, но не говорю	1,8	2,8
Понимаю общий смысл сказанного, но не говорю	27,4	27,2
Не владею	57,5	62,6

которую можно определить посредством выявления установки об обязательности/необязательности владения этническим языком: данный императив в республике высоко значим для якутов (96,2%), достаточно высоко ценится у русских (83%) и представителей иных национальностей (86,7%). Ответы на вопрос «Как Вы относитесь к людям своей национальности, не владеющим родным языком?», заданный с целью выявления стратегий внутриэтнического языкового исключения, оказались неоднозначными (от *отрицательно* до *положительно)*, и этот вопрос оказался одним из наиболее сложных для определения – многие (в основном русские и другие) затруднились ответить. Но значимые результаты говорят в пользу толерантного отношения к подобному явлению: среди русских – 45,6%; других – 38,8%; якутов – 39,4%.

Учет нерелевантности содержания языковых установок, с одной стороны, и мнений, с другой стороны, актуализирует изучение речевого поведения опрошенных. Опрос показал, что половина этнических якутов (50,2%) никогда не испытывали затруднений в использовании якутского языка, хотя на вопрос о свободном владении языком утвердительно ответило намного больше респондентов (77,6%). Это указывает на то, что речевая практика в городе, в том числе профессиональные задачи, предполагают различные коммуникативные ситуации (например, публичное выступление), столкнувшись с которыми человек, вполне свободно изъясняющийся в большинстве бытовых ситуаций, может осознать недостаточное владение родным языком. Одна треть (33,7%) горожан-якутов редко и 12,4% часто затрудняются в использовании якутского языка, очевидно, это часть якутской городской общности, слабо владеющей разговорной формой якутского языка.

Среди русских жителей г. Якутска, по данным опроса 2007 г., 42,1% респондентов всегда испытывали трудности из-за невладения якутским языком, 31,3% никогда не испытывали трудности, что в условиях активного контактного двуязычия в городе представляется достаточно обычным явлением. В то же время корреляция языковой компетенции и данных о речевом репертуаре русских на якутском языке в различных сферах показала, что сфера обслуживания предстаёт как максимально реализующая русско-якутское двуязычие. При этом 4,3% свободно владеющих якутским языком и 5,1% владеющих разговорной формой якутского языка применяют его в данной сфере весьма ограниченно – лишь 1,5% русских общаются на якутском языке и 3,5% на русском и якутском. Таким образом, корреляционный анализ материалов опроса русских респондентов в 2007 г. обнаружил, что заявленный уровень владения якутским языком в активной форме ни в одной сфере не реализуется в полной мере, либо данные сильно завышены по субъективным причинам.

В 2016 г. намного сократилось число респондентов, всегда испытывающих трудности (9,4%), умеренно сократилось число лиц, никогда не испытывающих трудности (18,9%). Чаще всего затруднения испытывают в повседневном общении, в быту (19,2%), где язык общения нерегламентирован, и в рабочей обстановке, при обсуждении рабочих вопросов –

Таблица 2

Ситуации, в которых чаще затрудняются русские респонденты из-за незнания якутского языка (г. Якутск), %

В рабочей обстановке, при обсуждении рабочих вопросов	15,3
На работе, в неофициальной обстановке, во время обеденного перерыва	14,4
На собраниях, совещаниях, заседаниях	9,3
В сфере обслуживания	13,9
При просмотре фильмов	7,2
При прослушивании песен	6,7
При восприятии вывесок, объявлений и др. визуальной информации	14,1
В повседневном общении, в быту	19,2

15,3%, где языком общения, согласно Статье 12 Закона Республики Саха (Якутия), регламентированы якутский и русский языки (в редакции от 14.12.012. 1151-З Ст.12 N 1173-IV) [Закон РС (Я)… http://base.garant.ru], при этом лица, не владеющие тем или иным языком, должны обеспечиваться переводом (табл. 2).

Данные показывают определенные изменения в этноязыковых процессах среди русского населения: снижение напряженности, нормализация этноязыкового самочувствия, последовавшие после адаптационного периода к росту этнического самосознания якутов, что мы зафиксировали в 2005–2007 гг. [Иванова, 2012], а также повышение их этнического самосознания.

Данный тезис подтверждает и сравнение трендовых языковых установок за 2007 и 2016 гг. (табл. 3) – желание изучить и использовать иностранные языки выразили более половины русских респондентов (59,1%), несколько снизилось желание изучить якутский язык (с 27 до 20,9%) и заметно повысилось число респондентов, желающих лучше освоить родной русский язык (с 10,9 до 20%).

Как показано в табл. 3, главенствующей тенденцией в изучении языков был и остается, безусловно, значительный интерес к иностранным языкам. В 2007 г. по отдельным объектам опроса отношение к овладению (совершенствованию владением) русским языком коррелирует с уровнем языковой компетенции – чем выше языковая компетенция, тем ниже интерес к изучению; в этнически гомогенной моноэтнической якутской среде высока потребность в изучении русского языка. Однако результаты опросов по республике и отдельно в г. Якутске показали единую стратегию в изучении языков: вслед за иностранным (европейским) языком вторую позицию занимал, как среди якутов, так и среди русских и других, интерес к изучению и использованию якутского языка. В изучении и использовании якутского языка русским населением актуальна детерминированность от моно- или полиэтничности, характера контактов (активный/пассивный, контактный / дистактный) [Иванова, 2012, с. 84–88].

Корреляция показателей языковой компетенции и языковых установок, описанная выше,

Таблица 3

Динамика языковых установок русских в изучении и использовании языков в повседневной жизни (г. Якутск, 2007, 2016 г.), %

Языки	2007 г.	2016 г.
Русский	10,9	21,4
Якутский	27	20,1
Иностранные (европейские)	51,7	46,7
Иностранные (восточные)	10,5	11,8

указывает на достаточно значимое стремление к сближению с этнической общностью. При этом заметим, что желание интегрироваться в коммуникативное пространство посредством языка выше у русского населения, проживающего в условиях контактного двуязычия. Анализ бесед, проведенных с русскими респондентами во время опроса, позволил сделать следующее обобщение: «Русское население в целом положительно относится к необходимости изучения якутского языка, что вполне объяснимо: 1) в основном с позиций гражданского сознания – "…я живу в Якутии и должна знать местный язык"; 2) прагматическими целями – знание языка титульной нации содействует социальной мобильности; 3) психологическими преимуществами – одноязычные русские в отличие от двуязычных якутов ограничены в получении информации на якутском языке, лишены доступа к якутской культуре, что отрицательно сказывается на их психологическом самочувствии. В целом ответы отразили открытость разных этнических сообществ, достаточно высокую этническую и языковую толерантность и особенности стратегии в изучении языков» [Там же, с. 89]. Заметим, что в основу обобщения были положены, в основном, высказывания респондентов старшего возраста, т.е. старше 50 лет.

В данном случае мнение, полученное методом опроса, представилось нам недостаточным и нуждалось в дополнительном пояснении. При имеющемся спросе на изучение якутского языка не только у носителей русского и других языков, но и у этнических саха, не владеющих в силу объективных социальных причин якутским языком, не выявлена глубокая информация о латентных процессах, скрытых механизмах социальных отношений, в т.ч. мотивация, цели изучения, объем ожидаемого уровня владения языком.

С целью более аргументированного представления языковых установок в вопросе изучения языков нами в 2007 г. был предпринят специальный мониторинговый проект «Выявление мотивации в изучении якутского языка», наблюдения по которому продолжаются и в настоящее время. В 2007–2008 гг. проведено 12 интервью ключевых информаторов, наиболее интенсивно посещавших курсы изучения якутского языка в образовательном центре «Современный лидер» в г. Якутске. Их ответы далее обобщены в 1-й и 2-й группах в качестве мотивов. В 3-ю группу включены мнения, ориентации этнических русских, установленные в беседах при проведении опросов. Существенными параметрами отбора интервьюируемых явились такие категории, как языковая компетентность, этническая принадлежность, пол, возраст, ранг в групповой иерархии, уровень осведомленности, желание информанта обсудить интересующие проблемы. Результаты интервью с целью выявления мотивации изучения якутского языка, потенциальных мотивационных структур [см.: Иванова, 2012, с. 84–110] связаны с экстралингвистическими социальными, психологическими, внутренними индивидуальными установками.

1-я группа. Корпус мотивов у этнических якутов молодого и среднего возраста, не владеющих якутским языком, которыми руководствуются респонденты при изучении якутского языка, отражает институциональные потребности – адекватность общения в межнациональной семье, на работе в смешанном или преобладающем якутоязычном коллективе. Для информантов в данной группе потребность в этнической идентификации отчетливо не выражена, диффузна.

Потребность в прямой этнической идентификации выражена у респондентов старшего возраста.

В целом активнее и интенсивнее посещают курсы якутского языка этнические саха, что показывают и более поздние наблюдения. В 2013–2014 гг. в г. Якутске по инициативе Управления образования муниципального образования г. Якутск были организованы подобные курсы на базе школы № 26. По словам руководителя курсов М.Н. Борисовой, «люди очень заинтересованы, они хотят изучать якутский язык. Им нужен этот язык в жизни. Большой интерес проявляют коренные саха, которые не владеют родным языком. Но это не их вина, это наша общая беда. И её не надо стесняться. Не знать не стыдно, стыдно не хотеть знать. На старости лет все равно все мы возвращаемся к своим корням и традициям, родной язык становится необходим, как воздух. Поэтому надо не стесняться ни возраста, ни незнания, важно

лишь личное желание человека раздвинуть рамки собственного миропонимания» [Первые выпускники курсов…].

В беседах с руководителями других курсов, которых в г. Якутске не так много, также подчеркивается успешность прохождения курсов этническими якутами, что показывает их высокую мотивацию, проявляющуюся, во-первых, в потребности обрести языковую компетенцию, как основной маркер этнической идентичности якутов; во-вторых, в готовности оплачивать занятия, интенсивно посещать занятия; в-третьих, в стремлении получить реальные практические навыки.

Корреляция показателей языковой компетенции и данных языковых установок у этнических якутов, не владеющих языком этноса, указывает на стремление к сближению с этнической общностью. Вектор изменений в их языковых установках состоит в ослаблении нигилизма по отношению к якутскому языку

2-я группа. Носители других языков, не владеющие якутским, руководствуются институциональными и лингвокультурологическими потребностями: кроме функционального использования возникает желание глубже познать язык, например, понимать юмор.

Желание представителей иной этнокультурной общности изучать язык коренного населения, основного культурного маркера, – весьма яркий показатель, ценностная установка, выявляющая языковую, межэтническую толерантность по отношению к титульному этносу, переживающему рост этнического самосознания, стремящемуся к повышению престижа родного языка, выравниванию социальных функций обоих государственных языков.

3-я группа. Русские, не владеющие якутским языком, в основном руководствуются институциональными потребностями. Однако мотивация среди них невысокая, на курсах изучения якутского языка в г. Якутске массово не представлены либо по названной причине не завершают занятия. Материалы интервью представляют расшифрованные интервью, проведенные во время социолингвистических опросов.

В данную группу также включены респонденты – представители смешанных русско-якутских браков, у которых выявлена проблемная идентичность. Данные респонденты, люди зрелого возраста, затрудняются соотнести себя по этнокультурному признаку. Также имеются случаи вполне осознанной, но лишь декларируемой, гражданской позиции по поводу необходимости функционального двуязычия. Зачастую изучение якутского языка или его совершенствование не реализуются по причине недостаточности личностной мотивации.

А.А. Бурыкин, предваряя сложную проблему переключения кодов как компонента языковой ментальности русскоговорящих монолингвов, билингвов и полиглотов, в свое время отметил, что «билингвизм в целом не характерен для русской языковой ментальности. На уровне обыденного сознания владение и пользование языками иных этносов носителями данной ментальности не поощряется и не приветствуется. Владение каким-либо иным языком, кроме русского языка в статусе функционально первого языка, приводит к необратимым сдвигам в ментальности и языковом поведении русско-национальных билингвов и лиц, свободно владеющих иностранными языками. При этом в языковом поведении и в индивидуальном лингвокультурном комплексе таких лиц начинают присутствовать такие черты, которые становятся значимой маркировкой статуса этих лиц». Также им совершенно справедливо отмечается, что «использование какого-то другого языка в существующем социокультурном контексте, создаваемом русской языковой ментальностью, не приветствуется» [Бурыкин] по причине чего имеющиеся установки (ориентации, мнения) не переходят в состояние реальных мотивов.

Таким образом, в вопросах изучения государственного якутского языка в обществе существуют эмоциональные и институциональные установки, детерминированные высокой или низкой мотивационной структурой. Наиболее высокая мотивация обнаруживается у этнических саха с выраженной эмоциональной установкой. Представители (нерусского и неякутского) этнических сообществ, выбравшие платные языковые курсы, отличаются высокой мотивацией, руководствуются институциональными и лингвокультурологическими потребностями. У русских в целом недостаточно мотивации для целенаправленного изучения якутского языка.

Помимо охарактеризованных выше факторов, релевантных для описания развития двуязычной языковой ситуации в республике, важен вопрос этнической принадлежности и языковой компетенции политических элит в регионах, служащий индикатором баланса межэтнических отношений. В 2007 г. ответ на наш вопрос «Согласны ли Вы с тем, что государственными русским и якутским языками должен свободно владеть Президент РС (Я)?», 83,6% саха, 63,2% русских и 73,9% представителей других национальностей ответили согласием, что в сравнении с результатом исследования «Образ идеального президента Республики Саха (Якутия)» (2001 г.), где знание якутского языка «очень важным» признали 37,2% русских и 39,6% представителей других национальностей [Образ…, 2001], отразил тенденции в сторону билингвизма. Ответы русских респондентов в 2017 г. еще более утвердили данную тенденцию, сегодня 81% русских считают, что Глава Республики Саха (Якутия) должен свободно владеть обоими государственными языками.

Ответы на вопрос об оценке будущего русского языка в Республике Саха (Якутия) не отмечены радикальными изменениями: в 2008 г. 46,7% русских уверены в будущем своего языка, в 2017 г. таковых 48,6%. Отношение к представителям других этнических сообществ претерпело незначительные изменения, которые в целом отражают укрепление позитивного отношения: в 2008 г. 23,2% русских проявляли симпатию и интерес к ним, в 2017 г. – 31,9%.

По итогам опроса 2007 г. в обеих этнических общностях просматривалась стратегия раннего приобщения к другому, неродному языку – одному из доминирующих языков республики: так, якуты с целью раннего активного приобщения к русскому языку выбирают детсад с русским языком обучения и воспитания и изучением родного языка. Русские и другие выбирали данный вариант с целью приобщения детей к местному языку, культуре, и подобное мнение среди русского населения с возрастом укреплялось. Мнение о русском языке обучения и воспитания в дошкольном образовательном учреждении с изучением якутского доминировало во всех возрастных группах, и в особенности у более старших респондентов.

Повторный социолингвистический опрос в 2014 г. среди респондентов-саха и среди русских респондентов в 2016 г. показал снижение интегрирующих установок и усиление этноцентристских тенденций. Кроме изменений в языковых ориентациях в изучении и использовании языков, о чем говорилось выше, изменились установки русского населения в сфере обучения и воспитания. Так, значительно сократилось число респондентов, желающих отдать детей с русским языком обучения и воспитания в классы с преподаванием разговорного якутского языка (46,4–32,4%). Аналогичные изменения наблюдаются в выборе языка обучения в школе: за 9 лет значительно возросло число респондентов, выбравших школу, где преподавание ведется только на русском языке, – с 25% в 2007 г. до 42,4% в 2016 г.; число выбравших русскую школу с изучением якутского языка сократилось с 28,9% в 2007 г. до 14% в 2016 г.

В опросе русского населения, проведенном в г. Якутске в 2016 г. и нацеленном в основном на выявление установок на сосуществование, софункционирование русского и якутского языков, были артикулированы достаточно сложные для представителей иноязычной общности вопросы. На несколько вопросов было получено ограниченное количество содержательных ответов, что и предусматривалось при разработке программы опроса. Например, на вопрос «Какие, на Ваш взгляд, изменения произошли в последние годы в плане развития якутского языка, повышения его социальной роли после принятия Закона РС (Я) “О языках” (1992 г.)» затруднились ответить 48,8% опрашиваемых.

В ряд подобных вопросов попадал и вопрос «Что, по Вашему мнению, должно, прежде всего, способствовать активному повышению роли якутского языка в жизни общества?». Однако данный вопрос вызвал активный отклик, затруднились ответить лишь 4,3% респондентов (табл. 4).

Так, респондентами была продемонстрирована значительная лояльность к якутскому языку в части расширения коммуникативного пространства якутского языка за счет изучения якутского языка этническими якутами (18,2% респондентов выбрали вариант «Введение в об-

Таблица 4

Распределение ответов русских респондентов на вопрос «Что, по Вашему мнению, должно, прежде всего, способствовать активному повышению роли якутского языка в жизни общества?» (г. Якутск), %

Введение в образовательный стандарт изучения родного языка для лиц якутской национальности	118,2
Увеличение числа национальных школ, лицеев	7,1
Совершенствование качества преподавания якутского языка в школе, ссузе, вузе	15,4
Включение разнообразных факультативов на якутском языке для невладеющих в планы работы учебных заведений	12,4
Воспитание патриотических чувств	10,7
Владение и активное применение якутского языка национальной интеллигенцией	3,9
Изучение якутского языка неякутским населением	15,4
Государственная языковая политика в РС (Я)	3
Расширение применения якутского языка в административно-управленческой сфере, ведении официально-деловой документации	0,6
Расширение применения якутского языка на собраниях, конференциях, массовых мероприятиях	1,1
Расширение тематики программ и объема вещания на якутском языке по телевидению и радио	1,7
Увеличение количества печатных изданий на якутском языке (классические произведения, периодическая печать)	3
Активная пропаганда якутского языка в средствах массовой информации	2,6
Затрудняюсь ответить	4,9

разовательный стандарт изучения родного языка для лиц якутской национальности») и представителями других этнических общностей («Изучение якутского языка неякутским населением» – 15,4%). В ответах отражена и осведомленность респондентов о проблемах в преподавании якутского языка – за «Совершенствование качества преподавания якутского языка в школе, ссузе, вузе» – 15,4%; о расширении социальных функций якутского языка в общем двуязычном коммуникативном пространстве – 0,6%; 15,4% – за «Изучение якутского языка неякутским населением».

В рассматриваемом двуязычном пространстве имеются социокультурные ресурсы для взаимного уважительного отношения к языку другого этноса, обусловленные потребностью их представителей, для которых родной этнический язык представляет высокую ценность. Факт высокого уровня развития якутско-русского двуязычия определяет значимость российской/гражданской идентичности, несущественно снижая при этом первостепенность этноязыковой идентичности.

Языковая толерантность якутов и русских подразумевает использование неких позитивных, положительно направленных моделей, способствующих социальному контакту в процессе всего процесса коммуникации.

В рассматриваемых национально-языковых отношениях оппозиция свой / чужой естественным образом встроена в структуру данных отношений, однако толерантность, прежде всего, признается как позиция признания иных ценно-

стей, взглядов, как свойство, качество народа саха и является устойчивым признаком в системе его ценностей (Оконешникова, 1986; Винокурова, 1994; Махаров, 1995; Новиков 1996; Куницына, Оконешникова, 2007; Набок 2014; Елисеева 2019 и др.).

При ограничении новой идеологии унификации в государственной языковой политике, включающей в себя избыточную поддержку русского языка в системе образования, перспективы благоприятного неконфликтного развития массового якутско-русского двуязычия и более локального, русско-якутского двуязычия, вполне реальны.

Литература

Арутюнова Е.М. Языковая ситуация в Республике Саха (Якутия) в контексте языковых противоречий в школьном образовании // Информационно-аналитический бюллетень. – 2019а. – № 1. – Межнациональные отношения в республиках Российской Федерации: пример Татарстана и Саха (Якутии). – С. 50–61.

Арутюнова Е.М. Государственно-гражданская и этническая идентичности русской молодёжи в Республике Саха (Якутия): динамика представлений // Социологическая наука и социальная практика. – 2019б. – № 4. – С. 111–121.

Бурыкин А.А. Ментальность, языковое поведение и национально-русское двуязычие // http://bibliofond.ru (дата обращения: 11.12.2019).

Винокурова У.А. Сказ о народе саха. – Якутск: Бичик, 1994. – 140 с.

Елисеева Н.Д. Исследования якутского менталитета в психологии и смежных науках // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2019. – Т. 21, № 3. – С. 695–706.

Закон Республики Саха (Якутия) от 16 октября 1992 года с изменениями на 20.12.2016. [Электронный ресурс] // http://base.garant.ru (дата обращения: 20.06.2017).

Иванова Н.И. Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект. – Новосибирск: Наука, 2012. – 130 с.

Иванова Н.И. Язык и этноязыковая идентичность якутов в г. Якутске: основные тенденции и динамика // Казанская наука. – 2015. – № 1. – С.114–118.

Иванова Н.И. Социолингвистические аспекты функционирования якутского языка в г. Якутске: цифры и факты: монография / отв. ред. П.А. Слепцов. – М.: Языки Народов Мира – Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, 2017. – 260 с.

Иванова Н.И. Функциональный статус якутского языка в Республике Саха (Якутия) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, вып. 12. – С. 182–188.

Иссерс О.С. Максимы толерантности в аспекте коммуникативных стратегий и норм // Лингвокультурологические проблемы толерантности: тез. докл. Междунар. науч. конф. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 217–218.

Куницына В.Н., Оконешникова А.П. Структура семьи и семейных привязанностей как фактор формирования толерантной личности // Актуальные проблемы современной социальной психологии. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2007. – С. 96–102.

Леокадия Дробижева: У жителей Якутии очень высоко национальное самосознание (18.12.2017.) [Электронный ресурс] // http://ресурсныйцентр-анр.рф/region/14/news/leokadiya-drobizheva-u-zhiteley-yakutii-ochen-vysoko-nacionalnoe-samosoznanie (дата обращения: 26.03.2018).

Махаров Е.М. Духовная ситуация времени и толерантность. – Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1995. – 88 с.

Михайлова О.А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста: сб. ст. – СПб., 2005. – 542 с. [Электронный ресурс]: http://bookzie.com/book_179_glava_17_TOLE-RANT NOST_I_TERPIMOST:_VZGL.htm l (дата обращения: 04.02.2018).

Михайлова О.А. Лингвокультурологические аспекты толерантности. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 121 с.

Набок И.Л. Арктическая идентичность коренных народов циркумполярной зоны Российской Федерации: проблемы формирования и развития // Культура Арктики: колл. монография / М-во культуры Рос. Федерации, Аркт. гос. ин-т искусств и культуры, М-во культуры и духовного развития Респ. Саха (Якутия); [под общ. ред. д-ра социол. наук У.А. Винокуровой ; идея проекта А.С. Борисов]. – Якутск: Издат. дом СВФУ, 2014. – 344 с.

Никитина И.С. Толерантность как объект современных междисциплинарных гуманитарных исследований / И.С. Никитина // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та, 2019. – № 1. – С. 78–83.

Новиков А.Г. О менталитете саха. – Якутск: Изд-во Аналитического центра при Президенте РС(Я), 1996. – 145 с.

Образ идеального Президента РС (Я). – Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2001.

Оконешникова А.П. Межэтническое восприятие и понимание людьми друг друга: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1986. – 32 с.

Первые выпускники курсов якутского языка получили удостоверения 14.05.2014 [Электронный ресурс] // Sakhapress.ru (дата обращения: 21.02.2019).

Романова Т.В. Толерантность и политкорректность: аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект) // Политическая лингвистика. – 2015. – Т. 2 (52). – С. 39–49.

Словарь социолингвистических терминов. – М.: Институт языкознания РАН, 2006. – 312 с.

Социально-демографический портрет России: По итогам Всероссийской переписи населения 2010 года / Федер. служба гос. статистики. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. – 183 с. [Электронный ресурс] https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/por (дата обращения: 12.12.2013).

Стернин И.А., Шилихина К.М. Коммуникативные аспекты толерантности. – Воронеж, 2000. – С. 34–37.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности «Лингвистика и межкультурная коммуникация». – М., 2000. – 262 с.

Южакова Ю.В. Толерантность массово-информационного дискурса идеологической направленности: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Челябинск, 2007. – 26 с.

Языковая ситуация и проблемы функционирования языков в Республике Саха (Якутия): Аналитические, справочные материалы. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. – 52 с.

Lambert W.E. Evaluation Reactions to Spoken Languages // Journal of Abnormal and Social Psychology. – 1960. – № 60. – P. 44–51.

N.I. Ivanova

Trends and dynamics of bilingualism in the RS (Y): ethno-social psycholinguistic aspect

Sociolinguistic analysis of real trends and contradictions in the development of modern language situations, in solving the problems of functioning of several languages on the territory of one state is an urgent task, both at the level of subjects and at the level of management decisions of the Federal center, and therefore requires constant study and regulation.

The novelty of the research consists in a comprehensive approach to highlighting the concepts of ethno-linguistic identity, national-language relations, as components of a language situation, from the point of view of strategies for modeling interactions in the bilingual (multilingual) space of prospective sociolinguistics. Analyzing a wide Arsenal of empirical data, the author categorizes the language orientations (attitudes, motivations, assessments, opinions) of modern native speakers of the Yakut and Russian languages on the basis of a common property, and sets the level of their language tolerance and ethno-linguistic well-being in the focus of prospective sociolinguistics. The complex interdisciplinary nature of the work predetermined an integrated research approach-ethno-social psycholinguistic, including ethno-psycholinguistic and sociolinguistic analysis of the material at the macro-sociolinguistic and micro-sociolinguistic levels. The syncretic nature of the theoretical and methodological apparatus, the contiguity of the studied field, and the optimal combination of methods allow, in our opinion, to reasonably form the entire theoretical and methodological apparatus within a single sociolinguistic paradigm.

Keywords: Language situation, national-language relations, ethno-social psycholinguistic aspect, language orientations (attitudes, motivations, assessments, opinions), tolerance.

Н.И. Данилова

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.009
УДК 811.512.157’37

Семантические методы в изучении якутского языка

Статья представляет собой краткий описательный обзор исследований грамматической системы якутского языка, выполненных в структурно-семантическом и функционально-семантическом аспектах. Оба аспекта грамматики относятся к семантическому направлению лингвистики, изучающему содержание структурных единиц языка с точки зрения их системной организации. Методы и приемы структурной и функциональной семантики прошли серьезную апробацию и получили глубокую разработку на материале якутского языка. Первым фундаментальным трудом, написанным с позиций системности, был знаменитый труд О.Н. Бётлингка «О языке якутов». Традиция интеграции структурного и функционального аспектов изучения якутского языка последовательно проводилась Л.Н. Харитоновым и представителями основанной им грамматической школы. Формированию теоретической базы структурно-семантических исследований во многом способствовала идея о базовой роли простого предложения, изложенная в исследованиях Е.И. Убрятовой. Метод структурно-семантического моделирования применительно к синтаксическим конструкциям якутского языка был обоснован в исследованиях Н.Н. Ефремова и Н.И. Поповой. В последнее время якутская грамматика развивается в функционально-семантическом аспекте, который подразумевает изучение языка по принципу «от смысла к формам его выражения». Важным в теоретическом и практическом отношении итогом исследований в этом направлении явилось подтверждение на материале якутского языка положения о важной организующей роли глагольного предиката высказывания. Это позволило приступить к исследованию функционально-семантических категорий в их связи с лексико-семантической принадлежностью глагола. В целом исследование грамматики якутского языка имеет перспективы развития в актуальных лингвистических парадигмах с применением новых научных методов, имеющих обширный междисциплинарный выход.

Ключевые слова: якутский язык, грамматика, синтаксис, семантика, структура, моделирование, глагол.

В настоящее время парадигма лингвистических исследований развивается в русле взаимодействия двух основных направлений: лингво- и антропоцентризма. В этих условиях, ничуть не умаляя важность антропоцентрического подхода к языку, кажется совершенно очевидной необходимость обобщения основных достижений в области изучения якутского языка с лингвоцентрических позиций. Представляется важным также наметить перспективы развития научного поиска в современных аспектах, актуальных как с теоретической, так и практической точек зрения. Тема статьи продиктована научными интересами крупного исследователя грамматики якутского языка, доктора филологических наук, главного научного сотрудника ИГИиПМНС СО РАН Николая Николаевича Ефремова. В этом году он отмечает важные вехи своей жизни – юбилейный день рождения и 40-летие успешной научной деятельности.

Первая научная грамматика якутского языка – знаменитый фундаментальный труд О.Н. Бётлингка «О языке якутов» – содержит описание важнейших свойств грамматического строя языка с лингвоцентрических позиций, т.е. она рассматривала язык как обособленную систему. Такая направленность исследования соответствовала общей для лингвистики XIX в. тенденции. Тюркологи едины во мнении, что «среди теоретических описательных работ, созданных на начальном этапе развития тюркологии, книга О.Н. Бётлингка явилась самым ярким и значимым событием» [Насилов, 2005, с. 7]. О роли данного труда в становлении и развитии тюркского языкознания, его значении в формировании фундаментальных основ теоретического

© *Данилова Н.И., 2020*

исследования якутского языка издано большое количество глубоких обзорных публикаций. По этой причине в рамках данной статьи останавливаться на общем анализе данного труда не представляется необходимым.

Исследование грамматической системы якутского языка достигло существенных результатов благодаря ее разработке с применением семантических методов. Прежде, чем приступить к обзору работ в этом направлении, необходимо кратко остановиться на основных понятиях и методах семантического подхода к устройству языковых единиц. По принятому в лингвистике определению семантика понимается как «все содержание, информация, передаваемые языком или какой-либо его единицей» [ЛЭС, 1990, с. 438]. Современные, многомерные теоретические положения в этой области российской лингвистики берут начало в формально-семантических исследованиях, зародившихся в целях обоснования теории математической (позже компьютерной) лингвистики. Семантический метод для нужд формального описания языка был разработан И.А. Мельчук в рамках теории «Смысл ↔ Текст». Основные положения этой теории были изложены в его известной монографии «Опыт теории лингвистических моделей», выдержавшей несколько переизданий.

Теория формального семантического анализа применительно к синтаксическим единицам естественного языка была представлена в работах Ю.Д. Апресян. Данный метод изучения содержания предложения подразумевает «правила установления соответствия между его синтаксическим и семантическим представлениями. Анализ адекватен естественному языку, если конечный продукт анализа удерживает всю информацию, выраженную в предложении средствами этого естественного языка, и только такую информацию» [Апресян, 1981, с. 16]. То есть, в соответствии со своими целями, формальный семантический анализ предполагает собственно лингвистическое изучение соотношения содержания предложения и его синтаксической формы выражения. Как отмечают исследователи, «в этой модели (в отличие от моделей Хомского) семантика с самого начала была важнейшим компонентом языкового представления, в дальнейшем этот компонент детально разрабатывался и совершенствовался» [Рахилина, 1998, с. 274]. К настоящему времени методы формального семантического анализа получили теоретическое и практическое развитие в разных направлениях на материале многих языков мира.

Предложенный Ю.Д. Апресян метод семантического анализа позже наиболее широкое развитие получил в двух основных аспектах: структурно-семантическом и функционально-семантическом. Оба они основаны на принципе системности, который подразумевает членение языка на уровни, единицы, категории, компоненты, что позволяет наиболее адекватно раскрыть их особенности и соотношение между собой.

Первый из данных аспектов семантики – структурно-семантический – подразумевает исследование значений соотносимых между собой структурных элементов языка. Такой анализ проводится в соответствии с теоретическими положениями структурной лингвистики, согласно которым «структура языка представляет собой сеть отношений (противопоставлений) между элементами языковой системы» [ЛЭС, 1990, с. 496]. Основоположником явившегося в свое время революционным структурного подхода к изучению языковых единиц, как известно, был швейцарский лингвист Ф. де Соссюр. По его убеждению, соотношения между единицами и составляют систему языка, «и именно эта внутренняя система является характерной для данного языка в отличие от других языков» [Ельмслев, 2006, с. 155]. То есть постулировалась также идея о том, что система как внутреннее устройство каждого языка отличается своими этноспецифическими свойствами.

Что же касается теоретической грамматики якутского языка, то с применением структурного (или системно-структурного) подхода была написана упомянутая выше известная грамматика О.Н. Бётлингка. В ней языковые единицы одного уровня рассматривались в неразрывной связи и формальном и семантическом соотношении с единицами другого уровня. Так, в разделе «Морфологические признаки» обширного «Введения» подчеркнута обусловленность морфологического механизма якутского языка его фонологической системой: продемонстрированы все фонетические изменения в составе морфем и на их стыке при образовании грамматиче-

ских форм. А система словообразования и словоизменения показала соответствие состава аффиксальных морфем фонетическому составу основы слова. Это свидетельствует о том, что фонологию и морфологию О.Н. Бётлингк рассматривал в естественной взаимосвязи и нерасторжимом единстве.

Изучение грамматического строя якутского языка в системном и семантическом аспектах с применением функциональных методов последовательно проводилось в фундаментальных исследованиях Л.Н. Харитонова и представителей основанной им грамматической школы. Теоретические и методологические положения, основополагающие принципы этой научной школы были изложены в специальной статье [Данилова, Попова, 2005].

Основным методом структурно-семантических исследований является метод лингвистического моделирования, начало которому было положено в исследованиях с позиций структурной лингвистики. Приложение этого метода главным образом для формальной семантики, с опорой прежде всего на Ф. де Соссюра, было обосновано Ю.Д. Апресяном. В его очень известной лингвистам работе были изложены «важные свойства моделей, в том числе лингвистических» [Апресян, 1966, с. 81]. Для структурно-семантического исследования естественного языка особого внимания заслуживают, на наш взгляд, следующие из них: 1) «Модель всегда является некоторой идеализацией объекта» [Там же]. Во-вторых, «обычно модель оперирует не понятиями о реальных объектах, а конструктами, т.е. понятиями об идеальных объектах, не выводимыми непосредственно и однозначно из опытных данных, но построенными “свободно” на основании некоторых общих гипотез, подсказанных совокупностью наблюдений и исследовательской интуицией» [Там же, с. 86]. И, наконец, «всякая модель, в том числе лингвистическая, должна быть формальной. Модель считается формальной, если в ней в явном виде и однозначно заданы исходные объекты» [Там же, с. 88–89]. Данный метод, получивший вначале обоснование для формально-семантических исследований, был успешно разработан в дальнейшем в целях семантического анализа синтаксических единиц.

В развитии метода лингвистического моделирования применительно к материалу естественных языков разной типологии действительно революционную роль сыграла новосибирская синтаксическая школа под руководством М.И. Черемисиной. По теоретической концепции этого научного коллектива, стержневой единицей, или базовой моделью, которая одновременно служит содержательной базой синтаксической конструкции, было признано простое предложение. В результате последовательного внедрения данного метода в процесс лингвистического анализа было предпринято масштабное структурно-семантическое исследование синтаксического строя языков Сибири. В рамках концепции этой школы были разработаны многие новаторские идеи, в том числе понятия «элементарная единица», «элементарное простое предложение». М.И. Черемисина аргументировала их следующим образом: «Моделирование исходит из того, что его объектом должно быть минимальное – элементарное предложение (ЭПП), которое характеризуется постоянным составом компонентов и связью этой цепочки с определенной семантикой» [Черемисина, 2005, с. 126]. Базовая идея М.И. Черемисиной в дальнейшем, при исследовании конструкций разной степени сложности на материале конкретных языков, была детализирована в предложенных ее учениками новых тезисах и понятиях. Например, было предложено понятие «типовая синтаксическая структура», которая «обеспечивает возможность сравнительно-сопоставительного анализа синтаксического яруса в языках разных систем» [Кошкарева, 2015, с. 14–15]. Поскольку объектом анализа явились конструкты в языках разной типологической принадлежности, то в качестве задачи стало ставиться «изучение предложения как двусторонней эмической сущности» [Кошкарева, 2006, с. 65], т.е. как уникального объекта, свойственного языку определенного этноса.

Серьезной теоретической основой для разработки концепции новосибирской научной школы об элементарном простом предложении (ЭПП) послужила идея о базовой роли простого предложения, изложенная в исследованиях крупного российского лингвиста-тюрколога Е.И. Убрятовой. В исследованиях о синтаксическом строе якутского языка она исходила из

убеждения, что «отправной точкой развития сложноподчиненного предложения служат члены простого предложения» [Убрятова, 1976, с. 232]. При этом члены простого предложения служат не только структурной, но и содержательной базой сложноподчиненного предложения: «зависимые предложения в якутском языке выполняют функции, аналогичные членам простого предложения» [Там же, с. 231]. Данный теоретический подход к сложным синтаксическим конструкциям стал основополагающим не только для якутской грамматической традиции, но и для основных теоретических положений новосибирской научной школы.

Моделирование как метод лингвистического анализа для исследования материала якутского языка был применен в работе Н.Н. Ефремова, ученика М.И. Черемисиной, «Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке». В ней модель определена как «минимальная типизированная форма (образец) предложения, репрезентирующая прежде всего его синтаксическое значение» [Ефремов, 1984, с. 76]. В работе были представлены списочный состав моделей СПП с временным значением и их семантические модификации.

Дальнейшее уточнение понятия модели дала Н.И. Попова в специальной статье, посвященной обоснованию модельного представления синтаксических построений конкретно для якутского языка. Понятие модели сформулировано следующим образом: «Под моделью понимается отвлеченный от конкретного предложения образец, представляющий собой двустороннюю единицу с планом выражения и планом содержания» [Попова, 2003, с. 53]. Здесь были установлены также критерии выявления моделей, формы символической записи компонентов предложения.

В семантических исследованиях любая лингвистическая модель в силу того, что она представляет собой некий отвлеченный образец, всегда отображается в символической записи. Эта запись в большинстве исследований данного направления ведется на основе принятых лингвистическим сообществом способов. Основополагающими и наиболее распространенными из них являются лейпцигские правила глоссирования. Метод поморфемного глоссирования, при помощи которого могут быть представлены текстовые примеры на якутском языке при их модельном описании, был предложен Н.И. Винокуровой. Автор подчеркнула, что «циркулирующие в международном сообществе лингвистов лейпцигские правила глоссирования, написанные на английском языке, еще не вошли в широкий научный оборот в якутском языкознании» [Винокурова, 2016, с. 85]. Важно отметить, что моделирование, основанное прежде всего для нужд математической лингвистики, в последнее время получает воплощение в проектах, предназначенных для создания аннотированного корпуса текстов якутского языка. Так, использование методов формального анализа подразумевает разрабатываемый в ИГИиПМНС СО РАН проект «Машинный фонд якутского языка». Математические методы ручной морфологической разметки, а также многие вопросы создания корпуса якутского языка были изложены Н.А. Леонтьевым в соответствующих публикациях [Леонтьев, Неустроев, 2018]. Нужно добавить, что представлены также некоторые результаты аннотирования грамматических форм [см. напр.: Торотоев, Ноговицына, 2017]. Применение метода моделирования в целом открывает доступ к работам на материале якутского языка для широкой аудитории лингвистов и всех интересующихся.

Структурно-семантический аспект изучения грамматического строя якутского языка получил фундаментальную разработку в исследованиях Н.Н. Ефремова. Свое исследование автор расценил как подтверждение высказанной О.Н. Бётлингком идеи о взаимодействии всех уровней языка при функционировании его единиц в синтаксических конструкциях. В них «имеют место пересечения, взаимодействия формальных (морфологических) и функциональных (синтаксических) сторон языка» [Ефремов, 1998, с. 176]. Данная работа в теоретическом отношении важна также тем, что в ней была продолжена традиция интеграции обоих аспектов семантического анализа: структурного и функционального – при исследовании языковой системы.

Функциональная направленность исследований по грамматическому строю якутского языка была обоснована Л.Н. Харитоновым в его положении о главенствующей роли принципа «эмпирический материал – теоретический вывод».

Данный принцип перекликается с концепцией функционализма в лингвистике, которая «исходит из того структура языка объясняется в конечном счете условиями его использования» [Тестелец, 1999, с. 13]. Это положение послужило теоретической базой установившейся традиции интеграции обоих аспектов семантического анализа единиц языковой системы. В русле такого воззрения был написан второй том «Грамматики современного якутского литературного языка», посвященный синтаксису. Данное коллективное исследование проводилось, исходя из представления о том, что «словосочетание является конструктивной основой синтаксического строя якутского языка» [Грамматика…, 1995, с. 12]. На основе этой концепции было дано системное структурное описание типов предложения по простоте, сложности и содержанию. Функциональная сторона языка получила освещение в разделах о коммуникативных типах предложения и синтаксических средствах выражения модальности.

Примером совмещения обоих аспектов семантического направления лингвистики на принципе системности можно назвать коллективное издание «Курс якутской грамматики. Система грамматических категорий и синтаксических конструкций». В этой работе структурно-семантический подход к анализу грамматического строя был основан на концепции о коммуникативном, т.е. функциональном назначении языковых единиц. Авторы исследования исходили из положения о том, что языковая система «предназначена прежде всего для обеспечения коммуникации» [Данилова, Попова, Ефремов, 2004, с. 3].

Серьезное теоретическое обоснование этого подхода, предполагающего изучение языка как в аспекте его структурного устройства, так и функций его единиц, было изложено в трудах Н.Е. Петрова, посвященных функционированию служебных частей речи. Они послужили толчком для интенсификации функционально-семантической парадигмы в якутской грамматической традиции. Принципиально важным для изучения якутского языка оказалось его высказывание о том, что «принцип от значения к форме может верно действовать в том случае, когда выбираются действительно общие, глубинные грамматические значения, которые устанавливаются с помощью обобщения значений» [Петров, 1982, с. 142]. Кроме того, следуя методологическим принципам своего научного руководителя Л.Н. Харитонова, он последовательно придерживался принципа «эмпирический материал – теоретический вывод».

В настоящее время функционально-семантические исследования на материале якутского языка проводятся, исходя из положения о доминирующей роли анализа языкового материала в направлении от смысла к формам его выражения, от функций к средствам их реализации. Базой исследований в данном аспекте явилась теория функциональной грамматики, разработанная А.В. Бондарко. Обзор функционально-семантических исследований на материале якутского языка представлен в работе Н.И. Даниловой «Изучение грамматического строя якутского языка в функционально-семантическом аспекте» [Данилова, 2019].

В целом к настоящему времени рассмотрены функционально-семантические категории якутского языка, представляющие собой выражение универсальных понятийных категорий. По определению А.В. Бондарко, семантические категории составляют содержательную сторону языковой системы и представляют собой «поверхностную» реализацию определенной «глубинной» инвариантной понятийной категории. Такое теоретическое положение перекликается с приведенным выше мнением Н.Е. Петрова о «глубинных грамматических значениях». При этом исследователи придерживаются положения о том, что «понятийные категории получают определенное преломление в системе данного языка, становятся (уже в преобразованном виде) элементами его подсистем, подвергаются влиянию специфических сторон его строя» [Бондарко, 1974, с. 64].

Результаты изучения функционально-семантических категорий на материале якутского языка показали, что они имеют специфические особенности как в базовых способах выражения, так и по структуре и объему содержания. Но вместе с тем рассмотренные категории в якутском языке демонстрируют свойства, характерные для универсальных функционально-семантических полей. В ходе работ были выявлены интересные результаты, которые могут позволить внести некоторые коррективы в уче-

ние о синтаксическом строе якутского языка. К примеру, так называемый «особый тип сложносочиненного предложения», выражаемый формой преждепрошедшего повествовательного времени, в исследовании Н.Н. Ефремова был определен как средство выражения категории миративности [Ефремов, 2018, с. 26]. В качестве семантических составляющих функционально-семантического поля обусловленности проанализированы причинно-следственные и уступительные конструкции [Ефремов, 2015], которые ранее в якутской грамматике рассматривались как отдельные семантические типы сложного предложения.

Значительным в теоретическом и практическом отношении итогом исследований явилось подтверждение на материале якутского языка положения о важной организующей роли глагольного предиката высказывания. Это позволило приступить к исследованию функционально-семантических категорий в связи с лексико-семантической принадлежностью глагольного предиката высказывания. Такой подход исходит из убеждения, что именно глагольный предикат со своими актантами дает возможность представить синтаксическую конструкцию в качестве полноценной коммуникативной единицы. А предикатно-актантные связи строятся на правилах сочетаемости, которые находят свое отражение в соответствующих валентностях глагола. Такой – вербоцентрический – аспект исследования соответствует ведущим теоретическим концепциям современной зарубежной и отечественной лингвистики, в которых проявляется повышенный интерес к проблеме взаимодействия систем грамматики и лексики. В исследованиях по якутскому языку зависимость значения глагольной формы от лексико-семантической принадлежности впервые отметил Л.Н. Харитонов. В исследовании категории залога он писал, что «залоговая форма вступает в более сложное семантическое взаимодействие с лексическим значением основы различных глаголов, образующих эту форму» [Харитонов, 1963, с. 20]. Первым примером исследования в этом аспекте на основе современных семантических теорий по праву можно считать статью Н.И. Поповой. Автор, анализируя примеры синтаксической деривации залоговых конструкций, исходит из мысли, что «глагол-сказуемое является структурообразующим элементом предложения, его конструктивной вершиной» [Попова, 2002, с. 149]. Залоговые конструкции здесь были рассмотрены с позиции теории синтаксической валентности, поскольку «залог, в отличие от других грамматических категорий, является синтаксически значимой» [Там же, с. 157]. Это совершенно справедливое замечание, поскольку важным условием построения и адекватного восприятия синтаксической конструкции любого содержания является соблюдение правил сочетаемости глагола, которые продиктованы его валентностными свойствами. В ходе дальнейших исследований были выявлены некоторые частные моменты семантической модификации залоговых конструкций в зависимости от лексико-семантической принадлежности глагольной основы. К примеру, было установлено, что для формирования реципрокальных конструкций часто используются глаголы негативного воздействия на объект и глаголы межличностных отношений [Данилова, 2016, с. 86]. Интересные и важные в теоретическом отношении результаты показал анализ взаимосвязи показателей многократности действия с признаком предельности/непредельности глагола. Так, выяснилось, что на проявление разных модификаций многократного значения оказывают влияние предельность/непредельность глагола, способ выражения многократности действия и контекст [Самсонова, 2017, с. 153].

Таким образом, оба аспекта семантического изучения грамматического строя якутского языка: структурно-семантический и функционально-семантический – основаны на принципе системности и предполагают подход к языковому факту со стороны соотношения структурного устройства и его функций в речи. При этом принцип «эмпирический материал – теоретический вывод», присущий всем исследованиям якутского языка, в полной мере действует и в проводимых в настоящее время исследованиях. Постулаты основоположников якутской грамматической школы: соблюдение методологических принципов тюркской и российской лингвистики и единство методики анализа – также остаются неизменными. Применение метода модельного представления языкового

устройства способствует расширению аспектов исследования и позволяет представлять его результаты и материалы на типологическом уровне для широкого лингвистического сообщества. Кроме того, постепенное внедрение методов формально-семантического анализа, нацеленного главным образом на создание инструментов для компьютерной обработки языковых данных, позволяет надеяться на развитие корпусных исследований. Продолжение анализа функционально-семантических категорий якутского языка в их взаимодействии с ЛСГ имен и глаголов закладывает перспективу развития исследования якутского языка не только в теоретическом, но и прикладном направлении, в первую очередь, проблем нормирования литературного якутского языка.

Литература

Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной лингвистики (краткий очерк). – М.: Просвещение, 1966. – 300 с.

Апресян Ю.Д. Лингвистические проблемы формального семантического анализа предложения // Структура текста – 81: тез. симпозиума. – М., 1981. – С. 16–20.

Бондарко А.В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике // Универсалии и типологические исследования. – М.: Наука, 1974. – С. 54–79.

Винокурова Н.И. Глоссирование как метод репрезентации текстов в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2016. – № 4 (17). – С. 85–99.

Грамматика современного якутского литературного языка. Ч. 2: Синтаксис. – Новосибирск: Наука, 1995. – 336 с.

Данилова Н.И. Значение взаимного глагола и семантический класс глагола в якутском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 4 ч. Ч. 3. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 10 (64). – С. 85–87.

Данилова Н.И. Изучение грамматического строя якутского языка в функционально-семантическом аспекте // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2019. – № 6. – С. 66–76.

Данилова Н.И., Попова Н.И., Ефремов Н.Н. Курс якутской грамматики. Система грамматических категорий и синтаксических конструкций. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2004. – 202 с.

Данилова Н.И., Попова Н.И. Грамматическая школа профессора Л.Н. Харитонова // Якутский архив. – 2005. – № 2 (17). – С. 25–33.

Ельмслев Луи. Метод структурного анализа в лингвистике // Пролегомены к теории языка. – М.: КомКнига, 2006. – С. 155–157.

Ефремов Н.Н. Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке. – М.: Наука, 1984. – 84 с.

Ефремов Н.Н. Полипредикативные конструкции в якутском языке. Структурно-семантическое описание. – Новосибирск: Наука, 1998. – 193 с.

Ефремов Н.Н. Функционально-семантическая категория обусловленности в якутском языке: причинно-следственные и уступительные отношения (в сопоставлении с казахским и алтайским языками) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 4 (13). – С. 75–82.

Ефремов Н.Н. Функциональные формы глагола якутского языка в исследовании Е.И. Коркиной // Там же. – 2017. – № 4 (21). – С. 117–121.

Ефремов Н.Н. Функциональные формы глагола в исследовании Е.И. Коркиной (в аспекте сложного предложения и функционально-семантических категорий) // Евдокия Иннокентьевна Коркина: биографика и интерпретация научного творчества: сб. науч. ст. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2018. – С. 22–26.

Кошкарева Н.Б. Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – Т. 4, вып. 2. – С. 64–76.

Кошкарева Н.Б. Типовые синтаксические структуры в языках разных систем как отражение единиц языка и речи // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 2. – С. 14–25.

Леонтьев Н.А., Неустроев Н.С. Электронный корпус «Информационный корпус якутского языка» // Информатика, вычислительная техника и управление. Сер.: Естественные и технические науки. – 2018. – № 12. – С. 94–97.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. – 685 с.

Насилов Д.М. Теоретические взгляды О.Н. Бётлингка // О.Н. Бётлингк и тюркское языкознание. – Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. филиал, 2005. – С. 5–30.

Петров Н.Е. О содержании и объеме языковой модальности. – Новосибирск: Наука, 1982. – 160 с.

Попова Н.И. Категория залога в контексте теории синтаксической деривации (на материале якутского языка) // Тюркские и северные языки: матер. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения

Луки Никифоровича Харитонова (Якутск, 25-26 октября 2001 г.). – Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. филиал, 2002. – С. 148–158.

Попова Н.И. Моделирование в изучении предложения в якутском языке // С.А. Новгородов и новое в якутском языкознании. – Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2003. – С. 53–57.

Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. – М., 1998. – Вып. 36. – С. 274–323.

Самсонова Е.М. Предельность/непредельность глагола и семантика многократности действия в якутском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 4 ч. Ч. 4. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 12 (78). – С. 152–155.

Тестелец Я.Г. Предисловие // Теория и типология языка. От описания к объяснению. К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 11–16.

Торотоев Г.Г., Ноговицына А.Н. Лингвистическое аннотирование наклонений глагола якутского языка // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. – 2017. – № 3. – С. 109–120.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. II. Сложное предложение. Кн. вторая. – Новосибирск: Наука, 1976. – С. 219–288.

Харитонов Л.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 120 с.

Черемисина М.И. Простота, сложность и осложненность предложения // О.Н. Бётлингк и тюркское языкознание. – Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. филиал, 2005. – С. 122–128.

N.I. Danilova

Semantic methods in the study of the Yakut Language

The article is a brief descriptive review of studies on the grammatical system of the Yakut language, which were carried out in structural-semantic and functional-semantic aspects. Both aspects of grammar belong to the semantic direction of linguistics, which studies the meaning of the structural units of language in terms of their systemic organization. The methods and techniques of structural and functional semantics have undergone serious testing and have been thoroughly developed on the basis of the Yakut language. The first fundamental work written from a systemic point of view was the famous work by O.N. Bötlingk entitled “On the language of the Yakuts”. The tradition of integrating the structural and functional aspects of the study of the Yakut language was consistently carried out by L.N. Kharitonov and representatives of the grammar school founded by him. The formation of the theoretical basis of structural-semantic research was largely facilitated by the idea about the basic role of a simplex sentence, as expounded in the studies of E.I. Ubryatova. The method of structural-semantic modeling with respect to the syntactic constructions of the Yakut language was substantiated in the works by N.N. Efremov and N.I. Popova. Recently, the Yakut grammar has been developing in a functional-semantic aspect, which involves the study of the language based on the principle “from meaning to the forms of its expression”. An important theoretical and practical result of research in this direction was the confirmation, based on the data from the Yakut language, of the position on the important organizing role of the verb predicate of utterance. This allowed us to begin the study of functional-semantic categories in their connection with the lexical-semantic affiliation of the verb. In general, the study of the grammar of the Yakut language has prospects for development in relevant linguistic paradigms using new scientific methods that have an extensive interdisciplinary output.

Keywords: Yakut language, grammar, syntax, semantics, structure, modeling, verb.

К.Н. Стручков

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.010
УДК 811.512.212’373.613

Монгольские лексические заимствования в эвенкийском языке

Настоящая статья посвящена характеристике функционирования монгольских лексических заимствований в эвенкийском языке.

Анализ лексики современного эвенкийского языка показывает наличие в нем большого количества монголизмов, вошедших в разное время и во все три наречия языка. Древние эвенки находились в течение длительного исторического времени во взаимодействии с монголоязычными народами, в результате чего в лексику эвенкийского языка проник большой пласт монгольских лексических заимствований, что подтверждают исторические связи эвенков с этими народами.

Место заимствованного слова определяет в системе языка эвенков его социолингвистическая природа, т.е. наличие социального взаимодействия и единство языковых признаков. Результаты исследования показывают, что заимствованное слово обрастает всеми качествами «принимающего» языка-реципиента и становится единицей лексического уровня эвенкийского языка.

При этом фонетический облик монголизмов практически не изменился. В морфологическом отношении большинство анализируемых слов также не претерпело каких-либо значительных изменений. Часть монголизмов в эвенкийском языке подверглась семантическому переосмыслению (сужение или расширение значения), другая часть монгольских заимствований сохраняет свои значения.

Научная новизна состоит в максимально широком привлечении круга источников языкового материала, выявлении функционирования монгольских заимствований в языке эвенков в социолингвистическом аспекте.

Ключевые слова: эвенкийский язык, монгольский язык, бурятский язык, языковые контакты, взаимовлияние, лексические заимствования, сравнительное исследование, словарный состав.

Проблема языковых контактов бурятского и эвенкийского этносов до недавнего времени почти не изучалась. В широком плане эта тема отражается в трудах таких ученых-алтаистов, как Г.И. Рамстедт [1957], В.Л. Котвич [1962], N. Poppe [1965], В.И. Цинциус [1949; 1972; 1979], Doerfer [1985].

В бурятском языкознании имеются работы, где анализируется вопрос о влиянии тунгусо-маньчжурских языков на звуковой строй бурятского языка. Так, И.Д. Бураев [1976; 1987; 1989], учитывая топонимистические и фольклорные данные, пишет в своих работах о возможном эвенкийском субстратном влиянии на бурятский язык, а именно о появлении фарингального h на месте исконного s, об интонационном изменении, о причинах отсутствия аффрикат в бурятском языке. О роли тунгусо-маньчжурских языков в формировании фонетического строя бурятского языка пишет и В.И. Рассадин. Он высказывает мнение о том, что тунгусо-маньчжурские черты в звуковом облике своего языка, особенно в системе гласных, протобуряты принесли на новую территорию своего обитания, в Прибайкалье. Здесь эти черты закрепились и усилились под вторичным влиянием тунгусо-маньчжурского языка, на этот раз эвенкийского, а также аборигенных языков других групп. Однотипные черты ввиду отсутствия вторичного влияния тунгусо-маньчжурских языков исчезли у халха-монголов и ойратов. Однако при этом он считает, что вопрос о том, какими были языки, способствовавшие столь сильному развитию тенденции ослабления напряженности артикулирующих органов, вызвавшие утрату бурятским языком аффрикат и переход *s* в *h* и *d’*, остается открытым. Аналогичная тенденция прослеживается в сибирских тюркских языках. В эвенкийских же диалектах и говорах смычный *к* и аффрикаты *ч* и *j’* сохра-

© Стручков К.Н., 2020

няются. В этой связи примечательным является то, что в тех эвенкийских говорах, которые соседствуют с бурятскими, исконный тунгусо-маньчжурский *s* либо дал *s,* либо сохранился, поскольку эти эвенкийские говоры в своей основе являются ссекающими говорами, хотя и включают некоторые черты, характерные для восточной группы эвенкийских говоров, у которых только интервокальный s переходит в h, а анлаутный s сохраняется [Рассадин, 1982, с. 169–171].

При столкновении двух языковых систем наиболее проницаемой и подверженной внешним воздействиям является лексическая область языка. Сравнительное исследование словарного состава бурятского и эвенкийского языков было начато относительно недавно. Сохранение эвенкийских слов в говоре хамниган отмечалось в работах Д.Г. Дамдинова [1968, с. 88; 1977, с. 42; 1995, с. 59]. Д.Г. Дамдинов представляет комплексное решение проблемы контактирования двух языков на анализе большого лексического материала: бурятские хроники, бурятские родовые названия, топонимика этнической Бурятии и в целом словарный состав бурятского языка и его говоров. Ценность его исследования заключается и в том, что он выделяет в основном маньчжурские и эвенкийские элементы в бурятском языке, поскольку науке в большей степени известны работы вообще по монголизмам в тунгусо-маньчжурских языках, хотя некоторые из выявленных им заимствований, на наш взгляд, являются спорными в определении источника заимствования. Интересным в плане этнического взаимовлияния бурятского и эвенкийского народов является анализ бурятских родовых названий, среди которых автор выявляет 17 родов с эвенкийскими названиями. Другой исследователь лексики бурятского языка и его диалектов Ц.Б. Будаев [1978] представляет в общем те же заимствования и приводит собственные эвенкизмы, большая часть которых не вызывает сомнений в их эвенкийском происхождении. Иная интерпретация проблемы языкового взаимодействия двух рассматриваемых этносов предлагается В.И. Рассадиным [1987; 1989; 1996, с. 157–158].

По его мнению, которого мы и будем придерживаться в нашем исследовании, более объективных и конструктивных результатов в решении данного вопроса можно добиться при обращении к общемонгольскому и общетунгусо-маньчжурскому материалу. В этом плане необходимо особо отметить самый крупный и богатый по содержанию коллективный труд группы исследователей под руководством В.И. Цинциус – «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (ССТМЯ). Здесь помимо общего тунгусо-маньчжурского лексикона приводятся и лексические параллели из других как алтайских, так и неалтайских языков, и по возможности определяется язык-источник заимствования. Авторы этого словаря предлагают для дальнейших алтаистических изысканий проводить обзор словарного запаса языков алтайской семьи по широким тематическим разделам, что позволяет убедительно и основательно осуществлять этимологический анализ. Эта методика представлена в других их коллективных работах [Очерки..., 1972; Исследования…, 1979; Алтайские этимологии, 1984], однако хронология монгольских лексических соответствий дается имплицитно. В некоторой степени конкретные хронологические рамки установлены в работах В.И. Рассадина [1982; 1987, 1989; 1996], Д.М. Берелтуевой [1985; 1990].

Весьма важным в научном плане нам представляется исследование лексики эвенкийского языка с точки зрения выявления в нем монголо-бурятских заимствований, а также установления влияния тунгусо-маньчжурских языков на лексику бурятского языка, определив при этом круг общей монголо-тунгусо-маньчжурской лексики.

В 2012 г. вышла из печати работа Г.Н. Чимитдоржиевой «Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики)», в которой автор рассматривает бурятско-эвенкийские языковые связи в историческом плане. В результате анализа фактического материала и с учетом богатейшего опыта предшественников выделены, с одной стороны, монгольское и собственно бурятское влияние на эвенкийский язык и определена его хронология, а с другой – влияние тунгусо-маньчжурских языков и собственно эвенкийского на бурятский. Автор стремится выработать критерии для определения монголизмов и тунгусо-маньчжуризмов и на их основе установить объем и характер заимствованной лексики этих языков. Автором монографии

монгольские заимствования в эвенкийском языке сгруппированы по темам внутри каждой части речи – существительное, прилагательное, глагол, наречие, междометие [Чимитдоржиева, 2012, с.124].

В своем исследовании мы выявили 380 монгольско-эвенкийских лексических параллелей, вошедших в эвенкийскую лексику через бурятский язык. По всей видимости, они появились, когда предки бурят в составе других монгольских племен ушли на запад и оказались в Прибайкалье, где снова встретились со своими дальними родственниками – эвенками.

Взаимодействие иноязычного слова с языковой системой эвенкийского языка и средой функционирования сказывается на его семантических трансформациях и влияет на словообразовательные процессы, что вполне естественно, так как среда функционирования заимствованного слова – это инокультурная для него среда.

Проведенные опрос и интервьюрирование носителей языка, касающиеся семантики лексем, выявили полную степень освоения большинства иноязычных лексических заимствований [ПМА, 2013].

Семантическая адаптация заимствованных монгольских слов показывает, насколько глубоко они вошли в лексику эвенкийского языка. Монголизмы выявляются во всех трех наречиях эвенкийского языка, одни из них носят общетунгусо-маньчжурский характер, другие встречаются в единичных случаях в говорах эвенкийского языка. Есть такие, которые проникли в эвенкийский через якутский язык. Многие слова были заимствованы без изменений в фонетике и семантике. В лексико-семантическом плане они могут быть сгруппированы внутри каждой части речи, например, существительные – в три группы, глаголы – в пять групп и т.д. Анализ семантической адаптации монгольских слов показывает, что большинство из них не меняет своей семантики. В некоторых случаях произошли заметные сдвиги в значениях слов: сужение значения слова – монг. *аян* – ′дальний путь, поездка, путешествие, дорога′ в эвенкийском имеет только конкретизированное значение – ′путь (пройденный)′; другие слова расширили значение – *кирипчу* ′грязь, гадость, пакость; грязный, гадкий, противный′; в монгольском *′грязь′*.

Именное и глагольное словоизменения рассматривались как элементы грамматической адаптации. Монгольские заимствования изменяются по числам (ед.ч., мн.ч.); склоняются по всем формам эвенкийских падежей, образуют лично-притяжательные и возвратно-притяжательные формы имен существительных. От заимствованного слова может быть образован глагол. Это происходит с помощью стандартных для эвенкийского языка словообразовательных суффиксов. Глаголы, образованные от заимствованных существительных, изменяются по категориям времени, лица и числа, наклонения и т.д. и тем самым полностью включены в систему эвенкийского языка.

Таким образом, контактирование эвенков с монголоязычными народами повлияло на развитие лексики эвенкийского языка, обогащая ее все новыми и новыми лексемами.

Б.В. Золхоев в монографии «Монголоязычное население Байкальской Азии во II–XVII вв. История и проблемы» разделяет точку зрения В.И. Рассадина и подтверждает ее лингвистическим материалом. Проанализировав «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков», автор обнаружил 988 параллелей в эвенкийском, маньчжурском и бурятском языках, из них 373 слова имеют параллели во всех трех языках, 235 – только в бурятском и маньчжурском, 380 – в бурятском и эвенкийском [Золхоев, 2012, с. 100–101]. Автор предполагает, что первая группа слов сохранилась с раннего этапа эволюции, когда монгольские и тунгусо-маньчжурские племена развивались в составе единого языкового союза; вторая группа возникла после ухода тунгусских племен в таежную зону, третья – при возвращении предков бурят в Прибайкалье, где они снова встретились с дальними родственниками – эвенками. Анализ слов первой группы позволил констатировать, что в ней нет названий культурных растений, т.к. монгольские, маньчжурские и эвенкийские племена не занимались земледелием. Но имеются 20 названий домашних животных: адуун ′скот′, агта мерин, азарга ′жеребец′, буха ′бык′, гунан бычок трех лет′, дунжэн ′корова четырех лет, жороо ′иноходец′, ямаан ′коза′, инзаган ′козленок′, эрье ′кастрированный баран′, хонин ′овца′, хуса ′баран′, хэнзэ ′поздний ягненок′, морин ′лошадь′, мэгэжэ ′самка дикой свиньи′, тугал ′теленок′, тэ-

мээн ′верблюд′, унаган ′жеребенок′, ухэр ′бык′, элжэгэ ′осел′.

По мнению автора, предки эвенков были знакомы с зачатками скотоводства, но с уходом в тайгу утратили эти навыки.

Автор пишет, что эвенки появились в т.н. «глазковское время», примерно 3800 лет назад, в эпоху бронзового века. Таким образом, они проживали в Прибайкалье почти за два тысячелетия до бурят.

Г.Н Чимитдоржиева в монографии «Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики)» [2012] в результате анализа фактического материала и с учетом опыта лингвистов выделила, с одной стороны, монгольское и бурятское влияние на эвенкийский язык и определила его хронологию, а с другой – влияние тунгусо-маньчжурских языков и собственно эвенкийского на бурятский. Среди лексических заимствований из монгольских языков в эвенкийский выделила различные пласты заимствований: древнейшие, средневековые, сохранившие особенности среднемонгольского языка, поздние монгольские и бурятские, а также выявила влияние тунгусо-маньчжурских и эвенкийского на бурятский язык.

Б.В. Золхоев, разделяя точки зрения Н. Поппе и В.И. Рассадина о существовании некоего единого языкового (племенного) союза монгольских и тунгусско-маньчжурских племен, предлагает уточнить урало-алтайскую гипотезу новыми данными. Языки надо делить не на две группы, а на три: западная группа – уральские (угро-финские) языки; центральная – алтайские (тюркские) языки; восточная группа – монгольские, тунгусо-маньчжурские языки. Сюда же автор относит корейский и японский языки.

Как уже отмечалось, известно, что предки эвенков появились в Прибайкалье в т.н. «глазковское время» (XVII–XIII вв. до н.э.), т.е. в эпоху бронзового века примерно 3800 лет назад. Вероятно, причиной их экспансии по тайге на запад и север был поиск новых охотничьих угодий.

Поскольку они располагали бронзовыми орудиями труда и вооружением, то имели несомненное преимущество перед коренным населением региона, еще находящимся на стадии развития неолита, (палеоазиатами, возможно самодийцами), вооруженным каменными орудиями. Предки эвенков освоили огромную территорию тайги – от Амура до Ледовитого океана и почти до Урала.

Таким образом, они проживали в Прибайкалье почти за два тысячелетия до бурят; монголо-тунгусо-маньчжурский языковой и, возможно, племенной союз существовал до их выхода с Дальнего Востока, т.е. до XVIII в. н.э. В результате в современном эвенкийском языке появились монголо-эвенкийские параллели.

Прежде всего, нужно сказать, что изучение типологии и систем различных языков является значительным достижением языкознания [Нелюбин, 2012, с. 8], что позволяет выделять различные группы заимствований, которые подразделяются на фонологическую, фонетическую, морфологическую, лексическую [Там же, с. 30].

Немногие монголизмы при переходе в эвенкийский язык изменили свое внешнее выражение. Основной причиной изменения облика слова является отсутствие фонологических, фонетических, морфологических, синтаксических, лексических выражений лексемы в эвенкийском языке.

Вкрапления же выполняют чисто номинативную роль. Они характеризуют степень знакомства говорящего с иностранным языком, их употребление во многом мотивируется некоторыми стилистическими или жанровыми особенностями речи. В настоящее время весьма характерна тенденция употребления иноязычных вкраплений без переводов, комментариев или оговорок, «...как бы в расчете на достаточную осведомленность и квалификацию аудитории» [Крысин, 1996, с. 61].

Анализ семантической адаптации монгольских слов в эвенкийском языке показал, что большинство монгольских заимствований в основном не изменяют своей семантики. Однако в некоторых случаях произошли заметные сдвиги в значениях слов. Например, некоторые полисемантичные слова были заимствованы эвенкийским языком лишь в одном из их значений, более конкретизированном:

аjан «путь (пройденный)» < монг.; ср. п.-мо. *ayan,* х.-м. *аян,* бур. *ая(n)* «дальний путь, дорога, поездка, путешествие», калм. *аян уст*. «военный поход»; аjил «сосед» < монг.; ср. п.-мо. *ayil* «аил, селение; юрта, дом; сосед», х.-м. *айл,* бур. *айл* «аил, группа юрт; юрта, дом; семья; соседи», калм. *әәл* «аил, хотон, селение; устар. се-

мья, семейство; двор, хозяйство; соседи; гость»; арга «возможность» < монг.; ср. п.-мо. *агуа,* х.-м. *арга* «средство, способ; уловка, ухищрение», бур. *арга* «средство, возможность, способ; ловкость, уловка, хитрость», калм. *aph* «возможность, способ, прием; способность, умение»; дōӡи ~ *доӡи* «первинка (первая лучшая часть туши при дележе убитого зверя)» <монг.; ср. п.-мо. *degeji,* х.-м. *дээж,* калм. *дееж;* «почетное угощение (напр., первый кусок мяса, первая чашка чая, которые ставились в качестве жертвоприношения перед бурханом)», бур. *дээжэ* «лучшая часть, лучший кусок; проба»; јавудал «поступок, происшествие» < п.-мо *yabudal* «ход, действие, поступок»; ср. х.-м. *явдал* «ход, походка; положение; действие, поступок», бур. *ябадал* «ход, походка; положение; дело, действие, поступок», калм. *йовдл* «ход, походка; депо, занятие, поступок»; јэндōр ~*јэндэр* «пол» < монг.; ср. п.-мо. *inder* ~ *yende,* х.-м. *индэр,* бур. *ендэр* «помост, возвышение», калм. *дендр* «постамент»; кōлај «труба с изгибом» < монг.; ср. п.-мо. *qoyulai,* х.-м .*хоолой* «горло, труба», бур. *хоолой* «горло; труба, дымоход»; сувэ «ушко (игольное)» < монг.; ср. п.-мо. *sübe,* бур. *һүбэ* «дырочка, ушко; узкое отверстие, проход, щель, скважина», х.-м. *сүв* «дырочка, ушко», *зүүний сүв* «игольное ушко; узкое отверстие, проход, щель»; ујан «мягкий (о металле)» < монг.; ср. п.-мо. *иуап,* х.-м. *уян* «гибкий, упругий; мягкий, эластичный», бур. *уя(н)* «мягкий, гибкий, упругий; слабый (о характере)»; чачалӣ «брызги вина (в жертву духам)» < монг.; ср. п.-мо. čača- «брызгать, кропить», х.-м. цаца- «брызгать, опрыскивать», бур. саса- «брызгать чем-л., разбрызгивать; кропить, прыскать; разбрасывать, раскидывать; рассыпать»; эргӯлгэ «кожемялка» < монг.; ср. п.-мо. ergigülgen, х.-м. эргүүлэг «ворот, лебедка; водоворот, пучина», бур. эрьюулгэ «вращение, поворот; ворот; водоворот; кожемялка».

Другие же монгольские слова, наоборот, расширили свои первоначальные значения уже на почве эвенкийского языка, например:

ājannā- «ездить, переезжать (с места на место), странствовать, путешествовать; перелетать (о птицах)» < монг.; ср. п.-мо. х.-м. аяла-, бур. аял- «отправиться в путь; путешествовать»; анни, ан, анди, анивки, аңир «утка-чернеть, турпан, рябчик; название птицы (из семейства ворон)» < монг.; ср. п.-мо. anggir, х.-м., бур. ангир, калм. әңгр «турпан»; бутун «целый, нетронутый; несломленный, невредимый» < п.-мо. bütün, х.-м., бур. бүтэн, калм. бүтн «весь, целый; исправный»; дэсун, дэһун «веревка; петля; аркан» < монг.; ср. п.-мо. degesūn «веревка», х.-м. дээс(эн), бур. дээһэ(н), калм. деесн «веревка (из конского колоса)»; ӡүүу «направление; прямая линия» < монг.; ср. п.-мо. ǰüg, х.-м., калм., бур. зүг «направление, сторона»; кадāсун «гвоздь, столб, свая» < монг.; ср. п.-мо. qadaγasun «гвоздь», х.-м. хадаас(ан) «гвоздь; прибивка», бур. хадааһа(н) «гвоздь», калм. хадасн «гвоздь; сучок (дерева)»; калган, кāлгэ, һалган «подпора, свая (у двери в жилище); дверь (прикрепленная к косяку); ставни» < монг .; ср. п.-мо. qaγalγa, х.-м. хаалга(н) «ворота, дверь», бур. хаалга «ворота; дверца, калитка»; (тунк.) «ставни (на окнах)»; (бох.) «крышка (котла)»; кири(н), кирипчу «грязь, гадость, пакость; грязный, гадкий, противный» < монг.; ср. п.-мо. kkir, х.-м. хир, бур. хирэ «грязь»;, колбо- «складывать продукты, вещи на лабаз, надеть, нанизать», колбон-, һолбо- «соединяться» < п.-мо. qolbu-, х.-м., бур. холбо- «соединять, связывать, сочетать»; мургу- «кланяться, приветствовать; жаловаться (в суд); молиться», муггулэ- ~ мургулэ- «бодать» < монг.; ср. п.-мо. mōrgü- «кланяться, бодать», х.-м. мөргө- «низко кланяться, молиться», бур. мургэ- «стукаться; ударяться; перен. кланяться, молиться; подавать жалобу; бодать»; токум «потник; подстилка (на нарах)» < монг.; ср. п. мо, toqum «потник (под седло); седло», х.-м., бур. тохом «потник, войлок (под седло)»; тōлēн ~ толең «диск (металлический); блестящий предмет» < монг.; ср. ср.-мо. tolui «зеркало», п.-мо. tolin «зеркало, металлический диск», х.-м. толь (толин) «зеркало; круглая бляха», калм. толь «зеркало», бур. толи «зеркало; тарелка (большая, чаще металлическая)»; эрдэ, эртэ «рано утром», эрдэкӯн, эрдэлтэнэ «рано утром заблаговременно» < монг.; ср. п.-мо. *erte, х.-м.,* калм. *эрт(эн),* бур *эртэ* «рано; прежде, в старину; ранний; древний».

Многие слова, попав в эвенкийский язык, подверглись семантическому переосмыслению. В этой группе слов наблюдаются различные переносы значений, чаще по сходству, например:

анңак «привычное место», ан’ңу «занятие» < монг.; ср. п.-мо. ang, бур. ан зан «нравы, обычаи, привычки», х.-м. ан(г) зан «нравы и обычаи»; бадара «лесной пожар», бадара- «гореть (о

лесе)» < монг.; ср. п.-мо. badara-, х.-м. бадра- «гореть пламенем», бур. бадар- «разгораться, пылать», калм. бадра- «пылать»; бāткāн- «принять устойчивое положение (для выстрела)» < монг.; ср. п.-мо. batu, х.-м. бат, калм. бат «крепкий, прочный, устойчивый», х.-м. бататга- «укреплять», бур. бата «крепкий, прочный», батадха- «укреплять»; була- «испечь (в золе), изжарить (на угольях)» < монг.; ср. п.-мо. bula-, х.-м., бур. була- «зарывать, засыпать, закапывать», бур. буламар (мух.-шиб.), булаша (хорин.) «лепешка, калач (выпеченный в горячей золе)», калм. бул- «зарывать, засыпать, закапывать; печь»; бумбукэ «шарик (из теста), булочка» < монг.; ср. п.-мо. bömbüge, х.-м. бөмбөг «мяч, мячик», бур. бүмбэгэ «шар, мяч, мячик», калм. бөмбг спорт., «ядро»; дурун «узор, вышивка» < монг.; ср. п.-мо. düri, х.-м. дүр «образ, облик, вид, фигура», п.-мо. dürsü(n), х.-м. дүрс(эн) «изображение, вид, форма», бур. дүрэ, зап. дүрһэ(н) «образ, облик, вид, фигура», калм. дүр «внешний вид, образ; вид, форма», дүрсн «внешний вид, изображение, очертание»; кариц «вдруг» < п.-мо. qarin «но, однако, напротив», х.-м. харин «однако, только, но, а; все же, именно», бур. хари(н) «однако, только, но, а»; кокирā- «пересохнуть (о коже для выделки)» < монг.; ср. ср.-мо. qoqira- «засохнуть», п.-мо. qoqir, х.-м., бур. хохир «сухой навоз»; кото «зоб (птичий)» < п.-мо. qoduγādu ~ qoduγūdu «желудок», н-м. хот, ходоод(он) «желудок», бур. хото, хотоодо «желудок», калм. хот «зоб (у птицы)»; кукūн «невестка (жена сына, жена младшего брата)» < монг.; ср. п.-мо. кейкеп, х.-м. хүүхэн, калм. күүкн «девушка, девочка, дочь», бур. хүүгэ(н) «дитя, ребенок; девушка, девочка», дочь»; мукэрū «чурка; бревно (обтесанное)» < монг.; ср. п.-мо. moquri-, х.-м. мухри- «катиться, валяться, опрокидываться», бур. мухири- «катиться, валяться»; hара «клин (посредине лука)», hāрэн, hарон «лука (оленьего седла)» < монг.; ср. п.-мо. aral, ср.-мо. haral «оглобля, корпус телеги», х.-м. арал «оглобля, корпус телеги, шасси», бур. арал «оглобля, телега, арба»; чабидар, чабедар, шабǯан, шэбдэндрэ «песец», «лисица (с белой гривой и хвостом)», «соболь» < монг.; ср. п.-мо. čabdar, х.-м. цавьдар «игреневый (рыжий со светлой гривой и хвостом)», бур. сабидар, калм. цэвдр «игреневый (жеребец, конь)»; эрӯ (урӯ) «плохой, вредный; плохо; зло, горе, беда, проступок» < монг.; ср. п.-мо. eregüü, х.-м. эрүү «пытка; преступление».

Таким образом, наличие значительного количества монгольских лексических заимствований, проникших в различные области лексики (особенно прилагательные, наречия и большое число глагольных основ), свидетельствует о древности, глубине и широте связей предков эвенков с монголоязычными группами. По фонетическому облику монголизмы эвенкийского языка не имеют существенных отличий от их оригиналов. В морфологическом отношении большинство анализируемых слов не претерпело каких-либо значительных изменений. Что касается семантической освоенности монгольских заимствований, то наряду с тем, что значительная их часть так или иначе сохраняет свои значения, многие участвуют в процессах развития семантики.

Анализ лексики современного эвенкийского языка показывает большой пласт монгольских лексических заимствований, проникших в различные области эвенкийской лексики, что вне сомнения говорит об исторических связях предков эвенков с монголоязычными группами племен Забайкалья и Прибайкалья, уходящих в глубину неолитического времени.

Заимствованная лексика проходит успешно все этапы освоения, причем стадия экзотичности у современных заимствований не наблюдается, поскольку заимствованное слово приходит в эвенкийский язык вместе с реалией. Все заимствования соотнесены с определенными грамматическими классами и категориями: они имеют число, падеж и практически все употребляются в соответствии с грамматическими нормами эвенкийского языка.

Литература

Алтайские этимологии. – Л., 1984. – 225 с.

Берелтуева Д.М. Монгольские заимствования в производственной лексике баргузинских эвенков // Лексика тунгусо-маньчжурских языков Сибири. – Новосибирск, 1985. – 133 с.

Берелтуева Д.М. Производственная лексика баргузинских эвенков: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Л., 1990. – 20 с.

Будаев Ц.Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. – Новосибирск, 1978. – 300 с.

Бураев И.Д. Фарингальный h в бурятских диалектах // Языки и топонимия: сб. ст. – Томск, 1976. – С. 68–70.

Бураев И.Д. Становление звукового строя бурятского языка. – Новосибирск, 1987. – 183 с.

Бураев И.Д. Результаты языковых контактов в околобайкальском регионе // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск, 1989. – С. 132–145.

Дамдинов Д.Г. Этнолингвистический очерк хамниганского говора // Исследование бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1968. – Вып. 2. – 196 с.

Дамдинов Д.Г. О языке закаменских (армакских) хамниган // Исследование бурятских и русских говоров. – Улан-Удэ, 1977. – С. 40–46.

Дамдинов Д.Г. Язык ононских хамниган (историко-лингвистическое исследование). – Улан-Удэ, 1995. – 59 с.

Золхоев Б.В. Монголоязычное население Байкальской Азии во II–XVII вв. История и проблемы. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2012. – 138 с.

Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л., 1979. – 262 с.

Котвич В.Л. Исследование по алтайским языкам. – М., 1962. – 371 с.

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. – М., 1996. – 378 с.

Нелюбин Л.Л. Сравнительная типология английского и русского языков. – М.: Флинта, 2012. – 152 с.

Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. – Л., 1972. – 362 с.

ПМА – полевые материалы автора, проведенные в 2013 г. в Республике Бурятия.

Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Морфология. – М.: Изд-во иностр. лит., 1957. – 255 с.

Рассадин В.И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М., 1982. – 212 с.

Рассадин В.И. Влияние тюркских и тунгусо-маньчжурских языков на формирование лексического состава бурятского языка // Актуальные проблемы современного монголоведения. – Улан-Батор, 1987. – С. 169–183.

Рассадин В.И. О тунгусо-маньчжурских элементах в монгольских языках // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск, 1989. – С. 145–152.

Рассадин В.И. Присаянская группа бурятских говоров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 1996. – 214 с.

ССТМЯ – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. – Л.: Наука, 1975. – Т. I. – 672 с.; Т. II. – 992 с.

Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. – Л., 1949. – 342 с.

Цинциус В.И. Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. – Л.: Наука, 1972. – 353 с.

Цинциус В.И., Бугаева Т.Г. К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л., 1979. – 263 с.

Чимитдоржиева Г.Н. Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 211 с.

Щербак А.М. О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. – 1966. – № 3. – С. 21–35.

Doerfer G. Mongolo-Tungusica. – Wiesbaden, 1985. – 100 с.

Poppe N. Introduction to Altaic linguistics. – Wiesbaden, 1965. – 40 с.

K.N. Struchkov

Mongolian lexical borrowings in the Evenk language

This article is devoted to the characterization of the functioning of the Mongolian lexical borrowings in the Evenki language in the sociolinguistic aspect.

Analysis of the vocabulary of the modern Evenki language shows the presence in it of a large number of Mongolisms, which entered at different times and in all three dialects of the language. The ancient Evenks were in a long historical time in interaction with the Mongolian-speaking peoples, as a result of which a large layer of Mongolian lexical borrowings penetrated the vocabulary of the Evenki language, which confirms the historical ties of the Evenks with these peoples. The place of the borrowed word in the Evenki language system is determined by its sociolinguistic nature, i.e. the presence of social interaction and the unity of linguistic characteristics. The results of the study show that the borrowed word is overgrown with all the qualities of the "receiving" recipient language and becomes the unit of the lexical level of the Evenki language. At the same time, the phonetic appearance of the Mongolisms practically did not

change. In morphological terms, most of the analyzed words also did not undergo any significant changes. Some of the Mongolisms in the Evenki language underwent semantic rethinking (narrowing or broadening of the meaning), another part of the Mongolian borrowings retains their meanings.

Scientific novelty consists in attracting the widest possible range of sources of linguistic material, revealing the functioning of Mongolian borrowings in the Evenki language in a sociolinguistic aspect.

Keywords: Evenki language, Mongolian language, Buryat language, language contacts, mutual influence, lexical borrowings, comparative study, vocabulary.

Е.В. Сундуева

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.011
УДК 811.512.3’373

Отражение лексики карточной игры в переводах повести «Пиковая дама» А.С. Пушкина на монгольские языки

В статье рассматривается перевод лексики карточной игры повести «Пиковая дама» А.С. Пушкина Д. Нацагдоржем, В.Л. Егоровым и М.Ж. Батоином на монгольский и бурятский языки по мере ее появления в тексте повести. Актуальность темы объясняется недостаточной степенью изученности практики перевода русской классики на языки республик бывшего СССР и азиатских народов. В.Л. Егоров в большинстве случаев предпочитает сохранить иноязычное слово, при этом лишь два из них (мирандоль, руте) снабжены комментариями. Подобный подход продиктован близостью бурятского народа к русской культуре, о чем также свидетельствует большое количество русизмов в бурятском варианте. Перевод В.Л. Егорова, несмотря на небольшие неточности, никак не влияющие на собственно содержательную часть, на наш взгляд, в достаточной мере передает насыщенность языка Пушкина. М. Батоин при переносе повествовательной прозы на язык театра в пьесе «Елбэрэй хатан» не использует иноязычные слова, поскольку они могут затруднить «проживание» текста зрителем. Если В.Л. Егоров придерживался принципа форенизации, сохраняя иностранные культурные и языковые ценности, то М. Батоин, напротив, использует метод доместикации, сокращая текст оригинала и делая акцент на культурных ценностях бурятского языка. Д. Нацагдорж при передаче лексики карточной игры использует как заимствования (Пароли-пе, фараон, вист) с обязательными комментариями в виде постраничной ссылки, так и дословный перевод, умеренно адаптируя текст оригинала. Д. Нацагдорж стремился передать русский мир в собственно монгольских, незаемных образах, используя национальные традиции.

Ключевые слова: перевод, Пушкин, монгольские языки, повесть, лексика карточной игры, комментарий, образность, оригинал.

Повесть А.С. Пушкина «Пиковая дама», опубликованная в журнале «Библиотека для чтения» в 1834 г., стала одним из первых произведений русской литературы, переводившихся, на иностранные языки классиками европейской литературы. В частности, Е.А. Разлоговой проанализированы 16 французских переводов повести, в том числе П. Мериме [Разлогова, 2012]. Цель данной статьи состоит в выявлении приемов, использованных при переводе повести на монгольский и бурятский языки, а также степени влияния на них историко-культурного контекста. Актуальность данной статьи объясняется недостаточной степенью изученности практики перевода русской классики на языки республик бывшего СССР и азиатских народов.

В личном фонде одного из основоположников монгольской литературы Дашдоржийн Нацагдоржа, хранящемся в Институте языка и литературы Академии наук Монголии, имеется документ за подписью заведующего общим отделом Амгалана, подтверждающий, что перевод повести на современный монгольский язык

© Сундуева Е.В., 2020

под названием «Гилбэрийн хатан» был осуществлен Д. Нацагдоржем. Однако по причине утраты некоторых частей перевода Д. Нацагдоржа Шагдаржавын Нацагдорж дополнил и в 1949 г. опубликовал перевод в соавторстве в книге «А.С. Пушкин», вышедшей к 150-летию со дня рождения поэта [Нацагдорж, 2006, с. 250–251].

На бурятский язык повесть была переведена В.Л. Егоровым к 100-летию со дня гибели поэта и опубликована отдельным изданием «Гилбэрэй хатан» в 1937 г. на латинском алфавите [Ryyşkin, 1937]. К сожалению, сведений об авторе первого и единственного перевода «Пиковой дамы» на бурятский язык обнаружить не удалось. Также в 1999 г. к 200-летию со дня рождения поэта в газете «Буряад үнэн» был издан отрывок (первая часть) из пьесы «Елбэрэй хатан» на бурятском языке в переводе М.Ж. Батоина [Батоин, 1999]. На калмыцкий язык повесть не переводилась.

Творчеству Дашдорджийн Нацагдоржа, в том числе его переводческой деятельности, посвящено диссертационное исследование К.Н. Яцковской [1972]. Ее монография представляет собой наиболее полный источник сведений о жизни и творчестве выдающегося поэта, драматурга, переводчика Монголии XX в. [Яцковская, 1974]. К 100-летию со дня рождения Д. Нацагдоржа вышла статья, в которой К.Н. Яцковская, анализируя его переводы А.С. Пушкина, отмечает: «Переводы Нацагдорджа, сразу ставшие литературным явлением, отличает редкая при переложении на монгольский язык близость к оригиналу. Главное для Нацагдорджа, … сохранить художественную действительность подлинника. Он не пренебрегает ни малейшей подробностью текста, чрезвычайно избирателен в изобразительных средствах, всецело подчиненных глубине художественного замысла» [Яцковская, 2007, с. 17].

В Монголии переводы поэтических и прозаических произведений А.С. Пушкина Д. Нацагдоржем изучались Р. Гурбазаром [1976; 1982], Х. Пэрлээ [1972], А. Шархуу [1976], С. Галсаном [1986] и др. Р. Гурбазар защитил диссертацию «Некоторые вопросы художественного перевода» на материале переводов произведений А.С. Пушкина [1980]. На бурятский язык творчество А.С. Пушкина, в основном поэтическое, переводилось М. Батоином, Ц. Галсановым, Н. Дамдиновым, Д. Дамбаевым, Г. Дашабыловым, Ц.-Д. Дондогой, Ш. Нимбуевым, Солбонэ Туя, А. Жамбалоном, Г. Чимитовым, однако в бурятоведении нет отдельных исследований, посвященных этим переводам.

Как отмечает Е.Э. Разлогова, текст повести «Пиковая дама» в языковом плане проще для перевода, чем многие другие тексты А.С. Пушкина. «Основные трудности связаны с терминологией карточной игры, небольшим количеством национальных реалий и архаизмов…, а также с незначительными элементами просторечья. Небольшой объем, прозаическая форма, относительно простой синтаксис, в частности, большое количество простых и коротких фраз, бытовая тематика – то, что В.В. Виноградов называл “средним светским стилем”, – все это говорит в пользу того, что текст с языковой точки зрения в целом доступен для перевода» [Разлогова, 2012, с. 68].

Рассматриваемая лексическая группа играла важную роль в русском языке XVIII – начала XX в., поскольку, по выражению Ю.М. Лотмана, карточная игра выступала «центром своеобразного мифообразования эпохи» [Лотман, 1994, с. 136]. По мнению О. Фроловой, лексику карточной игры в «Пиковой даме» можно считать фундаментом композиции и смысла повести: в их значениях заключены тактика достижения быстрого успеха и стратегия риска [Фролова, 2005, с. 38]. В 1930-е гг., когда осуществлялись переводы, переводчики в достаточной мере понимали значение данных лексических единиц. По устному сообщению доктора исторических наук Института истории Монгольской академии наук Б. Пунсалдулам, впервые в Монголии в карты стала играть молодежь, вернувшаяся из России в 1929 г. Д. Нацагдорж с супругой Н. Чистяковой, отмечая наступление нового 1931 г., также играли в карты с приглашенными гостями, в числе которых были русские офицеры и инструкторы.

Рассмотрим передачу лексики карточной игры Д. Нацагдоржем по мере ее появления в тексте повести в сравнении с переводами на бурятский язык В.Л. Егорова и, по возможности, М.Ж. Батоина с позиции отражения ими «культурного фона» эпохи.

Слово *мирандоль* имеет двоякое лексикографическое описание. По определению В.В. Ви-

ноградова, *играть мирандолем* значит ‘играть одними и теми же скромными кушами, не увеличивая ставки’ [Виноградов, 1936, с. 79], в то время как В.И. Чернышов пишет: «*Мирандолем играть* – играть, ставя куш на две карты, при выигрыше идти углом, … угол – ставка, увеличенная в 2 раза» [Чернышов, 1970, с. 312]. О. Фролова приходит к выводу о верности толкования В.И. Чернышова, дополнив его тем, что «при игре мирандолем обе карты, на которые делает ставку понтер, должны выиграть» [Фролова, 2005, с. 36]. Такой способ игры считался менее азартным, нежели другие способы, поскольку игрок, ставя одинаковые ставки на две карты, увеличивал шанс того, что хоть одна из них выиграет. Словосочетание *играю мирандолем* переведено Д. Нацагдоржем в виде предложения: *Би мөрийгөө үргэлж өсгөж тоглодог.* ‘Я играю, постоянно увеличивая ставку’, однако в нем не отражено основное значение ‘ставить на две карты’. В.Л. Егоров оставляет слово *мирандоль* без перевода (*mirandalioor naadanam*), дав комментарий в виде постраничной ссылки: *tabisajaa jixedxengyi* ‘не увеличивая ставку’, судя по которому, переводчик придерживался определения В.В. Виноградова. М.Ж. Батоин перевел, минуя слово *мирандоль*: *Баанхын барисада обтожсо, үлүү хэтэрнэшьегүйб.* ‘Я не впадаю в крайность, зарясь на банк’.

Слово *рутe* ‘положение, когда много раз подряд выигрывает одна и та же карта; счастливая карта, на которую повторно ставит игрок в надежде рано или поздно сорвать куш’, Д. Нацагдорж оставил без перевода: *Рутээр ер тоглосонгүй юу?* ‘Ни разу не поставил на руте?’, дав постраничную ссылку: *мөрийтэй хөзөрт нэг тоглогч дараагаар хэд хэдэн хөзөр идэхийг хэлнэ* ‘когда в картах один и тот же игрок выигрывает несколько раз подряд’. В.Л. Егоров также не переводит его: *Xarin, obtozo negeş ryytede tabiƶa yzeegyi jyyş?* ‘Разве ты ни разу, позарившись, не поставил на руту?’, пояснив слово: *udaa daraa xoƶoxoor* ‘с тем, чтобы выиграть несколько раз подряд’. В пьесе М. Батоина слово опущено: *Баанхын мүнгэ шобто ходо татажа, абаха дуран хүрэнэгүй гэжэ гү?* ‘И тебе не хочется подчистую сорвать банк?’

В начале первой главы повести словосочетание *отроду не загнул ни одного пароли*, означающее ‘за всю жизнь ни разу не увеличил ставки’, где *гнуть пароли,* значит ‘загибать углы поставленной карты в знак удвоения ставки’ (от фр. *parole* ‘удвоенная ставка’), переведено Д. Нацагдоржем следующим образом: *Хүн болсоор хөзөр мөрийтэй тогложүзээгүй.* ‘За всю жизнь (*досл.* с тех пор, как стал человеком) не пробовал делать ставки’. В.Л. Егоров, сделав дословный перевод, оставляет его без комментария: *tyrexehөө xoişo negeş parooli nugalaagyi* ‘с рождения не загнул ни одного пароли’. М. Батоин полностью заменяет слово: *Заяан наһандаа нэгэшье дахин хубаарида һуугаагүй*. ‘За всю жизнь ни разу не сидел при раздаче карт’. Как видно, Д. Нацагдорж прибегает к образному выражению *хүн болсоор* ‘с тех пор, как стал человеком’, Егоров же – к дословному переводу *tyrexehөө xoişo* ‘с тех пор, как родился’.

Второй раз слово *пароли* встречается в конце первой главы в сочетании с *пароли-пе* ‘ставка, увеличенная вчетверо’: *Чаплицкий… загнул пароли, пароли-пе, – отыгрался и остался еще в выигрыше*. В данном случае Д. Нацагдорж пропускает слово *пароли*, оставляет *пароли-пе* и дает его с прописной буквы: *Чаплицкий… дараагаар Паролипейг магтаж, эцэст Паролипейг хонжиж урьд алдсанаа эгүүлэн аваад бас дээр нь хожсон гэдэг.* ‘Чаплицкий… затем, превознося пароли-пе, выиграл, вернув ранее проигранное и оставшись в выигрыше’. При этом переводчик снабдил *пароли-пе* пояснением: *урьдахаасаа хоёр дахин, анхдугаар тоглолтоосоо 4 дахин нэмж мөрий тоглохыг хэлнэ* ‘увеличение ставки в два раза от предыдущей и в четыре раза от первоначальной’. У В.Л. Егорова слова *пароли*, *пароли-пе* снова остаются без перевода и комментария: *parooli, parooli pee nugalaad* ‘загнув пароли, пароли-пе’. М. Батоин описывает ситуацию следующим образом: *Чаплицкий… хоёрдохи хубаалганда бүри ехые шүүжэрхибэ. Гурбадахидаа тэрэ ехэ үриеэ бүглэхэһөө байтагай аманда орошогүй туйлай ехэ мүнгэ эдижэрхибэ*. ‘При второй раздаче Чаплицкий выиграл еще больше. При третьей же он не только закрыл свой большой долг, но и выиграл огромные деньги’. Использование определения *аманда орошогүй туйлай ехэ* (*досл.* ‘настолько большие, что невозможно передать словами’), несмотря на избыточность, усиливает образность перевода, придавая художественную яркость речи.

В первой главе значение глагола *метать* ‘раскладывать карты попеременно на две кучи’ (*Герцог Орлеанский метал*) Д. Нацагдорж и В.Л. Егоров передали в общем: *банк барих* ‘держать банк’ и *baапха bariха* ‘держать банк’. В шестой же главе, в соответствии с контекстом (*Чекалинский дружески пожал ему руку, просил не церемониться и продолжал метать*), ими уже передано конкретное действие: *хөзрийг чулуудах* ‘кидать карты’ и *xaarta tataxa* ‘раскладывать карты’. Слово *банкомет* ‘игрок в карты, который держит банк’ представлено в виде монг. *банк гаргагч* ‘тот, кто ставит банк’ и *baапха bariaaşan* ‘тот, кто держит банк’. Глагол *понтировать* ‘участвовать в карточной игре в качестве понтера’ переведен на монгольский язык как *мөрийцэж наадах* ‘играть на ставку’, на бурятский язык – *xaarta tabixa* ‘ставить карту’ и *хаарта наадаха* ‘играть в карты’. Существительное *понтер* ‘играющий в банк против банкомета’ представлено в виде монг. *тоглоомчин* ‘игрок’, бур. *naadaaşan* ‘игрок’.

Название карточной игры *фараон* дважды встречается в тексте. В первой главе (*В то время дамы играли в фараон*) Д. Нацагдорж перевел предложение без названия: *Тэр цагт хатагтай нар хөзрөөр мөрийцэн толгодог байсан гэдэг юм*. ‘В то время дамы играли в карты на ставку’. Во втором же случае в шестой главе (*предпочитая соблазны фараона обольщениям волокитства*) переводчик оставил слово *фараон* (*хүүхэн эргүүлэхээс фараон наадахыг эрхэмлэв*) с комментарием: *тэр үед тоглодог нийтийн тоглоом* ‘всеобщая игра того времени’. В первой главе бурятского варианта название сохраняется (*Tere yjede xatad faravoon naadaar naadadag baigaa*), в шестой же главе заменяется словом *naadan* ‘игра’ (*xiidxyyr jabadalai baxahaa taraan naadanda duraa buliaagdaxii hungaza*). Название игры *вист* в обоих переводах сохранено: монг. *вист* с пометой *нэгэн зүйл хөзрийн наадам* ‘вид карточной игры’, бур. *viiste*.

Слово *соника* ‘сразу, с первой ставки’ в обоих случаях опущено Д. Нацагдоржем и передано следующим образом: *гурван хөзөр сугалан авч, дараагаар цувуулан дэлгэсэн нь гурвуулан хонжиж* ‘выбрала три карты, поставила их одну за другою, и все три выиграли’; *тэргүүн хөзөрт таван түмийг тавиад хонжжээ* ‘выиграл, поставив пятьдесят тысяч на первую карту’. М. Батоин также избегает использования слова: *гурбан хаарта гаргажа, … гурба удаалуулан баанха хоохоложорхибо* ‘выбрав три, трижды опустошила банк’; *түрүүшын хубаарида 50 мянгые эдибэ* ‘с первой раздачи выиграл пятьдесят тысяч’. В.Л. Егоров сохраняет слово (в первом случае в кавычках), не поясняя его: *qurban xaarta şileze abaad xoino xoinohoonь tabiba: tedenь barandaa «soonig» edibe* ‘выбрала три карты, поставила их одну за другой, и все они выиграли соника’; *tyryynxi xaartada tabin minga tabiaad soonig ediee* ‘поставив пятьдесят тысяч на первую карту, выиграл соника’. Здесь наблюдается влияние русского языка на бурятский. Если в монгольском языке числительное 50000 передано с помощью числительного *түм* ‘десять тысяч’ (*таван түм* ‘пять десятков тысяч’), то в бурятском языке оно, как и в русском, представлено числительными *табин мянга* ‘пятьдесят тысяч’.

Словосочетание *порошковая карта* ‘шулерская карта с лишним очком, наведенным с помощью порошка’ Д. Нацагдорж перевел как *хуурамч хөзөр* ‘фальшивая, подложная карта’, М. Батоин – как *шүүлирнүүдэй хаарта* (от рус. *шулер*). Более точный перевод, отражающий суть подлога, дан В.Л. Егоровым: *niyaamal niydetei xaarta* ‘карта с приклеенным очком’. Как известно, на фальшивых картах необходимое очко через прорезь прилипало в виде красного или черного порошка.

Использование французского слова *атанде*, представленного в эпиграфе к шестой главе, детально рассмотрено О. Фроловой. Если В.И. Даль дает толкование ‘стой, постой, не мечи далее, я ставлю’ (из уст понтера), то Д.Н. Ушаков – ‘не ставьте больше’ (из уст банкомета). На основе пособий против шулерства в картах разного времени О. Фролова выяснила, что реплика все же относится к речи понтера [Фролова, 2005, с. 34–35]. Д. Нацагдорж, оставив слово без перевода, в комментарии придерживается определения Д.Н. Ушакова: *atande (франц. хүлээлт гэдэг үг хуучирсан нь) хөзөр наадахад дээш бүү тавь гэдэгт хэрэглэх үг* ‘франц., уст. ‘ожидание’, в картах означает «больше не ставьте». В бурятском варианте В.Л. Егорова лексема *ataande* осталась без пояснения.

Лексему *талья* ‘партия в карты, промет всей колоды до конца или до срыва банка’ Д. Нацаг-

дорж также оставляет в тексте без изменения (*Талья удаан үргэлжлэв*; *Тэгсээр талья дуусав*; *шинэ талья хүлээж*), снабдив комментарием: *нэгэн толгой хөзрийг дуустал нь буюу банк гаргагчийг алдтал нь чулуудахыг хэлэнэ* ‘промет одной колоды до конца или до проигрыша банкомета’, в то время как В.Л. Егоров предпочитает заменить ее на слово *baanxa* ‘банк’ (*Baanxaпь udaan yrgelzelbe*; *Odooş baanxaпь duuhaba*; *şineer baanxa barixiini xylieegeed*). Слово *семпель* ‘простая полная ставка на карту’ в предложении «Никто более двухсот семидесяти пяти семпелем здесь еще не ставил» не используется ни в монгольском, ни в бурятском переводе: *Надад ямар ч хүн хоёр зуун далан таваас илүүг нэг хөзөрт тавиагүй юм* / *Xojor zuun dalan tabanhaa deeşe xenş nege xaartada tabiaagyi jum.*

Глагол *обдернуться* ‘ошибиться, вытащив не ту карту’ передан на монгольский язык глаголом *андууран авах* ‘взять по ошибке’, на бурятский – *ондоо хаарта абаха* ‘взять другую карту’. При переводе слова *убить* ‘выставить против другого карту более высокого достоинства’ в предложении *Дама ваша убита* Д. Нацагдорж использовал прямое значение глагола *үхэх* ‘умирать’ (*Танай хатан үхжээ* ‘Дама ваша умерла’), что отвечает общей теме смерти в лексике карточной игры первой половины XIX в. В.Л. Егоров прибегает к глаголу в форме страдательного залога: *Xatantnai soxigdoo* ‘Дама ваша бита’.

Из названий карт в тексте повести «Пиковая дама» встречаются числовые карты *тройка* (монг. *дадар* ‘козырная тройка’, бур. *gurba niyden*), *семерка* (монг. *долоон*, бур. *doloon niyden*), *девятка* (монг. *ес*, бур. *jyhen niyden*) и фигуры *валет* (монг. *боол* ‘раб, холоп’, бур. *holoob* от рус. *холоп*, или *хлап*), *дама* (монг. *хатан* ‘госпожа, знатая дама’, бур. *xatan*), *туз* (монг. *тамга* ‘печать’, бур. *tyis* от рус. *туз*). Из названий мастей фигурирует лишь *гилбэр*, бур. *гилбэр* ‘пики’, перен. от *гилбэр* ‘железный наконечник; пика’.

Рассмотрение двух переводов «Пиковой дамы», сделанных в 1930-х гг., показало, что их авторы Д. Нацагдорж и В.Л. Егоров, принадлежа к одной исторической эпохе и к одному культурно-социальному слою, передают лексику карточной игры на родственных языках разными приемами, что в первую очередь обусловлено историко-культурным фоном. В.Л. Егоров в большинстве случаев предпочитает сохранить иноязычное слово, при этом лишь два из них (*мирандоль*, *рут*е) снабжены комментариями в виде постраничной ссылки. Подобный подход, вероятно, продиктован близостью бурятского народа к русской культуре, о чем также свидетельствует большое количество русизмов в бурятском варианте. Перевод В.Л. Егорова, несмотря на небольшие неточности, никак не влияющие на собственно содержательную часть, на наш взгляд, в достаточной мере передает насыщенность языка Пушкина. Более поздний перевод М. Батоина показал, что при переносе повествовательной прозы на язык театра в пьесе «Елбэрэй хатан» автор не использует иноязычные слова, поскольку они могут затруднить «проживание» текста зрителем. Если В.Л. Егоров придерживался принципа форенизации, сохраняя иностранные культурные и языковые ценности, то М. Батоин, напротив, использует метод доместикации, сокращая текст оригинала и делая акцент на культурных ценностях бурятского языка. Д. Нацагдорж при передаче лексики карточной игры использует как заимствования (*Пароли-пе, фараон, вист*) с обязательными комментариями в виде постраничной ссылки, так и дословный перевод. Выбирая между форенизацией и доместикацией, он придерживается «золотой середины», умеренной адаптации текста оригинала. Как пишет К.Н. Яцковская, Нацагдордж взял А.С. Пушкина «в проводники в своих творческих исканиях на путях воплощения в художественной прозе человека с его космической тайной бытия, сложностью натуры и психологии» [Яцковская 2007, с. 17]. В целом, автор перевода стремился передать русский мир в собственно монгольских, незаемных образах, используя национальные традиции и образные средства монгольского языка.

Литература

Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Временник Пушкинской комиссии. – 1936. – № 2. – С. 75–86.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства XVIII–XIX века. – СПб., 1994. – 558 с.

Разлогова Е.Э. «Пиковая дама» в зеркале французских переводов // Вопросы языкознания. – 2012. – № 6. – С. 66–90.

Фролова О. Иноязычная терминология в повести А.С. Пушкина «Пиковая дама» // Studia Rossica Posnaniensia. – 2005. – XXXII. – С. 27–38.

Чернышов В.И. Темные слова в русском языке // Избранные труды: в 2 т. – М., 1970. – Т. 2. – С. 303–317.

Яцковская К.Н. Дашдоржийн Нацагдорж (1906–1937). Жизнь и творчество: дис. … канд. филол. наук. – М., 1972. – 229 с.

Яцковская К.Н. Дашдоржийн Нацагдорж. – М.: Наука; ГРВЛ, 1974. – 133 с.

Яцковская К.Н. Из рода «хранителей тайны огня» // Mongolica-VII (к 100-летию со дня рождения Д. Нацагдоржа). – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – С. 10–19.

Батоин М. Елбэрэй хатан (долоон үзэгдэлтэй зүжэгһөө хэһэг) // Буряад үнэн. – 1999. – 5 авг. – С. 15.

Галсан С.Д. Нацагдоржийн орчуулагч болох нь // Орчуулах эрдэм. – 1986. – № 4. – С. 51–55.

Гүрбазар Р. Нэгэн шүлгийн хоёр орчуулга // Хэл зохиол судлал. – 1976. – Боть XII. Дэвтэр 15. – С. 203–209.

Гүрбазар Р. Уран зохиолын орчуулгын зарим асуудал (А.С. Пушкины зохиолын орчуулгын материалаар): дис. … к. филол. н. – Улаанбаатар, 1980. – 145 с.

Гүрбазар Р. А.С. Пушкиний зохиолыг монгол хэлээр орчуулсан тухай // Орчуулах эрдэм. – 1982. – № 3. – С. 121–124.

Нацагдорж Д. Бүрэн зохиол. Дэд дэвтэр. – Улаанбаатар: Цагаан бамбарууш, 2006. – 358 с.

Пэрлээ Х. Пушкиний нэг шүлгийг монголчилсон нь // Орчуулах эрдэм. – 1972. – № 1. – С. 182–186.

Шархүү А. А.С. Пушкиний шүлгээс Д. Нацагдорж орчуулсан нь // Орчуулах эрдэм. – 1976. – № 2. – С. 20–30.

Pyyşkin A.S. Gilberei xatan. – Ulaan-Yde, 1937. – 61 c.

E.V. Sundueva

Words of card game in translations of Alexander Pushkin's novel "The Queen of Spades" in the Mongolian languages

The author considers how D. Natsagdorj, V. L. Egorov and M. Zh. Batoin translated words of card game in the story "Queen of spades" of A. S. Pushkin in Mongolian and Buryat languages in order of their appearance in the text of the story. Its relevance is connected to the lack of study of the practice of translating Russian classics into the languages of the republics of the former USSR and Asian peoples. V. L. Egorov in most cases prefers to keep the foreign-language word, at the same time only two of them (mirandole, rute) are supplied with comments. Such approach is dictated by closeness of the Buryat people to the Russian culture. It could be also testified by a large number of borrowings from Russian in the Buryat translation. The translation of V. L. Egorov, despite the small inaccuracies which aren't influencing actually substantial part in any way, in our opinion, adequately refers the richness of A. S. Pushkin's language. M. Batoin in process of transferring of narrative prose on the language of theater doesn't use foreign-language words as they can complicate "emotional experience" of the viewer. While V. L. Egorov adhered to the principle of foreignization, preserving foreign cultural and linguistic values, M. Batoin, on the contrary, uses the method of domestication, shortening the text of the original and emphasizing the cultural values of the Buryat language. D. Natsagdorj while translating the words of card game uses both borrowings (parole-pe, faro, whist) with comments, and translation, moderately adapting the original text. The writer aimed to transfer the Russian world in actually Mongolian, not loan images, using national traditions and figurative devices of the Mongolian language.

Keywords: translation, Pushkin, Mongolian languages, story, words of card game, comment, figurativeness, original

Л.М. Готовцева

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.012
УДК 811.512.157’373.421

Природа синонимии фразеологических единиц якутского языка

В статье освещаются теоретические вопросы изучения синонимии в лингвистике; понятие синонимии; выделяются признаки синонимичности; разграничение фразеологической синонимии и фразеологической вариантности. Отмечается, что при описании фразеологии разных языков лингвистами предлагались классификации фразеологических синонимов, основанные в основном на структурной, семантической и стилистической характеристиках. Исходя из опыта изучения фразеологизмов в отечественной лингвистике, понятия сущности явления синонимии мы проведем типологию фразеологических синонимов якутского языка. Так, якутские фразеологические синонимы рассматриваются: с точки зрения структурно-грамматической характеристики; понимания фразеологического значения как сложнейшего конгломерата сигнификативно-денотативного и коннотативного компонентов; по типам связи между компонентами фразеологизмов. Такая типология фразеологических синонимов проводится в якутском языке впервые. Фразеологизмы делятся на равнозначные и неравнозначные фразеологические синонимы. Детально анализируются идеографические, стилистические и стилистико-идеографические фразеологические синонимы. Идеографические фразеологические синонимы различаются дифференциальной семой в сигнификативно-денотативном компоненте значения. Выделение в коннотации функционально-стилистического, оценочного, эмотивного и экспрессивного компонентов в значительной степени помогает при разграничении стилистических и стилистико-идеографических синонимов. Практическая значимость настоящего исследования заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы при составлении учебников, учебных пособий, справочников по фразеологии якутского и других тюркских языков.

Ключевые слова: якутский язык, фразеология, фразеологическая единица, семантика, синонимия, типы фразеологических синонимов, равнозначные фразеологические синонимы, неравнозначные фразеологические синонимы, дифференциальная сема.

В настоящее время проблема языковой семантики (специфика значения единиц, структура значения, парадигматические отношения) остается в центре внимания лингвистов. В круг этих проблем входит и синонимия фразеологических единиц (далее – ФЕ). Исследование посвящено теоретическим вопросам понимания сущности фразеологической синонимии, типологии фразеологических синонимов якутского языка, что не являлось до настоящего времени предметом специального исследования.

Частные вопросы синонимии фразеологических единиц затрагивались в работах А.Г. Нелунова, Л.М. Готовцевой. А.Г. Нелунов при анализе глагольных ФЕ якутского языка рассматривает и их синонимию. Он отмечает, что фразеологическая синонимия в якутском языке весьма развита и образует целые синонимические ряды [Нелунов, 1981, с. 64]. Л.М. Готовцевой рассмотрено отражение фразеологических синонимов (ФС) якутского языка в лексикографических источниках, проведена систематизация ФС по лексико-грамматическим разрядам, синонимическим рядам. Установлено, что наиболее развита глагольная синонимия; абсолютное большинство составляют ФС тематической группы, выражающие эмоциональное состояние и физическое действие человека [Готовцева, 2014]. В настоящей статье мы ставим цель провести типологию фразеологических синонимов якутского языка. Прежде чем приступить к анализу фразеологических синонимов якутского языка, нам необходимо рассмотреть понятие о фразеологической синонимии в лингвистике.

© *Готовцева Л.М., 2020*

Семантическая близость, или тождественность синонимичных фразеологических единиц проявляется в их соотнесенности с одним понятием и в общности предметной соотнесенности и сочетаемости. Если отсутствует один из этих указанных параметров, то сложно говорить о синонимических отношениях между соотносимыми единицами. Например, фразеологизмы *уҥуоҕа хамсыар диэри* ′до крайней степени′*, *аатын билбэт буола (гына)* ′чрезмерно; сверх всякой меры′, *ыт сиэбэт буола* ′до изнеможения′, *сиртэн халлааҥҥа диэри (тиийэ)* ′в высшей степени′ соотносятся с одним понятием – ′очень сильно′, но считать их синонимами довольно трудно, так как у данных единиц наблюдаются разная предметная отнесенность и различная сочетаемость: *уҥуоҕа хамсыар диэри* можно *радоваться, испугаться* и т.п.; *аатын билбэт буола (гына) – гневаться, разбогатеть* и т.п., *ыт сиэбэт буола – спорить, пререкаться, сиртэн халлааҥҥа* диэри *(тиийэ) – благодарен*.

Следует отметить, что если сочетаемость единиц лишь частично пересекается, они являются синонимами, например, *ас гыммат* и *киһи гыммат* в значении ′легко побеждать, осиливать кого-что-л.′**. При этом *киһи гыммат* употребляется только по отношению к человеку, *ас гыммат* имеет более широкую сочетаемость, употребляется не только по отношению к лицу, но и к не-лицу. *Кини күүстээх улахан тустуук, миигин киһи гыммат*. ′Он очень сильный борец, меня легко побеждает′ [ТСЯЯ, 2006]. [*Мас*] *тардыһан көрбүттэрин Күүстээх букатын ас гыммата* (Н. Лугинов). ′Күүстээх легко осилил всех в соревнованиях по перетягиванию палки′. В предложении фразеологизм-сказуемое *ас гыммат* сочетается с субъектом-лицом. *Иллэрээ күн охсубут отун бэҕэһээҥҥи ардах ас гыммата ини*? (В.Титов). ′Выпавший вчера дождь, наверно, намочил скошенное им позавчера сено′. В данном предложении фразеологизм *ас гыммат* сочетается с субъектом *ардах* ′дождь′, обозначающим явление природы.

Лексико-грамматический разряд фразеологизмов имеет большое значение при выявлении синонимических отношений. Различие в категориальной принадлежности ФЕ показывает, что между этими единицами не возникают синонимические отношения, например, близкие по значению фразеологизмы *<u>хамыйах салааччы</u> кэпс.* бэйэтиттэн үрдүк сололоох, дуоһунастаах киһиэхэ илин-кэлин түһээччи, ньыланҥааччы ′подлиза, прихвостень, подхалим, угодник′ и *сирэй көрбөх* киһиэхэ дьиҥнээҕинэн буолбакка, сирэйиттэн (*хол*., төһө улахан дуоһунастааҕын) көрөн сыһыаннаһар идэлээх ′лицемерный подхалим, льстец′ по категориальной принадлежности не совпадают. Так, первый фразеологизм является субстантивным, образован по модели сущ.+сущ., а второй – адъективным (сущ.+прил.). Различаются они и оттенками значения. Дифференцирующим признаком ФЕ *сирэй көрбөх* является то, что она употребляется по отношению не только к человеку, но и к отвлеченному понятию. *Ээ, ол киһи тойотторго бэрт буолар, хамыйах салааччы* (Кыым). ′Аа, тот человек подлизывается перед начальством, подхалим′. *Хобуоччу, сирэй көрбөх, барыһымсах… урукку да былааска баар этилэр, билигин да бааллар* (Л. Попов). ′Клеветники, подхалимы, алчные люди ... были и при старой власти, и в настоящее время′. *Биһиги сахалыы кириитикэбит кырдьыгы сатаан утары эппэт. Кэм да сирэй көрбөх* (Хотугу Сулус). ′Наша якутская (литературная. – *Л.Г.*) критика не говорит правду в лицо. Она, как обычно, лицемерна′. Отметим, что когда в речи совпадают дифференциальные семы, то эти фразеологизмы могут стать синонимами.

Отношения между синонимией и полисемией во фразеологии играют существенную роль при определении тождества и близости соотносимых единиц. Так, следует обратить внимание на то, что в синонимические отношения вступает однозначная ФЕ с одним из значений полисемичного фразеологизма. Рассмотрим примеры. Второе значение ФЕ *ибир да гыммат:* 1) таһыгар биллэрбэт (*долгуйбутун, кыыһырбытын уо. д. а*.). ′не показывать (не подавать) даже вида′, 2) кыһаллан да көрбөт, сэҥээрбэт, болҕомтотун да уурбат ′совершенно не обращать внимания *на что-л.;* не проявлять беспокойства *о чем-л.*′ – соотносится с однозначным фразеологизмом *кумаар да сиэбитигэр хо-*

*Здесь и далее примеры изъяты из БТСЯЯ [2013] и ЯРФС [1998].

**Пример заимствован у А.Г.Нелунова [1981, с. 65].

лообот ′совершенно не беспокоиться, не обращать внимания *на что-л.*′ или же его равнозначным однозначным синонимом *кумаардаан да көрбөт* ′и ухом не ведет, даже бровью не ведет′.

Весьма редко, но встречаются случаи, когда все значения фразеологизма синонимизируются со значениями соотносимой ФЕ. Например, два значения ФЕ *күрэс (күрэх) былдьас:* 1) күүскүнэн, быһыйгынан о.д.а. күрэхтэс, холос, куоталас ′состязаться, померяться силой в борьбе, в беге и т.п.′, 2) кимниин эмэ туохха эмэ күрэстэс, аат-суол былдьас ′соперничать в известности с *кем-л.*; стараться любой ценой быть лучше′ вступают в синонимические связи с двузначным фразеологизмом *илин былдьас:* 1) *спорт.* күрэхтэһиигэ кими эмэ куотарга, ким эмэ иннигэр түһэргэ дьулус ′стремиться быть первым, опередить, обогнать *кого-л.* в соревновании′, 2) кимниин эмэ аат-суол былдьас, бэрт былдьас, кимтэн эмэ ордо сатаа ′соперничать *с кем-л.* в славе, известности, стараться превзойти, затмить *кого-л.*′.

Существуют различные точки зрения на понимание сущности фразеологических синонимов. По мнению М.И. Фоминой, фразеологические синонимы, будучи сходными с лексическими, характеризуются следующими параметрами: 1) предельно семантически сближаясь, они, как правило, имеют различия в оттенках значения, сфере употребления, стилевой принадлежности, экспрессивно-стилистической роли; 2) соотносятся с одной и той же частью речи; 3) бывают сходными и различными по структурно-грамматическим признакам; 4) отличаются одинаковой или сходной лексической (или синтаксической) сочетаемостью [Фомина, 1990, с. 332].

Необходимо обратить внимание на то, что большинство ученых при определении ФС отмечают оттеночность значения. По мнению И.И. Чернышевой, фразеологическими синонимами являются разноструктурные или одноструктурные фразеологические единицы, имеющие одинаковое значение при неадекватности образной мотивированности единиц и возможных различиях в семантических оттенках значения, функционально-стилистической принадлежности и сочетаемости [Чернышева, 1970, с. 81].

Ряд ученых под синонимами понимают фразеологизмы, выражающие одно и то же или близкие понятия, относящиеся к одной и той же части речи, но отличающиеся друг от друга либо оттенками значений, либо эмоционально-стилистической окраской, либо обоими этими признаками одновременно [Коркина, 2005, с.10; Жуков, 1986, с. 4].

Г.Б. Марданова также отмечает оттеночность ФЕ: «Фразеологические синонимы – это фразеологизмы, которые, обозначая одно и то же понятие и являясь стилистически однородными, уточняют, раскрывают, подчеркивают новые признаки, новые стороны и оттенки обозначаемого понятия» [Марданова, 1998, с. 58].

Под различительными признаками синонимов понимаются дифференцирующие признаки, затрагивающие их понятийную характеристику и стилистические особенности. А.Т. Галиева полагает, что научное обоснование фразеологической синонимии можно дать, лишь опираясь на понимание фразеологического значения как сложнейшего конгломерата сигнификативно-денотативного и коннотативного компонентов фразеологического значения, а также привлекая в качестве исследования компонентный анализ [Галиева, 2004, с. 8–9]. Ученый считает, что выделение в коннотации функционально-стилистического, оценочного, эмотивного и экспрессивного компонентов в значительной степени помогает при разграничении стилистических и стилистико-идеографических синонимов. По её мнению, это способствует точному выяснению их сходств и различий в отличие от довольно расплывчатого определения «дополнительной, экспрессивной характеристики» фразеологизмов или разграничения их только по функционально-стилистической принадлежности [Там же, с. 9].

Изучение теоретической литературы по фразеологии [Апресян, 1956; Хазанович, 1957; Краморенко, 1961; Чернышева, 1970; Ураксин, 1975; Нелунов, 1981] и анализ фактического материала позволяют присоединиться к мнению А.Т. Галиевой, считающей, что основной характерной особенностью фразеологических вариантов в отличие от фразеологических синонимов является их семантическая идентичность, заключающаяся в полном совпадении сигнификативно-денотативного и коннотативного компонентов фразеологического значения [Галиева, 2004, с. 9].

Рассмотрим примеры. При соотнесении фразеологизмов с общим значением ′дурак, глупец′:

көмүрүө мэйии ′плохо, медленно соображающий человек, тупица, тугодум′ (*букв*. песчаный мозг) и *улар мэйии* ′бестолковый, непонятливый, безмозглый; дурак′ (*букв*. глухариный мозг) – выявляются дифференциальные семы ′медленно соображающий′ у первого фразеологизма и ′бестолковый, непонятливый′ – у второго фразеологизма, таким образом, налицо – идеографические синонимы. Их отличает различающаяся образность.

Интегральную сему ′интеллектуальная характеристика человека′ содержат фразеологизмы *бастаах киһи* ′очень умный, толковый человек′ и *төбөлөөх киһи* ′очень умный, толковый человек′. В структуре соотносимых единиц наблюдается полное совпадение сигнификативно-денотативного и коннотативного компонентов при одинаковой образности, т.е. между этими фразеологизмами образуются отношения вариантности. К числу лексических вариантов можно отнести и ФЕ *бастакы хараҥаччы* и *маҥнайгы хараҥаччы* ′первая ласточка′.

Явление вариантности присуще преимущественно таким фразеологизмам, в составе которых варьируемые компоненты образованы от слов, находящихся между собой в отношениях синонимии: Лексемы *төбө – бас* ′голова′, *бастакы – маҥнайгы* ′первый′ в семантическом плане сходны, принадлежат к одной и той же части речи и являются лексическими синонимами.

Варианты ФЕ имеют одинаковую сочетаемость и сферу употребления. ФЕ *өлөр атаһым* имеет лексический вариант *өлөр доҕорум*, они означают ′приятель; закадычный друг′. *Бу дьахтар мин өлөр атаһым* [ПЭК, 1959, I, стб. 1934]. ′Эта женщина – моя закадычная подруга′. *Витя биһикки саастыыбыт уонна өлөр доҕордуубут* (Хотугу Сулус). ′Мы с Витей одного возраста и закадычные друзья′. Поскольку взаимозаменяемые компоненты *атас* ′приятель, друг, товарищ′ и *доҕор* ′друг′ являются равнозначными синонимами, варианты могут заменять друг друга в контекстах, приведенных выше, без какой-либо потери смысла предложения. Вариант *өлөр атаһым* употребляется чаще, чем *өлөр доҕорум*. Этой единице семантически близок фразеологизм *уу тэстибэт (тохтубат) доҕордуулар (атастыылар)* ′закадычные друзья′ (*букв*. между ними вода не просочится) [ЯРФС, 2002, II, с. 286].

Далее рассмотрим типы фразеологических синонимов якутского языка.

Исследователями выделяются разные типы фразеологических синонимов. К основным критериям, составляющим их основу, относятся: степень тождественности, структура, семантическая и стилистическая характеристика.

С точки зрения структурно-грамматической характеристики фразеологические синонимы якутского языка мы разделили на одноструктурные и разноструктурные. Одноструктурные построены по одинаковой модели: *ол дойду* ′загробный мир, тот свет′ – *анараа дойду* ′загробный мир, тот свет′; *минин <да> таттарбат* ′и в ус себе не дуть; и глазом не ведет′ – *этин <да> таттарбат* ′не обращать внимания, не реагировать *на что-л.*′. У ФС такого типа совпадает один компонент.

ФС с одним типом связи между компонентами представлены, например, единицами: *сирэйин ыл разг.* ′набить морду *кому-л.*′ (*букв*. лицо его взять) – *муннун туур разг.* ′набить морду *кому-л.*′ (*букв*. нос ему открутить) (сущ. $_{\text{в вин.п.}}$ + гл.); *киэҥ көҕүстээх* ′спокойный, невозмутимый; терпеливый, великодушный; широкой натуры (*человек*)′ (*букв.* с широкой спиной) – *уһун санаалаах* ′спокойный, отличающийся уравновешенным характером′ (*букв*. с длинной мыслью) (прил.+прил$_{\text{лаах}}$).

Разноструктурные включают в себя ФС с отличающимся синтаксическим построением и различной образностью семантики: общее значение ′*кто-л*. испытывает сильный страх, ужас′ передается единицами *куйахата күүрдэ* ′у него спина прогибается′ (сущ.+глаг.), (*букв.* кожа головы его напряглась) – *уҥуоҕа халыр босхо барда* ′поджилки трясутся′ *у кого-л.* (сущ.+звукоподр. сл.+нареч.+глаг.), (*букв.* кости его затряслись); значение ′красноречивый′: *устар ууну сомоҕолуур* ′очень красноречивый, умеющий говорить красиво, увлекательно′ (прич.+сущ.+ глаг.) (*букв.*так красноречив, что течение реки остановит) – *и кумахтан өтүү хатар* ′очень красноречивый′ (*букв.* из песка веревку вьет) (сущ.+сущ.+ +глаг.) (*букв*. словом расщепляет тонкий конский волос).

Опираясь на исследования вышеназванных ученых по фразеологической синонимии, мы выделяем в якутском языке ФС с учетом интегральных и дифференциальных семантических

составляющих фразеологического значения и функционально-стилистического, оценочного, эмоционального и экспрессивного компонентов коннотации.

Для них (равнозначных фразеологических синонимов. – *Л.Г.*) характерно полное совпадение фразеологического значения, что означает полное совпадение сигнификативно-денотативного компонента и компонентов коннотации: оценочного, экспрессивного, эмотивного и функционально-стилистического. Они, как правило, построены на разных образах, следовательно, могут иметь различающуюся внутреннюю форму и различающийся компонентный состав. Они могут характеризоваться различной сочетаемостью и быть одноструктурными или разноструктурными [Галиева, 2004, с.10–11].

Равнозначные фразеологические синонимы в БТСЯЯ, ЯРФС отмечены пометой *диэн курдук*. Рассмотрим ФЕ, построенные по принципу аналогии. У фразеологизмов с общим значением ′получить сильный отпор, жестокий урок′ *муннуга бэрдэр* (*букв.* ′дать себя ударить в нос′) и *муоска бэрдэр* (*букв.* дать себя ударить по рогам) полностью совпадают сигнификативно-денотативный и коннотативный компоненты значения, они являются глагольными фразеологизмами со структурой: сущ. $_{\text{в дат.п.}}$ + глагол. Образность у данных единиц различается, в структуре фразеологизмов имеется один одинаковый компонент.

Общее значение ′притворствовать, лукавить′ передается синонимической парой *илин-кэлин сирэй буолар* ′лицемерить, быть двуличным′ (*букв.* становиться передним-задним лицом) и *икки сирэй буолар* ′двуличничать, лицемерить′ (*букв.* становиться двумя лицами). У них отсутствуют семы интенсивности, эмоционально-экспрессивная окрашенность, они относятся к нейтральному стилю, о чем свидетельствует отсутствие каких-либо помет в БТСЯЯ и ЯРФС. Следовательно, у этих единиц полностью совпадают сигнификативно-денотативный и коннотативный компоненты значения, они являются глагольными фразеологизмами со структурой: прил./числ. + сущ. + глагол.

Синонимами, объединенными общим значением ′находиться в расцвете лет′, являются глагольные ФЕ *күөгэйэр күнүгэр сылдьар* и *сүһүөҕүн үрдүгэр сылдьар*. Полностью совпадают их сигнификативно-денотативное значение и коннотативные составляющие, что позволяет нам отнести их к типу равнозначных фразеологических синонимов. Рассмотрим примеры. *Ыраахтааҕы саҕана, хас да сыл кинээстээн, күөгэйэр күнүгэр сылдьан, наһаа да киэҥ харбааһыннаах, күүстээх санаалаах, толкуйдаах эбит* (Б. Боотур). ′При царе, будучи князем, находясь в расцвете лет, отличался целеустремленностью, широтой и глубиной мысли′. *Ити сыл, оҕолоор, эһиги эһэҕит олус бултуйбута. Бэйэтэ да оччолорго сырыыны-айаны кыайар, сүһүөҕүн үрдүгэр сылдьар эр бэрдэ этэ* (Хотугу Сулус). ′В тот год, ребята, ваш дедушка удачно охотился. В то время он был добрым молодцем, много ездил, был в расцвете лет′. В этих предложениях фразеологизмы без ущерба смысла могут заменить друг друга в контексте.

Наблюдения показывают, что абсолютное большинство равнозначных ФС составляют адвербиальные ФЕ. В большинстве своем они одноструктурны. Общее значение ′всегда, долго′ передается фразеологизмами: *саллар сааһым тухары* ′за всю долгую жизнь′ и *үллэр үйэтин тухары* ′на протяжении всей своей долгой жизни′. *Үллэр үйэтин тухары үс ынахтан ордук сүөһүлэммэтэх, соҕотох көлүүр атыттан ураты сылгыламматах киһи этэ* (С. Никифоров). ′Он на протяжении всей своей долгой жизни не держал больше трёх коров, не больше одной верховой лошади′. *Саллар сааһым, үллэр үйэм тухары үрүҥ харахпын өрө көрбөккө үлэҕэ баттатабын* (Амма Аччыгыйа). ′За всю свою долгую жизнь верчусь как белка в колесе′. Оба фразеологизма отражают равную меру длительности действия, у них полностью совпадают сигнификативно-денотативный и коннотативный компоненты значения.

Одинаковую степень полноты деятельности передают ФЕ *баттаҕа маҥхайыар диэри* ′до седых волос (*необразумиться*)′ – *бытыгын быһа үктүөр диэри* ′до глубокой старости′. *Бу оҕонньор баттаҕа маҥхайыар диэри өйдөммөтөх*. ′Старик до седых волос еще не образумился′. *Бытыгын быһа үктүөр диэри өйдөммөтөх диэбиккэ дылы* (өс хоһооно). ′Как говорится, не образумился до седых волос′ (пословица). Для данных адвербиальных фразеологических синонимов характерны одинаковая или сходная сочетаемость с определенными глаголами и взаимозаменяемость в кон-

тексте. В перечисленных примерах наблюдается совпадение семантических и коннотативно-стилистических параметров. Они стилистически однородны.

Равнозначными синонимами являются также разноструктурные фразеологизмы с разными образами, различающимися внутренней формой, например, общность семантики ′полная темнота, мрак′ объединяет субстантивные ФЕ *им балай* <*харанга*> 1) туох да көстүбэт харанҕата ′непроглядная, кромешная тьма, хоть глаз выколи′. *Хара баархат быыһы тэниччи тардыбыт күрдүк им балай харанҕа саба халыйан кэбистэ* (Амма Аччыгыйа). ′Надвинулась кромешная тьма, словно растянули черную бархатную полосу′; *ытыс таһынар харанҕа* туох да көстүбэт харанҕата, ыас харанҕа ′кромешная тьма, хоть глаз выколи′. *Түүн үөһэ буолара чугаһаата, халлааны ыаһырбыт хара былыт бүрүйдэ, ытыс таһынар ыас харанҕа буолла* (И. Никифоров). ′Приближается полночь, небо покрылось темными тучами, наступила кромешная тьма′. ФС совершенно одинаковы в семантическом плане, коннотативные компоненты совпадают.

К идеографическим ФС вслед за А.Т. Галиевой относим ФЕ, различающиеся дифференциальной семой / семами в сигнификативно-денотативном компоненте значения. Различия могут затрагивать эмотивный, экспрессивный и крайне редко, оценочный компоненты коннотации [Галиева, 2004, с.11].

При интегральной семе, выражающей ′страх, ужас′, различаются дифференциальными семами, передающими различную степень интенсивности его проявления, фразеологизмы *куйахата күүрдэ* ′волосы становятся дыбом′ (*букв.* кожа головы его напряглась) с семой ′чувствовать ужас, сильный страх, шок′ (от испуга волосы поднимаются), *уҥуоҕа халыр босхо барда* ′поджилки трясутся′ *у кого-л.* (*букв.* кости его затряслись) с дифференциальной дополнительной семой ′испытывать глубокий страх, вызывающий дрожь, трепет′, *этэ саласта* ′мурашки побежали по спине′ (*букв.* тело его чувствует нервную дрожь), с дифференциальной семой ′ощущать озноб, холод от сильного страха′. Это же понятие ′испытывать сильный страх′ выражают также ФЕ *сүрэҕэ айаҕар таҕыста* ′душа ушла в пятки *у кого-л.*′ (*букв.* сердце его подскочило ко рту) и *кута куртаҕар түстэ* (*букв.* душа его ушла в желудок), где содержится сема ′растеряться от неожиданности′. Несмотря на различный лексический состав и различную образность, обозначая физическое состояние лица при страхе, ужасе, вышеприведенные фразеологизмы имеют одну и ту же функционально-стилистическую характеристику.

Отличаясь друг от друга оттенками значения, идеографические синонимы с наибольшей точностью детализируют описываемые факты, явления, ситуации. Эти семантические оттенки указывают на внешние особенности проявления действия, его степени интенсивности в ряду ФЕ *кулугур кулгаахтаа* ′жестоко, беспощадно обращаться *с кем-л.*′ (*букв.* он его сделал с отвислыми ушами), *иэнин хастаа (тарт)* ′наказать розгами, плетью *кого-л.*′; спустить шкуру (*букв.* сдирать его спину); *сүнньүн көннөр* ′побить, проучить, обломать *кого-л.*′ (*букв.* спинной мозг его выпрямить). В их семантической структуре при интегральном компоненте значения ФЕ ′нанести побои *кому-л.*, избить *кого-л.*′ можно выделить следующие дифференциальные семы: ′отколотить′, ′выдрать′, ′обломать *кого-л.*′.

Различные образы, используемые при идеографической синонимии, в предложении: «*Сылтах була-була, эҥин араас буолбуккун, хата, ноһуораҕын көннөрөөйөмүй, тараах иэннээйэмий!*» [Ойунский, 2002, с.19]. ′Я покажу, как ломаться, искать повод, я тебя выправлю, располосую спину – враз шёлковым станешь!′ *ноһуоратын көннөр* ′давать выволочку *кому-л.*′ (*букв.* распрямлять его волосы) и *тараах иэннээ* ′побить розгами, исполосовать спину′ (*букв.* [его] сделать с полосатой спиной, исполосовать), выступают не только в качестве интенсификаторов действия ′бить, проучить *кого-л.*′, но и служат для конкретизации оттенков значения. В семантической структуре второго фразеологизма *тараах иэннээ* вычленяется дифференциальная сема интенсивности ′сильно побить′, передающая семантический оттенок ′жестоко обращаться *с кем-л.*, подвергнуть телесному наказанию′.

Семантические оттенки могут дифференцировать ФС с учетом характеризуемого действия. Так, вышеприведенный синонимический ряд с интегральной семой ′нанести побои *кому-л.*, избить *кого-л.*′ может быть дополнен фразеологическими синонимами *сирэйин ыл разг.* ′набить

морду *кому-л.′* (*букв*. лицо его взять), *муннун туур разг. ′*набить морду *кому-л.′*(*букв*. нос ему открутить), *сирэйин эттээ разг. ′*надавать по морде; избить *кого-л.′* (*букв.* рубить его лицо), где в их структуре присутствует дифференциальная сема *′*избить, нанося удары в лицо*′*. Таким образом, последние ФС имеют свои, специфические оттенки проявления действия.

Семантические оттенки ФС выступают как второстепенные дополнительные элементы, выделяемые в значении фразеологизма. Сравним фразеологизмы *төттөрү сүргүөхтээх ′*делающий все наоборот, наперекор *кому-л*. (*букв.* с костью позвоночника в обратном направлении) и *кэлии да соҕох ′*крайне неуступчивый; упрямый как осел*′* (*букв.* ступа и пест). Обе ФЕ объединяет интегральная сема *′*упрямый*′*. При этом первая ФЕ содержит дифференциальную сему *′*непослушный; несговорчивый; любящий возражать, перечить*′*, вторая – *′*неуступчивый; стремящийся добиться только своего (вопреки всякой логике и здравому смыслу)*′*. Оба фразеологизма нейтральны; функционально-стилистический и оценочный компоненты совпадают.

Дифференцирующим признаком следующей пары ФЕ *кулгааҕар куба саахтаабыт ′*тугой на ухо*′* (*букв*. у него уши заглушены пометом лебедя) и *таас дьүлэй ′*совершенно глухой*′* (*букв*. глухой [как] камень), вступающих в синонимические отношения, является сема *′*степень глухоты*′* с указанием на градацию обозначаемого признака.

Таким образом, идеографические ФС, отличаясь друг от друга оттенками значения, характеризуются дополнительными семами, обозначающими интенсивность действия, проявление признака.

Стилистические фразеологические синонимы при полном совпадении сигнификативно-денотативного компонента значения, оценочного, экспрессивного и эмотивного компонентов различаются по своей функционально-стилистической отнесенности. Различия в функционально-стилистической отнесенности означают принадлежность ФС к различным стилистическим пластам и различие во временной принадлежности фразеологизмов [Галиева, 2004, с.12].

С точки зрения функционально-стилистической характеристики ФС якутского языка представлены в следующих оппозициях: нейтральные ФЕ – ФЕ высокого стилистического тона (в словарях отмечены пометами: *кин., фольк., үрд. поэт., эргэр.*), ФЕ сниженного стилистического тона (с пометами – *кэпс., разг*.; *көн. кэпс*. *простор.*).

К стилистическим синонимам в оппозиции *нейтральные ФЕ – разговорные ФЕ* могут быть причислены единицы с общим значением *′*лицемерить*′*: *икки сирэй буолар ′*двуличничать, лицемерить*′* (*букв.* становиться двумя лицами) и *антах-бэттэх сирэй буолар разг. ′*лицемерить, быть двуличным*′* (*букв*. становиться лицом и туда, и сюда). У фразеологизмов наблюдаются совпадение сигнификативно-денотативного компонента значения и отрицательная оценочность. Общее значение *′*запоминать*′* передается фразеологизмом нейтрального стиля *өйгөр хатаа ′*крепко запомнить *что-л*., запечатлеть в памяти; намотать на ус*′* (*букв*. запереть в памяти) и *мэйиигэр хатаа ′*хорошенько запоминать *что-л*.; мотать себе на ус*′* (*букв*. запирать в своем мозгу), который является разговорной единицей. У данных фразеологизмов семантические составляющие фразеологического значения и компоненты коннотации совпадают, различаются они по функционально-стилистической отнесенности.

Помимо разговорных отдельно выделяются *просторечные ФЕ.* Просторечные ФЕ отличаются от разговорных большей сниженной стилистической окраской. В ЯРФС они сопровождаются пометой *көн. кэпс*. *простор.* Рассмотрим ФЕ с одним общим значением *′*глупый*′*, *′*тупой*′*, ФЕ синонимического ряда *улар мэйии ′*бестолковый, непонятливый, безмозглый*′*; дурак*′* (*букв*. глухариный мозг) – *кумах мэйии көн. кэпс. ′*разиня, голова садовая*′* (*букв*. песчаный мозг), находясь в оппозициях нейтральные ФЕ – ФЕ сниженного тона, становятся стилистическими синонимами.

Фразеологических синонимов, находящихся в оппозиции *нейтральные ФЕ – диалектные ФЕ,* немного: *сытар ынаҕы туруорбат киһи ′*мухи не обидит; воды не замутит*′* (*букв*. человек, не вспугивающий (не поднимающий) даже лежащей коровы) и *сытар дүлүҥү атыллаабат киһи* с этой же семантикой. При совпадении сигнификативно-денотативного компонента значения и оценочности первый относится к межстилевым, второй – к диалектным.

Фразеологические синонимы высокого стиля встречаются нечасто. Такие фразеологизмы в словарях сопровождаются пометой *урд. – высокий стиль*. Некоторые из них в своем составе имеют компоненты – архаизмы. Употребление их в речи (устной, письменной) придает оттенок возвышенности, приподнятости, торжественности. В оппозиции нейтральные ФЕ – ФЕ высокого стиля находятся глагольные фразеологизмы: *уҥуох тут* ′хоронить *кого-л.*′ – *көмүс уҥуоҕун көтөх, алтан уҥуоҕун араҥастаа* *высок.* ′хоронить покойника с честью, почестью ′ (*букв.* золотые кости его поднимать, серебряные кости его сложить на арангас).

В структуре коннотативного компонента присутствуют эмоционально-экспрессивные семы, которые выражают отношение субъекта к обозначаемому лицу. Во фразеологических словарях якутского языка они отмечаются пометами: отвращение, неприязнь *абааһы көрүү*, неодобрительность *сөбүлээбэккэ этии*, предосудительность *сүөлүргээн этии*, порицание, осуждение *сиилээн*, *сэмэлээн этии,* презрение *сэнээн этии*, *ахсарбат сыһыан*, насмешка *элэктээн этии*, ироничность *үгэргээн этии*; бранное выражение *үөхсэн этии*, одобрение *хайҕаан*, *сөбүлээн этии*; ласкательное *атаахтатан этии*, шутливое *күлэн-оонньоон этии,* злорадство *сэтэрээн*, очернение *холуннар*, угроза *саанан этии*.

Совпадают по эмоционально-экспрессивным характеристикам ФС, употребляющиеся в речи с оттенком осуждения: *күөх көппө* ′бездельник, лодырь′ – *күөх сүрэх* ′лентяй, бездельник′ (*букв*. синее сердце).

ФС могут различаться по эмоционально-экспрессивной окраске, например, оценочные фразеологизмы *бэҕэһээҥҥи бэдик (бэтэнээски)* молокосос, сопляк (*букв.* вчерашний шалун (бедняжка)), выражающие презрительное отношение говорящего к обозначаемому лицу, и ФЕ со сниженной стилистической окраской *бэҕэһээҥҥи саах үөнэ* сопляк, пащенок, употребляемые субъектом по отношению к лицу с оттенком неодобрения.

Одновременно с этим фразеологизм может содержать различия в структуре компонентов коннотации: в эмотивном, экспрессивном и оценочном. Например, общее значение ′угощать *кого -л.*′ имеют *илиитин харалаа* кимиэхэ эмэ туохта эмэтэ биэр, бэлэхтээ (*үксүгэр киниттэн тугу эмэ туһанаары*) ′угощать *кого-чем-л.* (*обычно в корыстных целях*)′ и *тумсун оҕунуохтаа* *кэпс.* кими эмэ күндүлээ (*үксүгэр арыгынан – тугу эмэ туһанаары*) ′угощать *кого-л*. (*обычно вином*) в корыстных целях′. В их семантической структуре можно выделить дифференциальные семы ′подносить *кому-что-л.*′ и ′потчевать, поить *кого-чем-л.*′. В функционально-стилистическом плане фразеологизмы не совпадают: первый является межстилевым, второй – разговорным.

Интегральная сема ′отрицательная характеристика человека′ содержится во фразеологизмах *билэр күөлүм балыга сэнээн*. киһиргиэҕэ туох да суох, мин кинини бэркэ билэбин ′очень хорошо знать *кого-л.* со всеми его недостатками; знать всю подноготную *кого-л.*′ (*букв*. рыба из известного мне озера) и *киһи билэр киһитэ сэнээн.* куһаҕан майгытынан-сигилитинэн, кэмэлдьитинэн биллибит киһи ′известный своими недостатками человек′ (*букв*. известный человек). В семантической структуре первого фразеологизма содержится дифференциальная сема ′недостаток характера′, второго – сема ′с дурной привычкой′. Помимо различий в семантических оттенках этих единиц в структуре коннотативного компонента обоих фразеологизмов присутствует отрицательная оценочность, выражающая презрительное отношение субъекта к обозначаемому лицу: *Тустууккунан да билэр күөлүм балыга этиҥ* (Хотугу Сулус). ′Какой ты борец, очень хорошо знаю′. «*Сараапап даҕаны киһи билэр киһитэ этэ, билигин киилдьийэлээх атыыһыт буолан төһө да наһаа киэбирбитин иһин», – эҥин диэн Маача олохтоохторо кистии-саба үөхсэр этилэр* (Н. Якутскай). ′Шарапов был известен дурным поведением, хотя сейчас слишком кичится, став купцом третьей гильдии, – так ругались тайком жители Мачи′.

ФЕ *хоҥ мэйии* *үгэрг.* олох акаары киһи ′слабоумный человек′ (*букв*. пустой мозг) и *иэдьэгэй мэйии* *фольк.* акаары, тугу да быһаарбат ′тупица, мякинная голова (башка)′ (*букв*. творожный мозг) различаются дифференциальными семами ′слабоумный′, ′бестолковый′ в сигнификативно-денотативном компоненте значения. Функционально-стилистическая соотнесенность этих единиц также различна. Первый

является межстилевым с оттенком иронии, второй – фольклорным.

Итак, основываясь на опыте изучения явления синонимии в отечественной лингвистике, нами определены признаки синонимичности фразеологических единиц. При выделении типов фразеологических синонимов в якутском языке мы опирались на такие параметры, как структурно-грамматическая характеристика, типы связи между компонентами фразеологизмов. Также учет таких составляющих фразеологического значения, как сигнификативно-денотативный и коннотативный компоненты, позволил нам выделить равнозначные фразеологические синонимы и неравнозначные фразеологические синонимы. Неравнозначные фразеологические синонимы мы подразделили на идеографические, стилистические и стилистико-идеографические. В перспективе ждут своего разрешения такие проблемы фразеологической синонимии, как разграничение фразеологических вариантов и фразеологических синонимов, синонимические ряды фразеологизмов, функционирование фразеологических синонимов в тексте.

Литература и источники

Апресян Ю.Д. Фразеологические синонимы типа «глагол-существительное» в современном английском языке: дис. … канд. филол. наук. – М., 1956. – 324 с.

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка / общ. ред. П.А. Слепцов. – Новосибирск: Наука, 2013. – Т.Х. – 575 с.

Галиева А.Т. Синонимия глагольных фразеологических единиц, выражающих отношения между людьми, в немецком и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2004. – 22 с.

Готовцева Л.М. Некоторые вопросы фразеологической синонимии якутского языка // Вестник СВФУ. – 2014. – Т.11, №3. – С. 96–102.

Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высш. шк.,1986. – 158 с.

Коркина Ю.Е. Синонимические отношения фразеологических единиц и слов в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Великий Новгород, 2005. – 273 с.

Краморенко Г.И. Фразеологические варианты в идиоматике современного немецкого языка: дис. … канд. филол. наук. – М., 1961. – 321 с.

Марданова Г.Б. Сопоставительный анализ фразеологических антонимов в английском и татарском языках: дис. … канд. филол. наук. – Казань, 1998. – 232 с.

Нелунов А.Г. Глагольная фразеология якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 128 с.

Ойунский П.А. Улуу Кудаҥса. – Дьокуускай: Бичик, 2002. – 159 с.

ПЭК – *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. – Т. I. – Л.: Изд. АН СССР, 1959. – 1280 стб.

Сидоренко М.И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке: учеб. пособие по спецкурсу. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1982. – 110 с.

ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка / общ. ред. П.А. Слепцов. – Новосибирск: Наука, 2006. – Т. 3. – 844 с.

Ураксин З.Г. Фразеология башкирского языка. – М.: Наука, 1975. – 192 с.

Фомина М.И. Современный русский язык: Лексикология. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 1990. – 415 с.

Хазанович А.П. Синонимия во фразеологии современного немецкого языка: дис. … канд. филол. наук. – Л., 1957. – 321 с.

Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. – М.: Высш. шк., 1970. – 199 с.

ЯРФС, 1998, I –Якутско-русский фразеологический словарь / сост. А.Г. Нелунов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1998. – Т.1. – 287 с.

ЯРФС, 2002, II – Якутско-русский фразеологический словарь / сост. А.Г. Нелунов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. – Т. II. – 420 с.

L.M. Gotovtseva

Synonymy of phraseological units of the Yakut language

The article highlights the theoretical issues of studying synonymy in linguistics, the concept of synonymy, identifies signs of synonymy, distinguishing phraseological synonymy and phraseological variation. It is noted that when

describing the phraseology of different languages, linguists proposed classifications of phraseological synonyms, based mainly on structural, semantic and stylistic characteristics. Based on the experience of studying phraseological units in Russian linguistics, the concept of the essence of the phenomenon of synonymy, we will conduct a typology of phraseological synonyms of the Yakut language. So, Yakut phraseological synonyms are considered from the point of view of structural and grammatical characteristics; by types of communication between the components of phraseological units; understanding of phraseological meaning as a complex conglomerate of the significatively-denotative and connotative components of the phraseological meaning. Such a typology of phraseological synonyms is carried out in the Yakut language for the first time. Phraseologisms are divided into equivalent phraseological synonyms and unequal phraseological synonyms. Ideographic, stylistic and stylistic-ideographic phraseological synonyms are analyzed in detail. Ideographic phraseological synonyms are distinguished by differential seme in the significative-denotative component of meaning. The identification of functional-stylistic, evaluative, emotive and expressive components in the connotation greatly helps with the distinction between stylistic and stylistic-ideographic synonyms. The practical significance of this study lies in the fact that research materials can be used in the preparation of textbooks, manuals, reference books on the phraseology of the Yakut and other Turkic languages.

Keywords: Yakut language, phraseology, phraseological unit, semantics, synonymy, types of phraseological synonyms, equivalent phraseological synonyms, unequal phraseological synonyms, differential seme.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В.А. Петрова

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.013
УДК 398.8(=512.211)

Формы и особенности исполнения эвенского эпоса нимкан

В данной статье проанализированы основные особенности исполнения эпоса эвенов. Работа опирается на изучение эпического наследия, личностей исполнителей песенного, песенно-прозаического и прозаического эпоса. Эпическое наследие любого народа, связанное с его языковым багажом и являющееся частью духовной культуры, требует многостороннего анализа с учетом значимости творческой личности. Изучение эпических материалов, а также свидетельств знатоков эпоса показывает, что в эпической традиции эвенов сосуществуют до настоящего времени песенно-прозаический и прозаический эпос, а ранее был и собственно песенный эпос, исполняемый полностью в песенной форме. Весь эпос эвенов назывался нимкан. Но для разграничения песенного, песенно-прозаического и прозаического эпоса эвены употребляют слово нимкан с дополнительными словами-определениями. Эпос, исполняемый песенно, называют икэ-нимкан (песня-нимкан); песенно-прозаический эпос – икэлкэн нимкан (нимкан с песней); собственно прозаический – нимкан, а короткие сказки – урумкун нимкан (короткий нимкан). Исполнение эпоса было приурочено к определенному месту и времени и привязано к годовому циклу – имело сезонность. Эвенский эпос нимкан обладал развитой специализацией исполнения. Эпос исполнял «профессиональный» сказитель при наличии помощника эдьимӈи, исполняющего функцию защиты, призванного своими действиями ограждать исполнителя и слушателей от злых духов (аринӈкал). Наличие такого помощника было обусловлено тем, что, по поверьям эвенов, бодрствование злых духов начинается в темное время суток, т.е. именно в тот момент, когда идет активное исполнение эпоса.

Ключевые слова: эвенский эпос, нимкан, сказитель, эпическая традиция.

Эвены – один из малочисленных народов, ведущий издревле кочевой образ жизни на территории северо-восточной и восточной части Якутии, Охотского побережья Хабаровского края и Магаданской области, а также Чукотского и Камчатского полуостровов. Одно из первых упоминаний об эвенах-оленеводах встречается в документах С. Петрова, толмача – переводчика Первой русской экспедиции И. Москвитина 1639–1642 гг., которые были опубликованы в 1958 г. Н.Н. Степановым [Степанов, 1958; 1959]. Кочевые эвены были оленеводами и охотниками; рыболовство носило подсобный характер. Для оседлых эвенов Охотского побережья доминирующими занятиями были рыболовство, прибрежный зверобойный промысел и собирательство. В качестве официального названия эвенов употреблялся этноним *тунгусы*, являвшийся одновременно и этнонимом эвенков [Никонов, 1984, с. 60], *ламуты* – букв. *приморские жители*, т.е. жители Охотского побережья [Там же, с. 52]. Эвены северо-восточной части Охот-

© Петрова В.А., 2020

ского побережья называют себя *орочел,* т.е. «оленные», «имеющие оленей» [Попова, 1981, с. 5]. Эвены Магаданской области именуют себя *мэнэл* – «сидячие», «живущие на одном месте» [Там же, с. 11]. Нижнеколымские эвены называют себя *илкар* – «настоящие люди» [Петров, 1991, с. 3]. У эвенов существует также внутреннее разделение на *наманканов* – «приморские», «жители побережья моря» и *донрытканов* – «таежно-глубинные», «жители глубин материка» [Попова, 1981, с. 6–7]. Самоназванием является этноним *эвен*, который произносится по-разному: *эвэн – эбэн – ывын – ыбын*. Из этих наименований возникло официальное название – *эвены*.

Эпос в духовной жизни любого народа занимает особое место, и, по утверждению А.Б. Кунанбаевой, на нем «держится вертикальная ось традиции – историческая память этноса, его историческое самосознание и живая передача нравственного назидания, т.е. духовный остов всей культуры» [Кунанбаева, 1988, с. 10–11]. Это утверждение в равной степени может быть отнесено и к эпосу эвенов.

Изучение эпических материалов, а также свидетельств знатоков эпоса показывает, что в эпической традиции эвенов сосуществуют до настоящего времени *песенно-прозаический* и *прозаический* эпосы, а ранее был и собственно *песенный* эпос, исполняемый полностью в песенной форме [Лебедева, 1981, с. 82]. Весь эпос (песенный, песенно-прозаический и прозаический) совокупно именовался *нимкан* [Новикова, 1958; 1966; Лебедева, 1981, с. 19]. Но для разграничения песенного, песенно-прозаического и прозаического эпоса эвены употребляют слово *нимкан* с дополнительными словами-определениями. Эпос, исполняемый песенно, эвены называют *икэ-нимкан* (в переводе с эвен. *песня-нимкан*); песенно-прозаический эпос называют *икэлкэн нимкан* (в переводе с эвен. *нимкан с песней*); собственно прозаический эпос называют *нимкан*, а короткие сказки – *урумкун нимкан* (в переводе с эвен. *короткий нимкан*). В некоторых районах проживания эвенов встречаются диалектные вариации данного термина: *н'имкан Ол, Алл, П, нимкан К-О, н'имкан К-О, М, Ск, Т, н'имкан Б* [ТМС, 1975, с. 594].

Соответственно и исполнители эпоса имеют свои наименования. Сказителя называют *нимкачамнга* (или же в сокращенном виде *нимкамнга*) [ПМА, 2009; 2013]. Это слово, производное от слова *нимкан*, образовано присоединением суффикса -мнга/-мнгэ (суффикс образует существительные, обозначающие деятеля по основному роду занятий, профессии, например: *оралчимнга* 'оленевод', *көһчимнгэ* 'дневной пастух', *өлимимнга* 'охотник на белок') или *нимкалан* (образовано присоединением суффикса -лан/-лэн, образующего существительное, обозначающее искусного деятеля по основному роду занятий, например: *олан* «мастер изготовления чего-либо», *икэлэн* «хорошо поющий»).

Эпос у эвенов исполнялся долгими зимними вечерами. Эвенский эпос запрещалось исполнять летом, когда наступали белые ночи *(нолтэн эрэлэдэккэн)*, а вечерняя заря сходилась с утренней. По эвенскому народному календарю, с месяца «спускающаяся тыльная поверхность кисти» («*эври унма*») по месяц при счете по частям тела приходилась на кончик среднего пальца левой руки «макушка лета» («*дюгани хэе*») [Попова, 1981, с. 64]. У эвенов исполнение эпоса начиналось с наступлением темноты, с заходом солнца и продолжалось всю ночь до утра. Обычай исполнять сказания в специально отведенное для этого время характерен не только для тюркских и других сибирских народов, он является чрезвычайно распространенным, если не универсальным [Райхл, 2008, с.113].

Запрет исполнять эпос в определенное время у эвенов был вызван не только культурно-бытовыми причинами, но и магико-мистическими представлениями, распространявшимися на хозяйственную деятельность, например, это делалось во избежание падежа оленей в летнее время, когда особо требовалось соблюдение обязательного табу. Несоблюдение табу было чревато жизненно важными последствиями, т.к. олень играл первостепенную роль в кочевой жизни эвенов.

Если в стойбище был свой сказитель, то эпос исполнялся для членов всего стойбища, где жил сказитель, в присутствии родных и близких (*дял*), в том числе и соседей по стойбищу (*нимэкэл*). К нему же присоединялись и начинающие исполнители эпоса. Тогда за одну ночь можно было услышать два или три сюжета от разных исполнителей. Исполняли эпос в основном из своего репертуара или же из ре-

пертуара сказителей своего рода. Эпический репертуар одного рода отличался от эпического репертуара другого рода.

Обычно эпос исполнялся в закрытом помещении в чуме (*чорама дю*). Особым местом в жилище эвенов является *мал* – место в жилище против входа за очагом, почетное; *малгида* – пространство между малу и входом [ТМС, 1975, с. 525]. По представлениям эвенов Аллаиховского улуса Республики Саха (Якутия), на месте напротив входа (*мал*) обитает дух-хозяин огня.

Сказителя, как правило, специально приглашали, чтобы послушать эпос из репертуара другого рода, что способствовало распространению разных вариантов сюжета эпоса среди членов своего рода и других родов внутри этноса. Приезд сказителя в стойбище был особым событием. За сказителем специально ездили, привозили его на оленях туда, где он должен был исполнять эпос. Сказитель останавливался в том чуме, где жил хозяин, пригласивший и привезший исполнителя. Встречали его по-особому, так как приглашенный сказитель пользовался уважением и играл важную роль в духовной жизни общества. Прибывший сказитель проходил по часовой стрелке и занимал в чуме место для гостей. Сказитель находился в стойбище несколько дней. Для него отводилось лучшее место в чуме с левой или с правой стороны от центральной жерди (*халкамча*) в мужской половине чума. Для него стелили постель. Он мог кочевать вместе с членами стойбища, каждый вечер исполняя эпос. По желанию сказителя, после окончания исполнения эпоса его увозили обратно в стойбище, где он жил и кочевал.

Ездить по приглашению для исполнения эпоса было привилегией только мужчин-сказителей, которые имели большое количество сюжетов в репертуаре и отличались высоким мастерством исполнения эпоса. Женщины исполняли эпос только у себя в стойбище. Но это было обусловлено чисто бытовыми причинами и не связано с каким-либо специальным запретом для женщин. Женское исполнительство, как и в целом женская культура, судя по нашим материалам и данным предшествующих исследователей, было очень развито. Об этом писала Ж.К. Лебедева: «Фольклорные данные позволяют предположить, что в историческом прошлом у северных этносов Сибири была развита женская культура, с женским архаическим эпосом и другими специфическими элементами духовной культуры (женские “сообщества”, специальные женские ритуальные места, женское шаманство, женский “язык” пола» [Лебедева, 1994, с. 49].

При исполнении эпоса сказители соблюдали определенный порядок, фактически это был своего рода ритуал. В стойбище, куда приглашался сказитель, в чуме собирались слушатели (*долчимнал*). Во время исполнения эпоса сказитель сидел на сидении из шкуры оленя на почетном месте (*малу*), подогнув обе ноги под себя (*бодэли хэвдэтникэн*). Во время исполнения эпоса приглашенным сказителем слушатели устраивались в чуме традиционно вокруг очага вдоль стены чума по кругу. Аудитория была без возрастных ограничений. Слушателями песенного, песенно-прозаического и прозаического эпоса было преимущественно взрослое население – мужчины и женщины; молодые и пожилые люди. Дети тоже допускались (с этого момента постепенно проявлялся интерес у ребенка к эпосу и в целом к эпическому искусству). Дети обычно сидели рядом со своими родителями. В это время постоянно горел огонь в очаге (*тог*). Сказитель начинал исполнять эпос вечером после захода солнца и рассказывал до утра. Следует отметить, что эпос эвенов обязательно исполнялся от начала до конца за одну ночь. Был даже запрет на прерывание исполнения эпоса и перенос на следующую ночь. Так как недорассказанный сюжет как бы оставлял героев на полпути, они оказывались в чужом мире и существовали в нем, не имея возможности вернуться в свой. Не только у эвенов, но и у других народов был запрет на прерывание повествования, что было чревато серьезными последствиями [Харитонова, 1999 , с. 288–298].

Так как законным временем исполнения эпоса считалась ночь, некоторые дети слушали эпос сквозь сон, а некоторые во время исполнения эпоса засыпали. Но каждый слушатель обязан был дослушать сказителя до конца. А те, кто засыпал во время исполнения эпоса, на следующий день подходили к сказителю и просили повторно исполнить эпос. Сказитель соглашался и в установленное время после ужина – с заходом солнца – занимал свое место (*малу*) за очагом и исполнял тот же нимкан повторно. Слушатели –

мужчины и женщины, молодые люди и дети – также занимали в чуме свои места.

Особое место во время исполнения эпоса занимало еще одно активно действующее лицо – *эдьимңа*, призванный своими действиями ограждать исполнителя и слушателей от недоброго воздействия злых духов, так как, по поверьям эвенов, бодрствование злых духов (*ариңкал*) наступает в темное время суток, т.е. ночью, именно в тот момент, когда идет активное исполнение эпоса.

Весь процесс исполнения эпоса у эвенов был строго ритуализован. Ритуализованный характер имели и действия самого сказителя, предварявшие начало исполнения. Обычно эвенский сказитель перед исполнением эпоса некоторое время сидел с закрытыми глазами и готовил себя к творческому акту исполнения. В это время слушатели затихали, и в чуме наступала тишина.

Исполнение эпоса эвенами приурочивалось к общественным событиям. Ж.К. Лебедева отмечает, что во время народных сборищ проходили внутриродовые и межродовые состязания сказителей [Лебедева, 1981, с. 82]. Во время весеннего оленеводческого праздника, посвященного рождению первого олененка (март-апрель), который длился несколько дней и ночей, в установленном месте собирались эвены со всех стойбищ. Во время народных праздников проходили состязания сказителей. Каждый сказитель представлял собственный эпический репертуар или же эпический репертуар своего рода и мог продемонстрировать сказительское мастерство перед сородичами из других стойбищ. В этот момент определялись наиболее талантливые сказители из различных родов.

Мой информатор И.С. Каркопский был свидетелем состязаний по сказительскому мастерству среди эвенов-сказителей: «Во время этих состязаний сказители собирались в чуме и поочередно исполняли эпос. Лучшего сказителя определяла аудитория слушателей». Наиболее талантливых сказителей отмечали и одаривали всевозможными подарками. Например, во время праздника самый лучший сказитель магаданских эвенов получал в подарок олененка, который родился первым. И с этого момента постепенно прекращалось исполнение эпоса. В летний период, как было сказано выше, был запрет на исполнение эпоса [ПМА, 2009].

Сказители у некоторых народов сидели в специальной позе. А. Лаврилье и Д. Матич в своей работе отмечают, что эвенский сказитель М.М. Осенин во время исполнения нимканов сидел, сложив руки на колени [Лаврилье, Матич, 2013].

Ж.К. Лебедева в своей работе «Архаический эпос эвенов», опубликованной в 1981 г., отмечает, что процесс исполнения включает две части: момент, предшествующий исполнению, и само исполнение. В первой части слушатели ведут беседу со сказителем, совместно вспоминают интересные в сюжетном и исполнительском отношении нимканы. Сказитель с большим вниманием слушает собравшихся, которые воодушевляют его [Лебедева, 1981, с. 84]. Первым делом сказитель обращался к аудитории со словами: «Что мне рассказать?» Таким образом, он готовил себя и слушателей к исполнению эпоса. Очевидно, обращение сказителя к аудитории перед исполнением эпоса имело большое значение в подготовке его к исполнению эпоса, а слушателей – к прослушиванию эпоса, благодаря такому приему возникали особая атмосфера взаимопонимания между сказителем и слушателями. Только после этого, по желанию слушателей или по выбору самого сказителя, начиналось исполнение эпоса.

Само исполнение эпоса начиналось после произнесения специального слова-приглашения к исполнителю. Ж.К. Лебедева отмечает, что «возгласы *“Гэлэ!”* (“Начинай!”), дружеская теплая атмосфера, устанавливающаяся между певцом и слушателями, располагают его к исполнению нимканов» [Там же]. Вот как она описывает один из наблюдавшихся ею эпизодов: «В начале А.М. Громов исполнил наиболее понравившиеся и, видимо, уже не раз слышанные собравшимися два фрагмента из эпического нимкана. Особое внимание привлек второй отрывок – песня женщины. Песня женщины поется лирично, голос сказителя передает ее кокетство, игривость, мелодия песни ритмичная, легкая. Вторую песню А.М. Громов исполнил по собственному желанию, посвятив ее всем собравшимся. Это была импровизация. В песне он выразил теплые чувства к своим слушателям: “Если большое товарищеское чувство объединило всех собравшихся, то в дальнейшем будем жить всегда дружно, и встречи друг с другом бу-

дут приносить большую радость", – таков ее основной мотив. Эти два исполнения можно расценивать как подготовку к основному исполнению, как своего рода настрой сказителя. Во второй части вечера сказитель исполнял отдельные фрагменты из эпических нимканов: 1) *чивкачан икэн* – песня пташки, птички; 2) *аринка икэн* – песня черта, сатаны. В исполнительском плане песни положительных и отрицательных персонажей были различны. Во время исполнения песни отрицательного персонажа голос сказителя передавал недоброжелательное отношение к герою. Его песня пелась грубым голосом. Песня положительного персонажа исполнялась приятным веселым голосом» [Там же, с. 83–85].

Певцы-импровизаторы показывали свое мастерство во время народных праздников [Там же, с. 78]. В работе Ж.К. Лебедевой содержится описание бытования песенной импровизации, которая проводилась в 1955 г. на публичных состязаниях во время летних традиционных праздников. Вот как описывает увиденное А.К. Дьячков: «На ярмарке один раз мне пришлось видеть состязания певцов. Это было в оленеводческом стаде около села Вьеш, куда меня возил с собой отец. Состязание проходило так. Вышли три певца, каждый начал свою песню. В песне воспевался какой-то предмет, олень, затем состязающиеся начали критиковать друг друга. Победителем стал тот, кого слушатели и зрители одобрили возгласами, хвалой. Потом против победителя вышел следующий певец и состязание продолжалось. Окончательно победил тот, кто победил большее число певцов. Эти состязания продолжались два-три дня» [Там же]. Ж.К. Лебедева указывает, что «А.К. Дьячков, описывая виденное им в середине 40-х гг. состязание песенников-импровизаторов, отмечает, что и среди эвенских сказителей в прошлом были широко распространены состязания. Так, талантливый сказитель Ф.И. Березкин, чье исполнение слышал А.К. Дьячков, когда-то был участником таких состязаний» [Там же]. Такие «состязания» у эвенов, где царило своеобразное соперничество между исполнителями, являлись одним из мощных факторов непрерывного существования эпической традиции.

Активными исполнителями нимкана были не только мужчины, но и женщины. Но их исполнительская практика была иной. Например, за работой, во время шитья, женщины не только исполняли песни, но и сказывали сказки [Павлова, 2001, с. 53]. В этот момент основу аудитории составляли главным образом сами женщины и дети. Ж.К. Лебедева отметила, что «короткие сказки» (собственно сказки. – *В.П.*) исполнялись женщинами. Эти сказки в соревнования не включались и рассказывались детям [Лебедева, 1981, с. 85–88].

Будущие сказители вовлекались в эпическую среду с раннего детства, ибо только таким способом можно было передать последующим поколениям песенный и песенно-прозаический эпос. Процесс обучения в эвенской сказительской традиции основывался на принципе прослушивания, подражания и повторения текстов сказителя-наставника. Такой способ был единственной традиционной формой обучения и прозаическому эпосу. Как только ребенок начинал хорошо говорить, он пытался рассказывать короткие нимканы. Таким образом, дети вовлекались в эпическую среду естественным путем, уже с 6–7 лет они в игровой форме рассказывали короткие сюжеты для своего окружения [ПМА, 2011].

Итак, исполнение эпоса было приурочено к определенному месту и времени и привязано к годовому циклу – имело сезонность. Эвенский эпос *нимкан* обладал развитой специализацией исполнения. Эпос исполнял «профессиональный» сказитель при наличии помощника *эдьимӈи,* выполняющего функцию защиты, призванного своими действиями ограждать исполнителя и слушателей от злых духов (*аринӈкал*). Наличие такого помощника было обусловлено тем, что, по поверьям эвенов, бодрствование злых духов начинается в темное время суток, т.е. именно в тот момент, когда идет активное исполнение эпоса. В настоящее время эпос во взрослой аудитории исполняется редко. Отмечается естественное угасание данной эпической традиции в соответствии с новыми жизненными условиями и трансформациями культуры в целом. Запись эпоса в живом естественном исполнении сейчас маловероятна в силу нескольких причин. Уже ушли из жизни профессионалы, которые прошли школу эпического сказительства в традиционной обстановке, где передача эпоса осуществлялась через прямое обучение. Нынешние представители старшего поколения,

среди которых встречаются хорошие знатоки эпического фольклора, потеряли аудиторию и саму эпическую среду вместе с традиционной обстановкой, благодаря чему существовала эпическая традиция. В итоге произошел разрыв в передаче эпического знания от старшего поколения к младшему и почти завершилось угасание эпической традиции в целом.

Литература и источники

Кунанбаева А.Б. Музыкальный эпос кочевых народов: история и стиль // Проблемы изучения музыки эпоса: тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. (19–23 апр. 1988 г.). – Клайпеда: [б.и.], 1988. – С. 10–11.

Лаврилье А., Матич Д. Electronic edition: www.siberian-studies.org/publications/PDF/lcevnim.pdf. – 2013.

Лебедева Ж.К. Архаический эпос эвенов. – Новосибирск: Наука, 1981. –158 с.

Лебедева Ж.К. Устный эпос: проблемы истории, теории и сказительства // Материалы Третьей международной конференции памяти Альберта Бейтса Лорда. – Якутск, 1994. – 49 с.

Никонов В.А. Этнонимы Дальнего Востока СССР // Этническая ономастика. – М., 1984. – С. 44–69.

Новикова К.А. Эвенский фольклор. – Магадан: Изд-во Магадан, 1958. – 120 с.

Новикова К.А. Обзор материалов по эвенскому фольклору // Язык и фольклор Сибирского Севера. – М.; Л., 1966. – 203 с.

Павлова Т.В. Обрядовый фольклор эвенов Якутии (музыкально-этнографический аспект). – СПб., 2001. – 263 с.

Петров А.А. Лексика духовной культуры эвенов (народное искусство и обряды). – Л.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1991. – 80 с.

ПМА – Полевые материалы автора, 2009, 2011, 2013 гг.

Попова У.Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917–1977 гг. – М., 1981. – 297 с.

Райхл К. Тюркский эпос. – М.: Вост. лит., 2008. – 383 с.

Степанов Н.Н. Русские экспедиции на Охотском побережье. – Л.: Изд. ВГО, 1958. – Т. 90, вып. 5. – С. 439–452.

Степанов Н.Н. Русские экспедиции на Охотском побережье в XVII веке и их материалы о тунгусских племенах // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Л., 1959. – Т. 188. – С. 179–254.

ТМС – Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Материалы к этимологическому словарю. Т. I (А – Н). – Л., 1975. – 672 с.

Харитонова В.И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможных современных исследований. – М.: ИЭА РАН, 1999. – 602 с. (Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 3, ч. 1–2).

V.A. Petrova

Traditional performance of Even's epos Nimkan

This article analyzes the main features of the execution of the Even epos. The work is based on the study of the epic heritage, the personalities of the performers of the song, song-prose and prose epos. The epic heritage of any nation, associated with its linguistic knowledge and being part of a spiritual culture, requires multilateral analysis, taking into account the significance of the creative person. A study of epic materials, as well as the testimonies of experts on the epos, shows that in the epic tradition of the Evens, a song-prose and a prosaic epos coexist to this day, and earlier there was a song epos proper, performed entirely in song form. The entire Evens epos was called Nimkan. But to differentiate the song, song-prosaic and prosaic epos, the Evens use the word nimkan with additional definition words. The epos, performed by a song, is called ike-nimkan (song-nimkan); song-prose epos - ikelken nimkan (nimkan with a song); the actual prose is Nimkan, and short tales are Urumkun Nimkan (short Nimkan). The performance of the epos was timed to a specific place and time and was tied to the annual cycle, it had seasonality. The Even epos Nimkan possessed a developed specialization of performance. The epos was performed by a "professional" storyteller with the help of an assistant edimni performing a defense function, called upon to protect the performer and listeners from evil spirits (arinkal) by his actions. The presence of such an assistant was due to the fact that, according to the Evens, the wakefulness of evil spirits begins in the dark, i.e. precisely at the moment when the active fulfillment of the epic is underway.

Keywords: Even Epos, Nimkan, storyteller, epic tradition.

Н.В. Павлова

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.014
УДК 398.21(=512.15)

Инициальные (начальные) формулы в якутских народных сказках и олонхо ессейских якутов

В данной статье нами рассмотрено в сравнительном аспекте наличие категорий инициальных (начальных) формул в якутской народной сказке и олонхо ессейских якутов. Каждая категория начальной формулы снабжается примером из текстов олонхо ессейских якутов. Помимо этого в начале статьи нами приводятся выводы по сравнительному изучению инициальных (начальных) формул в эвенских и якутских народных сказках, а также в якутской волшебной сказке и олонхо.

Рассмотрев наличие начальных формул в олонхо ессейских якутов, мы выяснили, что больше всего в этих олонхо наличествуют формулы, утверждающие семейное и социальное положение героя. Эти формулы присутствуют во всех пяти олонхо ессейских якутов. Категория топографических формул нами обнаружена в четырех олонхо, а формулы – наличия только в двух олонхо. Формула времени есть только в одном олонхо, а формулы, вводящие сразу в действие, и формулы, определяющие семейное положение героя, в олонхо ессейских якутов нами не замечены.

Ключевые слова: якутская народная сказка, инициальная (начальная) формула, олонхо ессейских якутов и др.

Наличие инициальных (начальных) формул, определяющих существование героя, в эвенских, якутских народных сказках и в некоторых олонхо ранее нами были рассмотрены в нескольких статьях [Мухоплева, Павлова, 2019; Павлова, 2017; 2018; Павлова, Петрова, 2018; 2019].

Систематизировав якутские начальные сказочные формулы, мы выявили совершенно разные показатели по жанрам якутской народной сказки. Итак, если в волшебных сказках больше всего доминируют начальные формулы, определяющие социальное положение героя, то в якутских сказках о животных, наоборот, их меньше. В якутских сказках о животных в большей степени преобладают инициальные формулы, вводящие слушателя в действие, а в волшебных сказках они, напротив, оказались в малом количестве. В начальных формулах якутских бытовых сказок доминируют хронологические формулы, которых и в двух других жанрах якутской сказки имеется немало [Павлова, 2018а].

В инициальных (начальных) формулах эвенских сказок о животных преобладают формулы, вводящие слушателя в действие сказки. Наименьшее количество показали формулы, определяющие семейное положение героя. В отличие от сказок о животных в эвенских волшебных сказках доминируют формулы, определяющие семейное положение героя. Следует отметить, что в эвенских волшебных сказках отсутствуют топографические и формулы, вводящие в действие сказки. В эвенских бытовых сказках преобладают формулы, определяющие семейное положение героя, а также формулы, определяющие семейное и социальное положение героя. Отличительной особенностью эвенских и якутских сказок о животных являются формулы, вводящие в действие сказки [Павлова, Петрова, 2018]. Хронологические формулы доминируют в эвенских и якутских народных сказках о животных. Если показатель формул времени среди волшебных сказок почти равный, то в бытовых сказках процент совсем разный [Павлова, Петрова, 2019].

Топографические начальные формулы якутской волшебной сказки информируют о том, что действие сказки происходит в поле (*алаас сыһыы*), на озере (*көлүйэ күөлүгэр*), в отдаленном месте (*бэрт ыраах сиргэ*), на окраине очень большого города (*бэрт улахан куорат тас өттүгэр*) или, как и в русских сказках, «в каком-то царстве, в каком-то государстве» (*ханнык эрэ*

© Павлова Н.В., 2020

саарыстыбаҕа, ханнык эрэ государствоҕа). Следует отметить, что больше всего доминирует описание природного ландшафта Якутии. Среди инициальных формул других сказочных жанров пространственные формулы наиболее распространены в якутских сказках о животных, в отличие от волшебных и бытовых сказок [Павлова, 2017].

Эпическое действие происходит во всех трех мирах эпического мироздания [Павлова, 2018б]. Среди топографических начальных формул в олонхо можно обнаружить следующие топонимы: «сарыал маҥан халлаана» («лучезарно-белое небо»), «Арҕаа Сибиир арҕаһын кэҕэтигэр, үтүө сир үрдүк мындаатыгар, туруу дойду туйгутуур уорҕатыгар» («На этой [земле] Западный Сибиир, на самом ее загривке, на высокой поверхности прекрасной страны, на лучшем хребте родной тверди-земли»), «Унаарытта Эбэ Хотун диэн ааттаах-суоллаах алаас сир» («Унаарытта Эбэ Хотун называемая, славно-знаменитая долина-алаас»), «сир ийэ-аан дойдум» (изначальная мать-земля моя) и т.д.

Рассмотрев хронологические начальные формулы олонхо и якутской волшебной сказки, мы обнаружили, что эпическое и сказочное действия происходят обычно в давние прошедшие времена, а также, в отличие от олонхо, иногда сказочные герои живут будто бы и в настоящее время [Павлова, 2017].

Мы убедились в том, что в количественном плане доминирует сказочное действие, произошедшее в давние времена. Об этом свидетельствуют наречие «былыр», «былыыр-былыр» (пер.: «в древности, в старину, в давние времена»), аффиксы глаголов прошедшего времени с частицами «үһү», «эбит». Приведем примеры: «Былыр икки кыыстаах оҕонньордоох эмээхсин олорбуттара эбитэ үһү» [ЯНС, с. 252]. / «Жили, говорят, в старину старик и старуха с двумя дочерьми» [Там же, с. 253]; «Чаачахаан-Чаачахаан олорбута эбитэ үһү» [Там же, с. 162] / «Жила, оказывается, Чаачахаан-Чаачахаан, говорят» [Там же, с. 163]; «Биир ойохтоох, уоллаах кыыс оҕолоох, күөх эбириэн оҕустаах, икки ынахтаах, икки биэлээх, икки тыйдаах, биир бороосколоох, Киэҥ Чэҥэлик диэн күөллээх ЧөпчөөкөөнЧөпчөөкөөн диэн олорбута эбитэ үһү» [Там же, с. 184] / «Жил, говорят, [человек] по имени Чёпчёёкёён-Чёпчёёкёён с одной женой, детьми, мальчиком и девочкой, сизо-пестрым быком, двумя коровами, двумя кобылами, двумя двухтравыми лошадками, одним бычком и озером Киэнг Чэнгэлик» [Там же, с. 185].

Интересно отметить также, что, в отличие от олонхо, в хронологических формулах якутских волшебных сказок действие героев происходит словно в настоящее время. Приведем примеры: «Дьэ, Эрэйдээх-Буруйдаах дьахтарын кытта олороллор, Баай Хара Хаан ыаллаахтар» [Там же, с. 270] / «Ну вот, живет Эрэйдээх-Буруйдаах со своей женой» [Там же, с. 271]; «Чаачахаан Чабычахаан эмээхсин диэн ойохтоох, Кыл Күөмэй диэн кыыстаах, От Атах диэн уоллаах, Сэбирдэх Түөс диэн уоллаах, От Сыалыйа диэн уоллаах, Хабах Бас диэн уоллаах, Орой Мэйии диэн уоллаах» [ЯС, т. 1, с. 108] / «Чаачахаан имел жену старуху Чабычахаан, дочь Кыл Кюемэй, сына От Атах, сына Сэбирдэх Тюес, сына Хабах Бас, сына Орой Мэйии» [Там же, с. 108]; «Тэбэнэкээн эмээхсин түөрт туулаах, сүөһүтэ суох» [Там же, с. 125] / «Старуха Тэбэнэкээн имеет четыре морды (верши), но нет у нее скота» [Там же, т. 1, с. 127].

Сравнив топографические формулы якутских волшебных сказок и олонхо, мы определили, что эпическое действие, в отличие от сказочного, происходит в более масштабном, космическом пространстве [Павлова, 2018б].

В инициальных формулах олонхо «Дыырай Бэргэн» У.Г. Нохсорова, мы обнаружили среди начальных формул одновременно в последовательном порядке хронологические, топографические формулы, формулы существования героя, формулы, характеризующие социальное положение героя и формулы наличия. Отличительной чертой этого олонхо является то, что сказитель описывает создание мира, постоянно, сравнивая с «различными частями лошади» [Павлова, 2018а]. Например, «күрүҥ сылгы көхсүн тириитин курдук күөнтүү үүнэн» (букв. «обросла как спинная шерсть лошади»), «аллаах ат туһахтатын курдук аан маҥнай акылааттанан» (букв. «как пятно на лбу быстрой лошади, впервые основываясь»), «тураҕас сылгы туһахтатын курдук тулааһына тутуллан» (букв. «как пятно на лбу гнедой лошади подпертый»), «кэрэ сылгы кэлин таһаатын курдук киэптэнэн» (букв. «как задний стан прекрасной лошади имея форму»).

Кыыс Дэбилийэ (стк. 113–133)	Перевод на русский язык
<…> Бу Арҕаа Сибиир Арҕаһын кэҕэтигэр, Үтүө сир Үрдүк мындаатыгар, Туруу дойду Туйгутуур уорҕатыгар Туруйа кыыл Чонойо көтөн Тулатын булбакка, Чоҥкуначчы хаһыытаабыт Туналҕаннаах толоонноох; Кыталык кыыл Кырыйа көтөн, Кытыытын булбакка, Кыҥкыначчы ытаабыт Кылбаарыйар кырдаллаах, Улаҕата көстүбэт Үһүн уорҕалаах Унаарытта Эбэ Хотун диэн Ааттаах-суоллаах алаас сир Айыллан үөскээбит эбит <…> [Кыыс Дэбилийэ, с. 76–78]	<…> На этой [земле] Западный Сибиир, на самом ее загривке, на высокой поверхности прекрасной страны, на лучшем хребте родной тверди-земли, [там, где] журавль, высоко летая, шею вытянет и, вокруг границ не найдя, тревожно закурлычет – [с такими] лугами необозримыми, [там, где] стерх, над землею низко летя и края-конца не найдя, звучно запричитает – [с такими] долами неохватными, С неоглядно-необозримой, простирающейся ширью-поверхностью, Унаарытта Эбэ Хотун называемая, Славно-знаменитая долина-алаас Сотворена была, оказывается <…> [Кыыс Дэбилийэ, 1993, с. 77–79]

В начальных топографических формулах олонхо «Дыырай Бэргэн» описывается о том, что «плодородная, благотворная ширь земная возродилась, ограждаясь по краям лесами, скалами, морями». Сказитель в этих формулах также использует сравнения с «частями лошади′: «элэмэс сылгы сиэллээх кутуругун тиирэ тардан кэбиспит курдук» (букв. «словно растянутые грива и хвост пегой лошади»), «сэттэлээх сиэр сылгы сиэллээх кутуругун сирэйэ-бурайа баттаабыт курдук» (букв. «словно старательно надавленные грива и хвост саврасой лошади»), «дьоруо сылгы барахсан кыайан дьоруолаан кэлбэтэх чускуоннаах тулаһалаах» (букв. «имеет пространство, которое не пробежит иноходец дорогой»), «сэлиик ат барахсан кыайан сиэлэн кэлбэтэх чэлгиэннээх тэлгэһэлээх» (букв. «имеет широкое надворье, через которое не смог пробежать рысак») [Павлова, 2018а].

С целью изучения наличия инициальных формул в олонхо ессейских якутов нами рассмотрены пять текстов: «Тиин һонноох Тиигээнэй Бухатыыр» (исполнитель – Е.Х. Оһоҕостоох), «Тиин һонноох Тиигээнэй Бухатыыр» (М.И. Өспөк), «Хотой Бөҕө» (Е.Х. Оһоҕостоох), «Хотой Бөҕө» (М.И. Өспөк), «Кыйдааннаах Кыыс Бухатыыр» (М.И. Өспөк) [Хотугу сахалар олоҥхолоро, 2019 – далее ХСО].

Таким образом, нами обнаружены следующие категории формул в олонхо ессейских якутов:

1) формулы пространства (топографические);

2) формулы времени (хронологические);

3) формулы, определяющие семейное и социальное положение героя;

4) формулы наличия / отсутствия.

Тексты олонхо еще не переведены на русский язык. Однако приведем примеры на языке оригинала и поясним их содержание:

Начальные формулы времени мы обнаружили в одном олонхо – «Тиин һонноох Тиигээнэй Бухатыыр» (Е.Х. Оһоҕостоох):

«*Һир ийэ һиксигэ һитэ илигинэ,*

Буор ийэ уһуга тиллэ илигинэ,

Орто кэҕэл Дойду улаата илигинэ...» [ХСО, 2019, с. 94].

В этом олонхо эпическое время описывается формулами так, будто действие происходит «до окончательного сотворения Земли матери», «до увеличения Срединного мира».

Начальные формулы пространства найдены в четырех олонхо:

«*...Аан дойду*
Хабылыйар хаба киинигэр...» («Тиинҥ һонноох Тиигээнэй Бухатыыр», Е.Х. Оһоҕостоох, строки 4–5) [Там же, с. 94].

«*...Аан дойду өрүһэ*
Аллан өрүс тохтор тутааҕар,
Быстар төбөтүгэр...» («Хотой Бөҕө», Е.Х. Оһоҕостоох, строки 4–6) [Там же, с. 135].

«*...Аан дойдуга аатыран олорбута,*
Тэгэл дойдуга тэҥнээҕэ һуох
Сүөл дойдуга сөптөөҕүн булбатаҕа...» («Кыйдааннаах Кыыс Бухатыыр», М.И. Өспөк, строки 7–9) [Там же, с. 173].

«*...Аан дойдуга аатыран олороллор...*» («Тиинҥ һонноох Тиигээнэй Бухатыыр», М.И. Өспөк, строка 8) [Там же, с. 192].

Эпическое действие происходит в «центре мира», «на верхушке реки Аллан», «во всем мире».

Формулы, определяющие семейное и социальное положение героя, мы нашли во всех пяти олонхо:

«...Үс ини-бии киһи үөскээбиттэрэ үһү.
Биир кыыс балтылаахтар.
Кыыс аата Кыыс Кыскыйдаан диэн
Төрөөн олорбута үһү.
Бу дьон Эчийкээн эмээхсиннээхтэр.
<...> *Кинилэр обургулар*
Сахаттан саанан ордук,
Тоҥустан тутумунан ордук,
Нууччаттан турубканан ордук...» («Тиинҥ һонноох Тиигээнэй Бухатыыр», Е.Х. Оһоҕостоох, строки 59–62) [Там же, с. 95–96].

В этих строках рассказывается о родных братьях, у которых есть младшая сестра по имени Кыыс Кыскыйдаан и старушка Эчийкээн. Они были «досл.: лучшими во всем от саха, тунгуса и русского».

«*...Аҕыс кыыстаах,*
Тоҕус уоллаах.
<...> *Харахаантай Тойон.*
Кинилэр обургулар аан дойдуга
Айаан-буйаан олорбуттар эбитэ үһү...» («Хотой Бөҕө», Е.Х. Оһоҕостоох, строки 2–3, 9–11) [Там же, с. 135].

В этих строках говорится о том, что живет во всем мире Господин Харахаантай с восемью дочерьми и девятью парнями.

«*Кыйдааннаах Кыыс Бухатыыр*
Хантан да төрөөбүтүн-үөскээбитин билбэт.
Кини обургу
Хантан-хантан буолла
Сүөһүтэ-сүөһүттэн ордук,
Үбэ-үптэн ордук,
Аан дойдуга аатыран олорбута,
Тэгэл дойдуга тэҥнээҕэ һуох
Сүөл дойдуга сөптөөҕүн булбатаҕа,
Кинини кытта тэҥнэһэн оонньуур
Туох да һуох буолбута <...>
Хантан да оҕоломмутун билбэтим
Оҕолоох эбит...» («Кыйдааннаах Кыыс Бухатыыр», М.И. Өспөк, строки 8–11, 79–80) [Там же, с. 173–175].

Из этих строк нам известно, что Богатырка Кыйдааннаах Кыыс имеет много скота, богатства и одного ребенка.

«*Эрэ өлбүт, икки уоллаах,*
Биир кыыстаах дьахтар олорбут.
Аҕаларын аата Көҕүл Бөҕө диэн этэ.
Кыыстарын аата
Көҕүл Бөҕө кыыһа Көхөчөлөөн-Куо.
Хаһан да баайдара баайтан ордук,
Үптэрэ үптэн ордук.
Аан дойдуга аатыран олороллор...» («Тиинҥ һонноох Тиигээнэй Бухатыыр», М.И. Өспөк, строки 6–8) [Там же, с. 192].

В этих строках рассказывается о женщине-вдове, у которой есть двое сыновей и дочка Кёхёчёлёён Куо.

«*...Харахаантай Тойон олорбута үһү.*
Аҕыс кыыстаах, тоҕус уоллаах;
Эмий куурдар, эмсэх эһэр ылгын уола
Тэлэгиитин үрдүнэн
Тэлэр көмүс хомусуоллаах Хотой Бөҕө...» («Хотой Бөҕө», М.И. Өспөк, строки 3–7) [Там же, с. 212].

Здесь сообщается о том, что жил Господин Харахаантай, у которого были восемь дочерей, девять сыновей, а также младший сын Хотой Бёгё.

Формулы наличия / отсутствия обнаружены в двух олонхо:

«*...Ыйы бүөлүүр*
Ыыс туман сүөһүлээхтэр,
Күнү бүөлүүр күн-дүмэн сүөһүлээхтэр,
Кылыйар кырдаллаахтар,
Буурдуур булгунньах оттоохтор,
Кыыс киһини харытынан охсуллар
Хампа нуоҕай оттоохтор,
Уол киһини сототунан охсуллар

Солко нуоҕай оттоохтор,
Үрэлийбэт үүт чөмөөн көлүйэлээхтэр,
Аҕыс уон киһи
Айдаан булбат ампаардаахтар
Тоҕус уон киһи
Хоһуйан эппэт хоспохтоохтор.
Кини обургулар буолан баран
Тойон киһи добдугураччы кэпсэтэ туралларын көрдүк
Тойон сэргэлээхтэр...» («Тиинг һонноох Тиигээнэй Бухатыыр», М.И. Өспөк, строки 9–33) [Там же, с. 192–193].

Здесь повествуется о том, что у героев было много скота, земли, озер, амбаров, коновязей и т.д.

«...Ыйы бүөлүүр ыыс-тумат сүөһүлээх,
<...> Тоҕус уостаах тойон сэргэлээх буолбут.
Арга диэхи көрдөҕүнэ
Арым-дьарым хайалардаах буолбут,
Илин диэхи көрдөҕүнэ
Ирим-дьирим тыалардаах буолбут.
Буурдуур булгунньах оттордоох буолбута,
Кыыс киһини харытынан охсуллар
Хампа нуоҕай оттоох буолбута,
Кылыйа оонньуур кырдаллардаах буолбута...» («Хотой Бөҕө», М.И. Өспөк, строки 8–56) [Там же, с. 212–213].

В этих строках также говорится о том, что у героя имеется много скота, коновязей, земли с шелковыми травами, гор, долин и т.д.

Эвиденциальные конструкции с частицами *үһү* и *эбит* мы обнаружили не во всех текстах олонхо ессейских якутов. Исследователи отмечают, что эти конструкции активно используются во многих текстах якутских олонхо [Ефремов, 2011; Мухоплева, 2010]. Интересно отметить, что эвиденциальные конструкции с частицами *үһү* и *эбит* мы не обнаружили в начальных формулах двух олонхо сказителя М.И. Өспөк «Тиинг һонноох Тигээнэй Бухатыыр» [Там же, с. 192–193] и «Кыйдааннаах Кыыс Бухатыыр» [ХСО, с. 173–175].

В отличие от якутских народных сказок, в олонхо ессейских якутов наличествуют не все категории инициальных формул. В этих олонхо обнаружены только четыре категории начальных формул: 1) формулы пространства (топографические); 2) формулы времени (хронологические); 3) формулы, определяющие семейное и социальное положение героя; 4) формулы наличия. Среди инициальных формул в данных олонхо отсутствуют формулы, вводящие слушателя в действие, и формулы, отдельно определяющие только семейное или социальное положение героя.

В заключение следует отметить, что сюжетная структура эпических произведений складывается по определенным канонам, в которых немаловажную роль играют традиционные формулы. Дальнейший сравнительно-сопоставительный анализ медиальных (серединных) и финальных (заключительных) формул олонхо ессейских якутов в сравнении с народными сказками показал бы более полную картину локальной поэтической устойчивости эпоса ессейских якутов.

Литература и источники

Ефремов Н.Н. Эвиденциальные конструкции в эпическом тексте (по материалам якутского героического эпоса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3 (10). – С. 52–55.

Кыыс Дэбилийэ: Якутский героический эпос. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. – 330 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Мухоплева С.Д., Павлова Н.В. Хотугу сахалар олоҥхолоро уонна олоҥхоһуттара // Хотугу сахалар олоҥхолоро. – Дьокуускай: Бичик, 2019. – С. 5–21 (Саха боотурдара 21 томнаах; Т. 21).

Мухоплева С. Д. «Үһү» как речевой маркер исполнителя-сказителя (на примере олонхо К.Г. Оросина «Нюргун Боотур Стремительный») // Фольклор и литература народов Сибири: традиции и новации. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2010. – С. 82–85.

Павлова Н.В. Инициальные (начальные) формулы в якутской волшебной сказке и олонхо «Дыырай Бэргэн» У. Нохсорова // Творчество олонхосута У.Г. Нохсорова: сохранение, изучение, развитие. – Якутск: Алаас, 2018а. – С. 35–44.

Павлова Н.В. Топографические начальные формулы в якутской волшебной сказке и олонхо // Олонхо в мировом эпическом пространстве: наследие П.А. Ойунского: сб. тез. по матер. Междунар. науч. конф. (г. Якутск, 27–28 сентября, 2018 г.). – Якутск: Издат. Дом СВФУ, 2018б. – С. 113–116.

Павлова Н.В. Хронологические формулы в якутской волшебной сказке и олонхо // Эпическое наследие народов мира: традиции и этническая специфика: сб. тез. по матер. междунар. науч. конф. (г. Якутск, 6–8 июля 2017 г.). – Якутск: Алаас, 2017. – С. 80–81.

Павлова Н.В., Петрова В.А. Инициальные формулы в эвенской и якутской народных сказках // Language and Literature, Issue 4 (3), Vol. 27, 2018, P. 742–751 (СКОПУС – Q1). (*Pavlova N.V., Petrova V.A*. The Initial Formula to the Even and Yakut Folk Tales // Language and Literature, Issue 4 (3). 2018. Vol. 27, P. 742–751).

Павлова Н.В., Петрова В.А. Начальные хронологические формулы в эвенской и якутской народных сказках // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики = Idndigenous Languages as a Factor of sustainabLe development ofthe Arctic: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф., 27–29 июня 2019 г. – Якутск: ИГИиПМНС СО РАН, 2019. – С. 125–131.

ХСО – Хотугу сахалар олоҥхолоро. – Дьокуускай: Бичик, 2019. – 304 с. – (Саха боотурдара 21 томнаах; Т. 21).

ЯНС – Якутские народные сказки. – Новосибирск: Наука, 2008. – 462 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т.27).

ЯС – Якутские сказки. – Якутск: Кн. изд-во, 1964. Т. 1. – 309 с.; 1967. Т. 2. – 284 с.

N.V. Pavlova

Initial formulas in the Yakut folk tales and the Yssey Yakuts' Olonkho

In this article, we examined in a comparative aspect the presence of categories of initial formulas in the Yakut folk tale and the Olonkho of the Yssey Yakuts. Five texts of the Olonkho of two Yessey storytellers M.I. Өspөk and E.Kh. Ohoҕostoh. The main conclusion is that, unlike Yakut folk tales, not all categories of initial formulas are present in the Olonkho Yssey Yakuts.

Four categories of initial formulas were found in these Olonkhos: 1) space formulas (topographic); 2) time formulas (chronological); 3) formulas that determine the family and social status of the hero; 4) availability formulas. Among the initial formulas in these Olonkho there are no formulas that put into effect, and formulas that separately determine only the family or social status of the hero. The author of each category of the initial formula is supplied with an example from the texts of the Olonkho-Yssey Yakuts. In addition, at the beginning of the article, the author gives conclusions on a comparative study of initial (initial) formulas in Even and Yakut folk tales, as well as in the Yakut fairy tale and Olonkho.

Keywords: Yakut folk tale, initial formula, of the Yssey Yakuts' Olonkho, etc.

С.Е. Карманова (Ноева)

DOI: 10.25693/SVGV.2020.31.2.015
УДК 821.512.157'312.2

«Город на костях»: апокалиптические образы и мотивы Якутска в аспекте городского текста

Актуальность данной статьи продиктована необходимостью исследования культурного ландшафта Якутска на художественном материале якутской прозы XX в. как сегмента, в пределах которого наиболее ярко раскрывается уникальное качество национального мира. В связи с этим научная новизна статьи очевидна: она состоит в необходимости осмысления одной из аутентичных и содержательных моделей якутского городского текста – модели «Города на костях», как смысловой структуры, которая проявляется в константности образов, универсалий, обладающих культурно-исторической, ментальной общностью и объединенных в единую художественную

© *Карманова (Ноева) С.Е., 2020*

систему. Изучение образа апокалиптического Якутска, не получившее по сей день детальной разработки в якутском литературоведении, аргументируется идеей об апокалиптическом городе, как одной из многочисленных моделей якутского городского текста, и базируется на большом художественном материале прозы П.А. Ойунского, Н.Е. Мординова-Амма Аччыгыйа, И.М. Гоголева, В.С. Соловьева-Болот Боотура, В.С. Яковлева-Далана, Е.П. Неймохова и др. Концептуально данная работа опирается на научные взгляды о локальных текстах, которые по своей сути понимаются намного шире городских, предполагая помимо городского текста также включение и «аласного» текста, и лиминального хронотопа, создающих художественные модели пространства, дополняющих друг друга и сливающихся в единый якутский текст. В контексте заявленной темы новой смысловой активностью преисполнено изучение *образа романного героя*, сознание которого чрезвычайно отзывчиво к модификациям окружающего ландшафта. Авторская позиция продиктована актуализацией проблемы самоидентификации человека в огромном урбанистическом пространстве, которое предстало в качестве экзистенционального порога, где в процессе определения личностных границ формируется ситуация выбора, создающая в спектре пространственных и аксиологических ориентиров понятия «своего / чужого», внутреннего / внешнего, светлого / темного и др. Особую, претендующую на новизну, трактовку получает в контексте данной статьи категория перевернутости, обосновывающая художественную организацию всего якутского мира, а точнее зеркальных положений города и аласа, композиционно-сюжетную основу произведений, весь спектр национально-поэтической образности. Учитывая ограниченный объем статейной публикации, понятие перевернутости рассматривается в пределах данной статьи в отношении амбивалентных образов пространства.

Ключевые слова: якутский городской текст, «Город на костях», перевернутый мир, уличная топология, экзистенциональная грань.

При исследовании городских текстов стоит обратиться к основным характеристикам, меткам-образам, составляющим неповторимый облик города, определяющим его избранность и претендующую роль на текстовость в ряду других локальных городских ландшафтов и, самое главное, обуславливающим характер подхода к изучению данного текста. Методология подхода к изучению городского текста определяется выстраиванием определенной модели анализа, где центральную роль играет выделение структурообразующих характеристик, признаков, составляющих уникальный портрет провинциального города Якутска и определяющих его исключительную статуальность в ряду других городских ландшафтов.

Исходя из проблемы национальной идентичности в контексте «якутского» текста закономерно выделение культурной модели «город / село» в аспекте системы бинарности, где активную роль играет контаминация понятий *открытости* / *закрытости*, *своего* / *чужого*, *центра* / *периферии, света* / *тьмы* и пр., которые образовывают разноструктурные модели репрезентации.

И поэтому должны учитываться несколько позиций, составляющих аутентичный образ данного топоса:

- место Якутска в пространственной картине мира, который сохраняет статус северной столицы в самой далекой холодной точке мира как «города на краю», «города на вечной мерзлоте», «города-призрака»;

- своеобразная роль Якутска (города как экзистенционального порога), единственного крупного города на большой территории республики (малые и молодые города не рассматриваются нами как культурные пороги) в определении границ ментального ландшафта, довольно четко выявляющего социальные позиции, которые играют большую роль в идентификации современного человека Якутии: горожанина-сельчанина, коренного-приезжего, интеллигента-необразованного, саха и человека иной национальности и пр., и создающего интересные психологические портреты в литературе;

- большая роль в формировании взглядов на окружающий ландшафт, национальных представлений о пространственной картине мира, обусловленных генетическим экзистенциональным опытом народа-кочевника, а также обусловленность мировосприятия национальным начальным нулевым временем, определявшим специфику аласного сознания;

- уровни восприятия города, Севера человеком, которые определяются его прикрепленно-

стью к пространству: город как родной топос или город как чужое пространство.

Ткань якутского городского текста образуется из следующих художественных элементов, создающих основу северной ментальности: *город*, *центр*, *река*, *острог*, *улицы*, *снег*, *лед*, *холод*, *туман*, *дорога*, *край*, *даль*, *грех*, *смерть*, *свобода*, *бесконечность*, *вечность* и т.д., которые, детерминируя процесс порождения текста, активно участвуют в процессе формирования особого пространства города Якутска.

Исследование якутского городского текста предполагает изучение следующих составляющих:

- хронотопической системы города, а также прилегающих образов пространства (аласный хронотоп, лиминальный хронотоп, мифологический хронотоп и т.д.);
- топологических реалий (улицы, дома, Кружало, рынки, игровые дома, автовокзал, парк, университет и др.);
- системы лейтмотивов, аккумулирующих в единое смысловое целое городской текст Якутска (мотивы пути, поиска, инициации, трансформации Я героя, смерти и др.);
- системы архетипов (река Лена, Зеленый луг, Чочур Мыраан, озеро Сайсары, башня Тыгына и др.);
- образа героя (приезжий купец, городские девушки, богачи, меценаты, арестанты, узники и др.).

Исследовательский интерес к якутскому городскому тексту определяет цель данной статьи – анализ репрезентации концептов *смерти* и *края*, апокалиптических мотивов, разбор их функциональной роли, ставших ключевыми для якутского городского текста и формирующих один из интересных аспектов в якутской прозе XX в. – геопоэтическую модель «*Города на костях*».

Вслед за работами по поэтике географических пространств, в которых транслируется методология текстологического подхода к культурным феноменам города, в определении методологических принципов анализа «апокалиптического города» в якутском тексте имеют концептуальное значение научные позиции В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, З.Г. Минц, Т.В. Цивьян, Б.М. Эйхенбаума и многих др. Методологические характеристики пространства, предпринятые в отношении «петербургского текста», в котором значительное место отводится исследованию образов и мотивов апоклиптического города на Неве, вполне могут быть применены и относительно якутского городского текста.

Апокалиптические прогнозы, касающиеся будущего города, неизменно рассматриваются в связи с описаниями больших катаклизмов (пожары, наводнения, голод, захват врагами, эпидемии и пр.). В истории человечества известны многие города, столкнувшиеся со страшными бедами и катаклизмами (Троя, Рим, Помпеи, Хиросима, Молога, Припять, военные заброшенные городки и др.), в судьбах которых в какой-то мере можно увидеть параллель с библейскими Содомом и Гоморрой. Обречение на смерть как злой рок, постоянно витающий над городом, может быть применено к судьбам многих древних городов (вспомним выражение «Карфаген должен пасть»). Тема гибели человечества от природных катаклизмов (холода, извержения вулкана, эпидемий), вторжения инопланетных сил или техногенных катастроф, успешно становящаяся кинематографическим материалом разных жанров, адаптируется обычно именно к апокалиптической судьбе больших мегаполисов.

В дополнение к всемирно известным судьбам городов-призраков можно упомянуть печально известную историю забытого в глубокой якутской тайге мертвого города Зашиверска, уничтоженного оспой, в участи которого прослеживаются многие апокалиптические мотивы (предзнаменование, греховность жителей, разлука влюбленных, смерть, страшный суд, забвение и т.д.).

Якутск, расположенный на периферии, часто воспринимается как самый северный, самый «холодный город», «ледяной город», «город-призрак», «город в тумане», «город во мгле», «мертвый город» и пр. И в этом плане достаточно интересным объектом для современных исследователей является образ Якутска, как одного из крупных и старых городов Сибири, стоящего на вечной мерзлоте, издавна ассоциировавшегося с географической далью, темнотой и физическим холодом. Прикрепление за Якутским краем статуса страны каторги, тюрем, лагерей с конца XVI в. только способствует ут-

верждению образа темного и мрачного, самого северного города. Вообще, надо отметить, что Сибирь, расположенная «на краю» культурного пространства, всегда характеризовалась как страна мертвых. Как отметил В.И. Тюпа, «хронотопический образ Сибири в русской классической литературе представляет ее страной холода – зимы – ночи (луны), то есть смерти в мифологическом ее понимании» [Тюпа, 2009, с. 255].

Город у реки Лены с самого его основания связан с мифом о потопе (известно, что место основания города переносилось трижды, т.к. каждый раз город затапливало рекой), и потому отсылающий к борьбе со стихией (рекой, холодом, жарой) мотив конца (края, обреченности) становится главным лейтмотивом в создании культурного портрета Якутска. Постоянными элементами городского ландшафта помимо этого становятся туман и мгла (тьма), покрывающие Якутск почти полгода и наполняющиеся экзистенциональной нагрузкой при оформлении образа человека в городе, всегда стремящегося в поисках себя выйти из объятий мглы.

Характерные свойства города-тюрьмы типологически могут быть обозначены в таком виде:

- локации *тюрьмы*, *психиатрической больницы*, *публичных домов*, *кабаков*, *ночных клубов*, *криминальных районов* и т.д., всегда территориально связанные с темной стороной городского пространства, а также *кладбищ*, *крематориев* и т.д., составляющих урбанистический облик «Города на костях», чему способствует реальная окруженность города Якутска многочисленными кладбищами, погостами и буквально построенными на них жилыми домами;

- персонажи городского пространства: *студенты, горожане, рабочие, безработные, бродяги, пьянчуги, хулиганы, проститутки и др.*, усиливают индекс фатальности города, способствуя превращению его в минус-пространство, где преобладание болезней, преступлений, упаднического настроения, стресса и т.д. формирует типичное городское явление – хаос (беспорядок) – основу апокалиптического состояния.

В противоречивом образе города усматривается внутренняя борьба, духовный конфликт человека. Город представляется в качестве темного леса или лабиринта, вовлекающего его своими тесными грязными улочками в неизвестность, темноту или тупик. Уличная топология как основная составляющая «города-лабиринта» представлена в различных образах – это *улочки*, *улицы*, *переулки*, *перекрестки*, *закоулки*, *обочины*, *тупики*.

Уровень мрачности и странности данного топографического пространства усиливает также восприятие Якутска как «Города на костях», построенного на нескольких кладбищах и погостах. Известно, что территория современного города стоит на шести городских кладбищах (Спасского некрополя, Никольского некрополя, Богородицкого некрополя, Еврейского кладбища, Мусульманского кладбища, кладбища «Мучин Крест») и четырех погостах (у Троицкого собора, у Предтеченской церкви, у Преображенской церкви, у Тихвинской церкви). О том, что на месте старых кладбищ и церковных погостов с течением времени строились площади, улицы, возводились дома, разраставшиеся в целые кварталы, писал П.П. Петров [Петров, 2002, с. 19–21]. К примеру, на месте кладбища, заброшенного и снесенного, находившегося приблизительно на перекрестке улиц Дзержинского и Лермонтова и далее, в 50–60-е гг. XX в. были построены многоэтажные дома. Также известно, что целый квартал, расположенный на улицах Тургенева, Октябрьского, Лермонтова, включая территорию нынешнего городского парка, построен над захоронениями и продолжает строиться.

Возведение многоэтажных домов буквально на костях (на старых кладбищах, могилах известных людей) становится олицетворением внутренней противоречивости человеческой природы, обеспечивающей многоплановость в его возможностях адаптации к окружающему миру.

Многочисленные трагические судьбы и истории с ними связанные, перешедшие по истечении времени в статус городских легенд, укрепляют имидж Якутска в качестве города, окутанного тайнами, усиливая уровень мрачности и загадочности. К примеру, в народе долгое время ходили слухи о том, что могила классика якутской литературы, талантливого писателя Н.Д. Неустроева находится прямо под крыльцом магазина у Никольской церкви. Горожанам известна также легенда, по которой над местом, где, возможно, захоронена Анна Бестужева, статс-дама Екатерины I, приговоренная за возможное участие в заговоре к урезанию языка и

вечному поселению в Сибири, пролегает автомобильная трасса. Известны случаи, когда историко-культурные памятники, в т.ч. могилы (арангасы) почитаемых в народе людей, уничтожались во время строительства дорог и прокладывания труб. История Троицкого собора, ставшего в советское время якутским клубом, далее театром эстрады также представляет двойственную суть промежуточного пространства города, где смерть и жизнь, тьма и свет, слезы и смех, как конфликтующие и в то же время взаимодополняющие друг друга бинарные оппозиции, подчеркивают бренность бытия и абсурдность человеческой жизни.

В художественной литературе наиболее близко к воплощению апокалиптического мотива «конца», «страшного суда» стоят образы *тюрьмы*, *психиатрической больницы*, *игорных домов*, *публичных домов*, *кабаков*, *ночных клубов*, *кладбищ*, *крематориев* и т.д., всегда территориально связанные с городским пространством. Реализация данных топосов как инвариантных образов железного города встречается довольно часто в литературных произведениях XX в. Начиная с описаний сибирских каторг, образ «тюрьмы без решеток» (сюда включается также семантически близкая к концепту *обреченности* и *смерти* Оймяконская трасса, известная как «дорога на костях») закономерно закрепляется за Сибирью и составляет одну из больших проблемно-тематических областей русской литературы. Концентрационные лагеря как города-призраки прочно вошли в ряд топологической символики в произведениях Ф. Достоевского, В. Шаламова, А. Солженицына, А. Синявского, Е. Гинзбурга, Э. Кочергина и др., став воплощением экзистенционального зла.

Включение городских образов в перспективу художественного текста якутскими исследователями почти всегда применяется в аналогии с мотивом экзистенционального перехода образа героя в пограничное состояние [Бурцева, 2014; Кириллина, 2014; Мыреева, 2014; Окорокова, 2001].

Смыслообразующая роль закрытого топоса реализуется исходя из народных представлений о тюрьме как подземелье (землянки, клетки, пропасти, ямы, могилы) и актуализирована далее в литературе в качестве места смерти / временной смерти. Параллель с мифологической страной мертвых или нижним миром абаасы в культуре саха можно отметить и в ряде произведений якутских писателей, где тюрьма может быть интерпретирована в качестве дьявольского мира.

Еще в романе «Сааскы кэм» («Весенняя пора», 1944) Н.Е. Мординова-Амма Аччыгыйа одними из первых в якутской прозе были намечены специфические признаки, свойства, характерные для темной, негативной стороны городской жизни. Городской ландшафт в первую очередь ассоциируется с понятием хаоса, который выражается в таких топографических характеристиках, как «*аат дойдута*» (′городской ад′), «*ыыспа куорат*» (′трущоба′), «*сүпсүлгэн*» (′суматоха′), «*куугун-хаабын*» (′шум-гам′), «*күөрэ-лаҥкы*» (′бардак′), «*үллэҥнэс*» (′многолюдье′).

В романах «Хара кыталык» («Черный стерх», 1977; 1982; 1988), «Иэйэхсити кэлэтии» («Богиня милосердия», 1993), «Yhүс харах» («Третий глаз», 1999), «Манчаары» (2001) И.М. Гоголева-Кындыла нижний мир (мир абаасы) существует в романном хронотопе в качестве страшного города и в большинстве случаев реализовывается посредством архетипов психиатрической больницы, тюрьмы. Психиатрическая больница, представленная как символ государства, управляемого деспотом-руководителем, является одним из основных геотопических реалий романа «Богиня милосердия». Главным героем она определяется как «дом печали» по аналогии с «Мертвыми домами» Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, М.А. Булгакова, «Палатой № 6» А.П. Чехова и др.

Описание Охотской тюрьмы, куда был выслан Манчаары в романе «Манчаары», дается писателем особо эмоционально, красочно. В тексте отмечается достаточно много упоминаний о железных дверях, цепях, кандалах, нарах, решетках – основных атрибутах дьявольского нижнего мира. Даже сторож этого злополучного места является бывшим кузнецом, мастером железа «*Манна баламат, кырыктаах ата-ҕастабыл, быдьар үөхсүү бэл халлааны ыыбыччары киэптээн турарга дылы, бэл халлаан ону тулуйбакка ынчыктыырга, намтаабыкка, лүҥкүрбүккэ дылы... Оо, хаайыы, хандалы дойдута!*». (′*Беспросветная жестокость, издевательство, грязная ругань как будто заполонили*

все пространство. Даже небо стонет и становится ниже, не вынося этого… О тюрьма, страна кандалов!') (здесь и далее пер. наш. – *С.К.*(*Н.*)) [Гоголев, 2001, с. 198].

Дом инвалидов и дом сумасшедших в романе «Иэйэхсити кэлэтии», где находят последнее пристанище обездоленные, отвергнутые «здоровым» обществом больные люди, превращаются в метафору всего общественного устройства: «*Быһата, мин киирбит амырыын дьиэм иирээкилэр олорор дьиэлэрэ эбит этэ! Иин иһин өҥөйөн көрөр курдук этим тарда-тарда ол дьиэҕэ киирбитим*». ('Страшный дом, порог которого я переступил, был психиатрической больницей. Я вошел туда и как будто глянул вниз в темную могилу, темную бездну') [Гоголев, 1993, с. 110]. Замкнутое пространство усиливает ощущение ограниченности человеческой жизни, разума, души и может быть интерпретировано как «пещера», «могила», вхождение в него на разных уровнях символизирует «смерть», а выход определяется как преодоление отчужденности от мира, от окружающих людей, воскрешение, перерождение.

В некоторых произведениях якутской литературы город представляется в качестве страшной чужой периферии, находящейся за гранью (границей), – функцию рубежа реализует образ реки Лены, территориально делящей пространство Центральной Якутии точно поровну – на восточную («илин энэр») и западную («арҕаа энэр») части. Расположенный на западной стороне долины Туймаада у берега могущественной Лены город Якутск постоянно находится на краю экзистенциональной бездны, которая наиболее явственно ощущается при пересечении «аласным» человеком черты своей родной среды. При вступлении в чужое для него городское пространство человек в полной мере испытывает разрушающее влияние глобализации. Якутск как портал, открывающий для человека светлые и темные стороны жизни, становится олицетворением двойственности мира и получает наиболее яркое воплощение при отражении духовного кризиса общества в контексте промежуточности – ментального порога.

Непоследовательно складывающаяся в единую схему карта дореволюционного Якутска раскрывается в облике «страшного мира» для вступающего на его территорию человека в романе В.С. Соловьева-Болот Боотура «Уһуктуу» («Пробуждение», 1987). Путь Иһиччит Николая в Якутск, во время которого город предстал как пространство ирреальное, закрытый локус, где главный герой почувствовал ограничение во всех смысловых вариациях – это и ограничение человека в физическом пространстве, и отчуждение его нравственно-духовных потребностей.

Якутск для селянина становится пространством, состоящим из структур, алогически выстроенных, непонятных, чужих, чуждых. Локация города, реализованная из гомогенных понятий грязи, убогости, узости, тесноты, серости, оппозиционирует природной географической реалии аласа (чистой, сверкающей, широкой, цветущей). В романе В.С. Соловьева-Болот Боотура, как и в трилогии И.М. Гоголева, также возникает прямая аналогия со страшным нижним миром из эпоса олонхо (*барбатах балык минин курдук бадыа-бүдүө дойду 'сумеречная страна, похожая на недоваренную рыбную уху'*). В отношении топоса города, который на сей раз выполняет функцию нижнего мира, употребляются такие качества пространства, как бесцветный, серый, тусклый, невыразительный, туманный, неясный, темный и пр.: *«Оттон Улуу Туймаада унаар-маҥан килэрийэр киэҥ эйгэтэ былыттаах түүҥҥү түүппэҕирбит халлааҥҥа иитэ-саҕата көстүбэт, аам-даам дойду буолан көһүннэ». ('Широкий простор Великой Туймады в туманную ночь показался необъятной мглой'). «Көҕөрбөтөх мастаах-оттоох, көстүбэтэх күннээх-ыйдаах, барбатах балык минин курдук бадыа-бүдүө дойду» – диэн оҕонньор олоҥхолоотоҕуна, үс үтүгэн түгэҕин маннык хоһуйар буолара. Онон дьулаан дойду диэх курдук өй охсулунна» ('Старик, когда сказывал олонхо, нижний мир повествовал в качестве мрачной страны с тусклой растительностью, незримыми солнцем и луной. Поэтому в сознании старика промелькнула мысль: страшный город')* [Соловьев-Болот Боотур, 1987, с. 392] (пер. наш. – *С.К.*(*Н.*)).

Мир городского топоса создает активные ассоциации с чувством тревоги, безысходности, одиночества: запах нечистот, пыли, грязи, немытых помещений; недружелюбное отношение городских жителей; образы картежников, пьяниц, бездомных людей; причудливые формы городских построек; тревожная ночь в гостинице,

неразбериха в городе, связанная с бунтом политссыльных, и т.д. пугают и отталкивают сельского жителя.

Перевернутость как способ мировидения становится определяющей в отношениях человека и города. В литературе периода 80–90-х гг. XX в., представленной прозой В.В. Яковлева, В.Н. Гаврильевой, Э.Д. Соколова, В.Н. Титова, Е.П. Неймохова, Н.А. Лугинова и др., Якутск выступает как место экзистенционального порога, в осмыслении которого усиливается художественная рецепция перевернутости.

Присущие старому Якутску пространственные образы по-новому актуализируются в современном художественном ландшафте города. Один из образов-маркеров гео-ядра Якутска озеро Сайсары из сакрального «Саргылаах Сайсары» трансформируется в прозе конца XX в. в криминальный район Сайсар. Или «автовокзал» – одна из основных топологических реалий советского счастливого Якутска – в прозе Э.Д. Соколова (роман «Буруйдаах» («Виновный»)), Е.П. Неймохова (повесть «Сайсары күөлгэ түбэлтэ» («Случай на озере Сайсары»)), И.М. Гоголева (роман «Иэйэхсити кэлэтии» («Богиня милосердия»)) превращается в пристанище бомжей и алкоголиков: «*Бу син обургу куоракка мин туспар ыт уйатын саҕа хос көстүбэтэҕэ. Онон сайын устата вокзалга хонуктуу сылдьыбытым. Санаабын аралдьытаары, күнү-дьылы да бараары күнүс пивной бар диэн умсулҕаннаах араҕас утаҕы атыылыыр тэрилтэҕэ олорон тахсарым. Дьэ онно араас дьону көрсөҕүн*». (‘*В этом немаленьком городе для меня не нашлось маленького уголка. Поэтому мне пришлось ночевать на вокзале. Чтобы как-то скоротать длинные дни и разобраться с мыслями, приходилось просиживать у пивного бара. Там я встречал всяких людей’*) [Гоголев, 1993, с. 222].

Образы, оторванные от аласа, оказавшиеся в «перевернутом» мире города, начинают реализовывать нетипичную для них поведенческую модель маргинальности, подразумевающей «неопределенность социального положения, утрату оснований четкого самоопределения и отсутствие социальной поддержки» [Ильмухин, 2014, с. 78]. Исходя из этой социальной ситуации в прозе конца XX в. центральными становятся проблемы поиска места в окружающем мире, самоидентификации человека в сером механистическом ландшафте города, наполненном обезличенными, поверхностными, циничными отношениями между людьми. Разрушение собственного Я, характеризующееся изменениями в характере, поведенческих особенностях человека, склонностями к депрессивным, суицидальным типам поведения, находит своеобразное художественное оформление в произведениях писателей.

Якутск, меняющий свое лицо по мере смены социально-культурных эпох, из Счастливого Якутска (Дьоллоох Дьокуускай) 50–80-х гг. XX в. трансформируется в город апокалиптический. Присущие старому Якутску пространственные образы по-новому актуализируются в современном художественном ландшафте города. К примеру, один из образов-маркеров гео-ядра озеро Сайсары из сакрального «Саргылаах Сайсары» трансформируется в криминальный район Сайсар. Или «автовокзал» – одна основных топологических реалий советского счастливого Якутска – в прозе 90-х гг. XX в. превращается в пристанище бомжей и алкоголиков.

В ряду пространственных образов одна из знаковых ролей отводится уличной топологии, представляющей беспорядочность и разнонаправленность (в виде многочисленных *улочек*, *улиц*, *переулков*, *перекрестков*, *закоулков*, *обочин*, *тупиков*). Эта бесконечная и хаотическая субстанция, почти всегда уводящая человека в неизвестность, имеет смыслообразующее значение в состоянии героя – уход в измерение «пустоты» (в Никуда) в противоположность дому, неопределенность в жизни становятся генерирующими состояниями человека, для которого постоянным топологическим пространством оказывается улица.

Город представляется в качестве темного леса или лабиринта, увлекающего человека своими тесными грязными улочками в неизвестность, темноту или тупик: «*Дьэкиим, куоракка маҥнай киирдэҕин утаа, билбэт халыҥ сиһин ортотугар мунан хаалбыт курдук, арыт илиниарҕааны араарбат буола алаадыйан хаалара. Хороспут хоруобуйалаах ампаар дьиэлэр үргүлдьү бара турар дьапталҕа олбуордарыгар, сороҕор буор сыбахтаах балаҕаннар, хотоннор, эбэтэр сарайдар күрүөлэригэр-хаһааларыгар иҥнитэлээн, ааһар үүтү-ааны булбакка тэнтик-мунтук хаамара. Арыт мунурданан хаалар холлорооннор, кыбычааннар*

устун баран төннөрө». (*'Первое время в городе Ефим ощущал себя заблудившимся в густом лесу. Не находя выхода из-за бесконечных стен высоких амбарных построек, нескончаемых загородей юрт, сараев и хлевов, плутал весь день, теряясь в узких лабиринтах и тупиках города'*) [Соловьев-Болот Боотур, 1987, с. 220] (пер. наш. – *С.К.*(*Н.*)).

Перемещения персонажей улиц отличаются отсутствием определенной цели, в отличие от динамических характеристик «героя пути», стремление которого всегда наполнено смыслом. Семантика слов, определяющих уличных людей (уулусса киһитэ ‘уличный человек’, хаамаайы ‘бродяга’, кэридэх ‘бродяга’, атах балай киһи ‘бездомный’, устугас ‘скитающийся’), имеет негативный оттенок, акцентирующийся в первую очередь на характере их пути – неосознанном, безответственном, пустом и непонятном.

Город становится местом пограничным, куда стремятся люди, оказавшиеся в пороговой конфликтной ситуации (человек, не нашедший свое место в сельском социуме, якутском түөлбэ, становится постоянным персонажем, прикрепленным к городским реалиям – больницам, улицам, тюрьмам, гостиницам, трактирам, кабакам, домам терпимости и т.д.).

Поглощение городом людей, утрачивающих здесь свою индивидуальность и превращающихся в безликую человеческую массу, «уличных людей», становится одной из основных экзистенциональных проблем еще в произведениях первых писателей. Про Николая Дорогунова (повесть «Дойду оҕото Дорогуунап Ньукулай» П.А. Ойунского), в основном топологически прикрепленного к городу, говорится, что он до некоторых пор являлся городским оборванцем, уличным нищебродом («*Дьокуускай бардаатын баранаађа, ыалын хоруоскаһыта, улууссатын илэчиискэтэ*») [Ойунский, 1993, с. 60]. В данном случае ратифицируются перевернутые роли персонажа, дуальная сущность человека, раскрываемые преимущественно в рамках городской обстановки.

В романистике И.М. Гоголева-Кындыл выход на улицу аналогичен духовному кризису человека, который находится в состоянии поиска. Городская улица для Хобороос есть не просто место действия или фон, на котором всегда появляются странные персонажи, происходят непонятные события, это символ механического мира, превращенного в случайный, непознаваемый хаос: *«Кини сайда илик өйүгэр куорат диэн туох эрэ ынырык дойдута... Бэл ото-маһа суох, курулас кумах үһү... Тугу барытын уу харчыга атыылаһан аһыыллар үһү... Таһырдьа таҕыстахха дьон кымырдаҕас курдук кыймаҥнас үһүлэр...»*. (*'Для ее ограниченного сознания город представлялся в качестве некоего страшного места... Говорят, там даже и растений- то нет, кругом песок да и только... Все покупается за деньги... И, говорят, когда выходишь на улицу, людей столько, сколько муравьев в муравейнике...'*) [Гоголев, 1977, с. 260] (пер. наш. – *С.К.*(*Н.*)).

Город как экзистенциональный порог становится местом контраста, подчеркивающим кризисные состояния мира и человека, где не могут быть в полной мере реализованы человеческие потребности, и потому он может восприниматься в качестве места экзистенциональной грани (края), где порождается множество проблемных ситуаций.

Погружаясь в пространство города, человек начинает подчиняться его законам – динамика есть основное качество человека, пребывание которого на улице всегда должно быть наполнено смыслом: «*Уулуссаҕа соҕотоҕун хайдах таах туруоххунуй, кэм тугу эмэ гыммыта буоллахына сатанар*». (*'*На улице так просто не будешь же стоять. Надо попытаться чем-то заняться*'*) [Данилов, 1973, с. 48] (пер. наш – *С.К.*(*Н.*)). При отсутствии четкой цели у человека он превращается в *устугас* (*'скитающийся'*), *хаамаайы* (*'бродяга'*). То есть *улица* как одна из значимых городских локаций подчиняет своей энергии все, что находится на ее территории.

Выход на улицы как способ отражения состояния героя в современной прозе становится определяющим в отношениях человека и города. В литературе конца XX в. Якутск выступает как место экзистенционального порога, и улица как основная топологическая единица начинает функционально преобладать над другими смыслами города. Среди оксюморонных образов, типичных для урбанистического топоса, выделяются «уличные» субъекты (*уулусса киһитэ*): праздношатающиеся, бродяги, жулики, картежники, воры, авантюристы и др. «темные» личности, прикрепленные к реалиям тюрем, бараков,

вокзалов, становятся персонификацией современной жизненной реалии. Они исполняют зеркальные, характеризующиеся разрушением собственного Я, функции, противоположные по отношению к аласным созидающим персонажам.

Стихией молодежной массы, без сомнения, обусловлено и такое типично городское явление, как повышенная социальная активность (влекущая общественные преобразования, волнения, перевороты), которое становится одним из знаковых отличительных признаков урбанистического мира 90-х гг. XX в., периода разрухи и смуты. Вспомним, что радикальные изменения в мире начинаются именно с городских арен и площадей.

Модель апокалиптического города, довольно четко выстроенная еще в произведениях первых якутских писателей, в полном объеме формируется в якутской прозе конца XX в. Для персонажей повести Е.П. Неймохова «Сайсары күөлгэ түбэлтэ» («Случай на озере Сайсары», 1988) город – это пространство временного пребывания: ряд временщиков-золотоискателей, мигрантов, приехавших в Якутск за «длинным рублем», пополняют безработная молодежь, студенты, также оказывающиеся в городском пространстве на короткий промежуток времени. *«Чехов уулуссатынааҕы ас маҕа-һыыныгар киириитахсыы хойдубут, сэргэстэһэ арыгы атыылыыр маҕаһыын иннигэр төбүрүөннээбит түөрт-биэс уолу хараҕын кырыытынан көрө-көрө, Захар Захарович маҕаһыыннар иннилэринэн аа-ста: "Итинник уолаттартан киһи араа-ҕы күүтүөн сөп"».* (*'У продуктового магазина на улице Чехова столпились люди. Захар Захарович, краем глаза наблюдая за четырьмя-пятью молодыми людьми, стоящими у алкогольного ларька, прошел мимо. От них можно ожидать чего угодно…'*) [см. по: Неймохов, 2013, с. 32] (пер. наш. – *С.К.*(*Н.*)).

Любопытно, что в литературе 1990–2000-х гг. восприятие образа студента претерпевает существенные изменения – студенты 90-х гг. XX в. – это субъекты с другим нравственно-личностным укладом, иными ценностными установками в отличие от студентов 50–60-х гг. XX в. Модель ролевого поведения студента предыдущих поколений, *открытого*, *любознательного, дружественного*, сменяется на полярные роли *закрытого*, *сомневающегося*, *спорящего*, *агрессивного* типа студента, образ которого далее сформирует типичное городское явление – толпу (столпотворение, массу, сброд и пр.), опасную тем, что толпа наполняет улицы беспокойством, недовольством, хаосом.

Человек улицы сращивается с улицей, растворяется в ней, исчезает, как это происходит с главным персонажем Е.П. Неймохова: «*Утары иһэр дьоҥтон ким да хараҕа киниэхэ хатанан ааспат. Давыдов эмискэ көстүбэт киһи буолан хаалбыттыы сананна, кини барыларын көрөр, оттон кини кимиэхэ да көстүбэт, бу дьиэлэри кытта дьиэ, суолу кытта суол буолбукка дылы».* (*'Люди, встречающиеся ему на пути, не обращают на него ни единого взгляда. Давыдову почудилось, что он превратился в невидимого человека, от его взгляда не ускользает ничего, он видит всех прохожих, а его самого никто не может рассмотреть, он словно растворился среди этих домов и улиц'*) (пер. наш. – *С.К.*(*Н.*)) [Там же, с. 109]. Как видно, уличная топология представлена в качестве места экзистенционального порога, ярко обнажающего душевное состояние современного человека.

В якутской литературе конца 90-х гг. XX в. темная (теневая) сущность города начинает выделяться особо явственно – на фоне активных трансформаций общественного сознания начинает формироваться новое состояние литературы. Противоположную сторону города и роль в нем мрачных субъектов урбанистической реалии (надзирателей, палачей, следователей, тюремщиков, заключенных), большей частью относящихся к ночной, малоизвестной стороне жизни города, можно будет проследить в атмосфере города-тюрьмы в повестях Г.И. Борисова «Из света во тьму» (1992), «За колючей проволокой» (1993), «Годы ссылки» (1994), романе-эссе В.С. Яковлева-Далана «Дьылҕам миэнэ» («Судьба моя», 1994).

В отношении творчества В.С. Яковлева-Далана правомерно использование понятия перевернутости, через проекцию которого городской текст наполняется новым смысловым содержанием: от города света в романе «Друг, взойди на зеленые холмы» (1991) городская реалия трансформируется в город-тюрьму («Судьба моя», 1994). Перевернутость обуславливает раскрытие другой стороны реальности – изнаночной реалии Якутска.

В первом романе писателя город предстает в положительном аспекте как олицетворение новой светлой жизни и, помимо понятия центра, включает ассоциативные ряды *верха*, *неба*, *света*: Сергелях, многоэтажные дома, студенчество, молодость, наука, свет, огни Якутска, просторы и пр. Город способствует реализации внутреннего потенциала героя романа, студента исторического отделения пединститута, молодого интеллектуала Ньургуна Туласынова, активно «восходящего на высоты» жизни и «окрыленного» духом советского абсолютизма в городе света (молодости, радости, учебы) вместе со своими друзьями Уолан Уйгуровым, Леной Соболевой, Евстафием Отчуновым, Колей Никитиным и др. Этой динамике героя способствует городская атмосфера – жизнь в студгородке Сергелях, университетские лекции профессора Кынтаярова, светлые просторы Якутска.

Мир перевернутый, казалось бы, реально невозможный, абсурдный, открывает свои двери перед главным героем романа студентом Василием Яковлевым 10 апреля 1952 г. Тюрьма как локус для отчуждения человека представляется для вдохновленного студента пединститута чужим пространством, открывающим теневые стороны Якутска, и символизирует страшную, разрушающую сторону бытия.

Двойственность, проявляющаяся в устройстве политической системы страны, личной природы человека, обнажает темную сущность советской действительности. Фальшивые маски, воображаемые идолы, ложные лозунги становятся атрибутами того, оставшегося за дверьми весеннего Якутска, широкие, светлые улицы которого, на первый взгляд, полны студентов, взбудораженных ученическими заботами и юношескими радостями.

Степень авторской рецепции образа города далекого 1952 г. имеет довольно четкие координаты: по мере углубления в текст меняется и трансформируется облик родного города, и постепенно проступают очертания неизвестного города-тюрьмы. Карта нынешнего города, состоящая из улиц, переулков, домов, различных зданий, предельно точно накладывается на карту города 50-х гг. XX в. Эти призрачные очертания города-тюрьмы, умело задекорированные в современное обличье современного города, изредка могут выпускать темных чудовищ – сквозь нынешние очертания города вновь проявляются черные фигуры, пугающие тени, знакомые контуры внутренней тюрьмы, не давая о себе забыть бывшему узнику [Яковлев-Далан, 1994, с. 256].

В романе В.С. Яковлева-Далана топология лабиринта непосредственно будет связана с узкими мрачными коридорами-лабиринтами внутренней тюрьмы на улице Дзержинского, куда водили узников на ночные допросы, очные ставки, в карцер или на расстрел. Подземные коридоры-лабиринты внутренней тюрьмы ГПУ, ведущие в «никуда», в «темноту», где решались судьбы многих узников, символизируют катастрофичность и трагичность всей системы сталинской репрессии: «*Кини камераларыттан быһа сороҕор сир аннынааҕы холлорооннорунан уборнайга, амбулаторияҕа, прогулка оҥорор сиргэ, карцерга, следователлэр кабинеттарыгар, ытар подвалларыгар илдьиэххэ сөп буолар эбит. Киниттэн сатаан куотар кыах суох буолара*». *('Из камер внутренней тюрьмы по подземным лабиринтам заключенных уводили в уборную, амбулаторию, карцер, в кабинеты следователей, подвалы для расстрела. Оттуда выйти было невозможно')* [Там же, с. 25] (пер. наш. – *С.К.*(*Н.*)).

Таким образом, можно заключить, что структура апокалиптического города в якутской прозе конца XX в. достаточно четко сформирована. Характерные свойства урбанистического облика Якутска как «Города на костях» типологически могут быть обозначены в таком виде:

- локации *тюрьмы*, *психиатрической больницы*, *публичных домов*, *кабаков*, *ночных клубов* и т.д., а также *кладбищ*, *крематориев* и т.д.;

- образы уличной топологии как основной составляющей «города-лабиринта» – *улочек*, *улиц*, *переулков*, *перекрестков*, проспекта, *закоулков*, *обочин*, *тупиков*;

- персонажи городского пространства: *студенты, горожане, рабочие, безработные, бродяги, пьянчуги, хулиганы, проститутки* и др;

- лейтмотивы: *мотивы поиска*, *потери*, *смерти*, *обреченности*, *исчезновения* и др.

Таким образом, художественно-культурные элементы, состоящие из апокалиптических мотивов и образов, из которых логически складывается одна из ипостасей неповторимого культурного портрета Якутска как «Города на ко-

стях», находящегося на краю (земли, вселенной, у бездны), органически аккумулируются в единый городской текст, который вполне может претендовать на самодостаточность своей специфичностью на фоне других локальных текстов. Централизуясь вокруг смыслового ядра «Город», данные оригинальные элементы, сотканные из генетических, материальных, историко-культурных, поэтических параметров, образовывают уникальную автономную реальность города на Севере, в центре которой всегда находится идея человека как высшей ценности.

Как нам кажется, рекомендуемый нами в качестве самостоятельной вариативной единицы якутский «городской текст» имеет право на полноправное бытование в ряду других «текстов». Якутский городской локальный текст как единая художественно-культурная система вполне может претендовать на самодостаточность своей специфичностью на фоне других локальных текстов, так как представляет собой художественное единство сложного структурного уровня, где включены в единое целое ландшафтные характеристики, образы природы, роль и место человека, и, конечно же, весь ментальный образ мира народа саха, которые в совокупности воспроизводятся через индивидуально-авторское, субъективно-личностное Я автора-якута, носителя национального самосознания.

Литература

Бурцева Ж.В. Русскоязычная литература Якутии: художественно-эстетические особенности пограничья. – Новосибирск: Наука, 2014. – 132 с.

Гоголев И.М. Иэйэхсити кэлэтии: роман. – Якутск: Бичик, 1993. – 272 с.

Гоголев И.М. Манчаары: роман. – Якутск: Бичик, 2001. – 360 с.

Данилов С.П. Киһи биирдэ олорор: роман в 2 ч. – Якутск: Як. кн.изд-во, 1973. – 272 с.

Ильмухин В.Н. Городская сфера как фактор детерминации поведенческих практик: варианты социологической концептуализации // Вестник РУДН. Сер.: Социология. – 2014. – С. 87–97.

Кириллина М.А. Якутская комедия: типология и жанровая динамика. – Новосибирск: Наука, 2014. – 116 с.

Лихачев Д.С. Воспоминания. – СПб.: Logos, 1995. – 519 с.

Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб.: Искусство, 2001. – 704 с.

Мыреева А.Н. Якутский роман 70–90-х годов XX века. Традиции и новации. – Новосибирск: Наука, 2014. – 116 с.

Неймохов Е.П. Сайсары күөлгэ түбэлтэ. – Якутск: Бичик, 2013. – 224

Ойунский П.А. Талыллыбыт айымньылар. – Т. 2. – Якутск: Бичик, 1993. – 442 с.

Окорокова В.Б. Пути развития прозы в литературах народов Якутии: в 2 ч. Ч. 1. – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 2001. – 68 с.

Петров П.П. Градоякутские православные храмы. – Якутск: Бичик, 2000. – 96 с.

Петров П.П. Улицы и площади Якутска. – Якутск: Бичик, 2002. – 112 с.

Соловьев В.С.-Болот Боотур. Уһуктуу: роман. – Якутск: Як. кн. изд-во, 1987. – 640 с.

Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избр. – М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – 624 с.

Тюпа В.И. Анализ художественного текста: учеб. пособие. – М.: Академия, 2009. – 336 с.

Яковлев В.С.-Далан. Дьылҕам миэнэ. – Якутск: Бичик, 1994. – 448 с.

S.E. Karmanova (Noeva)

Yakutsk as existential threshold in Yakut prose of the XX century

The relevance of this article is dictated by the need to study the cultural landscape of Yakutsk on the artistic material of XX century Yakut prose as a segment within which the unique quality of the national world is most clearly revealed. In this regard, the scientific novelty of the article is obvious: it consists in the need to comprehend one of the authentic and meaningful models of the Yakut city text – the "Cities on Bones" model, as a semantic structure that manifests itself in the constancy of images, universals with a cultural, historical, mental community and united in a single art system. The study of the image of the apocalyptic Yakutsk, which has not yet been developed in detail in Yakut literary criticism, is argued by the idea of an apocalyptic city as one of the many models of the Yakut urban text, and is based on a large

artistic material of P.A. Oyunsky, N.E. Mordinova-Amma Achchigyya, I.M. Gogolev, V.S. Soloviev-Bolot Bootur, V.S. Yakovleva-Dalan, E.P. Neymokhova et al. Conceptually, this work is based on scientific views on local texts, which in their essence are understood much wider than urban texts, suggesting, in addition to the urban text, the inclusion of both "alas" text and liminal chronotope, creating artistic models of space, complementing and adjoining each other in a single Yakut text . In the context of the declared theme, a new semantic activity is carried out to study the image of the novel hero, whose consciousness is extremely responsive to modifications of the surrounding landscape. The author's position is dictated by the actualization of the problem of human self-identification in a huge urban space, which appeared as an existential threshold, where in the process of determining personal boundaries a choice situation is created that creates the concept of "friend or foe", internal-external, light-dark in the spectrum of spatial and axiological landmarks et al. A special interpretation of novelty in the context of this article is the inversion category, which justifies the artistic organization and all the Yakut of the world, but rather mirror the provisions of the city and alas, compositionally-story foundation works, the whole spectrum of national and poetic imagery. Given the limited amount of article publication, the notion of inversion is considered within the scope of this article in relation to ambivalent images of space.

Keywords: Yakut city text, "City on bones", an inverted world, street topology, existential line.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Зинаида Николаевна – м.н.с. лаборатории нейродегенеративных заболеваний ФГБНУ «ЯНЦ КМП», г. Якутск, Россия, gzinaida@mail.ru

Артыкбаев Жамбыл Омарович – д.и.н., академик Академии социальных наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан, socantropology@mail.ru

Боякова Сардана Ильинична – д.и.н., г.н.с., зав. отделом истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, boyakova@mail.ru

Васильева Нина Дмитриевна – к.и.н., с.н.с. отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, oiuna@mail.ru

Винокуров Александр Данилович – м.н.с. отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, соискатель кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ, г. Якутск, Россия, ad.vinokurov@gmail.com

Винокурова Ольга Егоровна – к.п.н, доцент кафедры теории и методики физической культуры и безопасности жизнедеятельности Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия, olgvin@mail.ru

Готовцева Лина Митрофановна – к.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, Lingot@rambler.ru

Григорьев Степан Алексеевич – к.и.н., н.с. отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, detample@yandex.ru

Данилова Надежда Ивановна – д.ф.н., г.н.с., зав. отделом якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, nadiv2008@mail.ru

Егорова Айталина Григорьевна – к.м.н., зав. лабораторией клинико-популяционных и медико-социальных исследований ФГБНУ «ЯНЦ КМП», г. Якутск, Россия, aitalina@mail.ru

Иванова Нина Иннокентьевна – к.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, haar-haar@mail.ru

Карманова (Ноева) Саргылана Еремеевна – к.ф.н., н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, sargykarmanova@gmail.com

Павлова Надежда Васильевна – к.ф.н., н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, nadya.sanaaya@yandex.ru

Петрова Валентина Алексеевна – к.и.н., н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, valya89243679003@mail.ru

Романова Лидия Николаевна – к.ф.н., в.н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, romanova_lida@mail.ru

Саввинов Анатолий Иванович – к.и.н., с.н.с. отдела археологии и этнографии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, savvin_06@mail.ru

Слепцов Спиридон Спиридонович – к.б.н., доцент, с.н.с. лаборатории клинико-популяционных и медико-социальных-исследований ФГБНУ «ЯНЦ КМП», г. Якутск, Россия, sachaja@yandex.ru

Слепцова Снежана Спиридоновна – д.м.н., доцент, заведующая кафедрой инфекционных болезней, фтизиатрии и дерматовенерологии медицинского института Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия, sssleptsova@yandex.ru

Стручков Кирилл Намсараевич – к.ф.н., н.с. отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, kstruchkov@mail.ru

Сулейманов Александр Альбертович – к.и.н., с.н.с. отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, г. Якутск, Россия, alexas1306@mail.ru

Сундуева Екатерина Владимировна – д.ф.н., г.н.с. отдела языкознания ФГБУН Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия, sundueva@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Alekseeva Zinaida Nikolaevna – Junior Research Fellow of the Laboratory of Neurodegenerative Diseases, FSBSI "YSC CMP", Yakutsk, Russia, gzinaida@mail.ru

Artykbaev Zhambyl Omarovich – Doctor of Historical Sciences, Academician of the Academy of Social Sciences Professor of the Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Nur-Sultan, Kazakhstan, socantropology@mail.ru

Boyakova Sardana Ilyinichna – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Head of the Department of History and Arctic Studies of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, boyakova@mail.ru

Vasilyeva Nina Dmitrievna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History and Arctic Studies of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, oiuna@mail.ru

Vinokurov Alexander Danilovich – Junior Research Fellow of the Department of History and Arctic Studies of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, applicant for the Department of Contemporary History of Russia, Historical Archive Institute of the Russian State Humanitarian University, Yakutsk, Russia, ad.vinokurov@gmail.com

Vinokurova Olga Egorovna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and Methods of Physical Culture and Life Safety of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia, olgvin@mail.ru

Gotovtseva Lina Mitrofanovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, Lingot@rambler.ru

Grigoryev Stepan Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow of the Department of History and Arctic Studies of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, detample@yandex.ru

Danilova Nadezhda Ivanovna – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher, Head of the Department of the Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, nadiv2008@mail.ru

Egorova Aytalina Grigoryevna – Candidate of Medical Sciences, Head of the Laboratory of Clinical-Population and Medical-Social Research FSBSI "YSC CMP", Yakutsk, Russia, aitalina@mail.ru

Ivanova Nina Innokentievna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, haar-haar@mail.ru

Karmanova (Noeva) Sargylana Eremeevna – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, sargykarmanova@gmail.com

Pavlova Nadezhda Vasilievna – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS, Yakutsk, Russia, nadya.sanaaya@yandex.ru

Petrova Valentina Alekseevna – Candidate of Historical Sciences, Research Fellow of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, SB RAS, Yakutsk, Russia, valya89243679003@mail.ru

Romanova Lidia Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, romanova_lida@mail.ru

Savvinov Anatoly Ivanovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Archeology and Ethnography of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, savvin_06@mail.ru

Sleptsov Spiridon Spiridonovich – Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Laboratory of Clinical-Population and Medical-Social-Research FSBSI "YSC CMP", Yakutsk, Russia; sachaja@yandex.ru

Sleptsova Snezhana Spiridonovna – Doctor of Medical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Infectious Diseases, Phthisiology and Dermatovenereology of the Medical Institute of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk, Russia, sssleptsova@yandex.ru

Struchkov Kirill Namsaraevich – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of Northern Philology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, kstruchkov@mail.ru

Suleymanov Alexander Albertovich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History and Arctic Studies of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Yakutsk, Russia, alexas1306@mail.ru

Sundueva Ekaterina Vladimirovna – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher of the Department of Linguistics, FSBIS Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude, Russia, sundueva@mail.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»

В журнале публикуются статьи, содержащие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области языков, истории и культуры коренных народов Северной Азии, в том числе, работы компаративного характера. К публикации принимаются статьи на русском или английском языках. Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи к печати не принимаются. Не принимаются к печати работы, представленные или принятые для публикации в другие печатные издания или электронные средства массовой информации.

Объем статьи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять 12–24 страницы (20000–40000 знаков). Статьи большего или меньшего объема принимаются по согласованию с редакцией. Статьи должны быть хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Рукопись должна быть напечатана на отдельных листах формата А4 через 1,5 интервала (шрифт Times New Roman или Times Sakha, размер – 14) с полями: снизу, сверху и слева – 2 см, справа – 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются.

Аннотация статьи на английском и русском языках (не менее 150 слов). В конце аннотации – от 5 до 10 ключевых слов. Аннотация не должна содержать ссылок на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать, в первую очередь, главные результаты работы, а не являться формальным описанием статьи, т.е. быть краткой, но содержательной. Рекомендуется, чтобы аннотация на английском языке представляла основное содержание статьи, при этом не состояла только из общих слов и не являлась калькой русскоязычной аннотации. В заголовке аннотации сначала даются инициалы и фамилия(и) автора(ов), затем название статьи.

Никакие сокращения, кроме общепринятых, в тексте и таблицах без предварительной расшифровки не допускаются. Все таблицы должны иметь заголовки и сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, без знака № (например, таблица 1), в тексте ссылки нужно писать сокращенно (табл. 1). Текст таблицы должен быть напечатан через два интервала; содержание таблиц не должно дублировать текст.

Таблицы следует набирать в книжном формате, шрифтом Times New Roman размером не более 10 и не менее 8. Объем таблицы не должен превышать одной страницы (вместе с заголовком, возможными сносками и примечаниями).

Рисунки следует оформлять в программе Photoshop или файлами с расширением jpg. Фотографии должны быть в оригинале хорошего качества. Разрешение изображения на цифровых и отсканированных фотографиях должно быть не менее 300 dpi.

Подрисуночные подписи не должны входить в рисунок. Их набирают отдельным списком с указанием номера рисунка.

Литература и источники, использованные при написании статьи, приводятся после текста отдельным списком в алфавитном порядке. Ссылка на литературу в тексте должна даваться в квадратных скобках на название работы или на фамилию автора и год издания с указанием конкретной страницы, если приводится цитата [Иванов, 1991, с. 3]. Если авторов с одинаковой фамилией несколько, в скобках приводятся и инициалы. Если использовано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, при ссылке в тексте и списке около года ставится буква: Петров, 1996а,б.

Авторам после текста необходимо указать следующие сведения: фамилию, имя, отчество, почтовый и электронный адреса (для переписки), место работы, занимаемую должность, ученую степень, ученое звание, номер телефона (служебный, домашний или сотовый).

Редакция оставляет за собой право вносить изменения, не искажающие основные положения статьи.

Перед названием статьи указывается индекс УДК.

Статьи, поступающие в редакцию, проходят проверку на антиплагиат (допускается наличие корректно оформленных заимствований в размерах, не превышающих 30% от общего объема рукописи), рецензируются и по решению редколлегии утверждаются к печати. Оригиналы статей авторам не возвращаются.

Рукописи следует отправлять на электронный адрес редакции: **svgv2010@mail.ru** или предоставлять в печатном виде по адресу: 677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1, каб. 105. Тел. 8(4112) 35-49-96.

Для заметок

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76636 от 02 сентября 2019 г.

Адрес издателя и редакции
677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 10.06.2020. Дата выхода в свет 26.06.2020.
Формат 60x90 $^{1}/_{8}$. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. п.л.17,5. Уч.-изд. л. 15,4. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГИиПМНС СО РАН
677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 8 (4112) 35–68–69

Индекс П2454